АКАДЕМИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК при ЦК ВКП(б)

ГК 625
Э 693

Н. ЭМИРОВ

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ДАГЕСТАНЕ И БОРЬБА С ГЕРМАНО-ТУРЕЦКИМИ ИНТЕРВЕНТАМИ

МОСКВА 1949

АКАДЕМИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК при ЦК ВКП(б)

Н. ЭМИРОВ

Установление Советской власти в Дагестане и борьба с германо-турецкими интервентами (1917—1919 гг.)

МОСКВА 1949

2й экз

ГК625
Э 693
1986
БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК ВКП(б)
642151

Отв. редактор И. Разгон.

А01472. Подп. к печ. 20/I 1949 г. Объем 11¾ п. л. Заказ 1348. Тираж 5 000.

Типография Высшей Партийной Школы при ЦК ВКП(б)
Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Дагестана полна героической борьбы его народов за независимость. Многочисленные племена Дагестана испытывали на себе ужасы походов сассанидских царей, арабских завоевателей, татаро-монгольских ханов, иранских шахов и турецких султанов. Народы Дагестана не раз восставали против иноземных захватчиков и местных феодалов, но они были одиноки, и иноземным захватчикам легко удавалось ломать их сопротивление. Нелегко было положение народностей Дагестана в царской «тюрьме народов». Двойной пресс гнета — царского самодержавия и местных ханов, беков и национальной буржуазии — довлел над трудящимися массами Дагестана.

Не раз восставали горцы против царизма и местных феодалов за свою независимость: в 1877—1878, 1890 годах. Но без руководства рабочего класса и без тесной связи и дружбы с великим русским народом эти разрозненные выступления крестьян-горцев легко подавлялись организованной силой царизма и местных эксплоататоров.

Только победа героических русских рабочих и крестьян в октябре 1917 г. разорвала цепи и освободила трудящихся Дагестана из той темноты, в которой держали их царизм и местные эксплоататоры.

«Октябрьская революция резко изменила положение, — писал товарищ Сталин. — Она одним взмахом перевернула все отношения, поставив вопрос о переходе власти в руки трудовых классов. Клич «Вся власть рабочим и крестьянам!» громом прокатился по стране, подняв на ноги угнетенные массы» [1]. Вместе с трудящимися всей страны дагестанская беднота горячо защищала завоевания великого Октября. В их борьбе им помогал великий русский народ, ими руководила большевистская партия Ленина — Сталина.

Трудящиеся Дагестана не успели еще достаточно освоить плоды великого Октября, как на них набросились в 1918 г. хищнические орды германо-турецких интервентов, затем английских оккупантов.

В настоящей работе показана роль партии большевиков и великого русского народа в освобождении трудящихся Дагестана, в завоевании ими подлинной независимости. Без этой помощи Даге-

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 53.

стан стал бы игрушкой в руках германских или турецких империалистов и в своем развитии был бы отброшен на столетия назад. Только самоотверженная поддержка великого русского народа, сотни представителей которого погибли за Советский Дагестан, спасла трудящихся горцев от ига поработителей.

Глава I

ДАГЕСТАН В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ И ПОБЕДЫ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Дагестан в период Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года

27 февраля 1917 г. в России было свергнуто самодержавие. Вторая буржуазно-демократическая революция закончилась победой рабочих и крестьян.

Февральская революция 1917 г. победила потому, что рабочий класс являлся гегемоном революции; он возглавил движение миллионных масс крестьян, одетых в солдатские шинели, «за мир, за хлеб, за свободу».

Пролетариат России на опыте революционной классовой борьбы 1905—1907 гг. превратил империалистическую войну в гражданскую, свергнув трехсотлетнее господство романовых.

Революция в центре проходила очень быстро. Этой быстроте помогала сложившаяся в то время историческая обстановка.

«Если революция победила так скоро и так — по внешности, на первый поверхностный взгляд — «радикально», то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации слились вместе, и замечательно «дружно» слились, совершенно различные потоки, совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные стремления, — писал В. И. Ленин. — Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К° к захвату власти в интересах продолжения империалистской войны, в интересах еще более ярого и упорного ведения ее, в интересах избиения новых миллионов рабочих и крестьян России для получения Константинополя... Гучковыми, Сирии... французскими, Месопотамии... английскими капиталистами и т. д. Это — с одной стороны. А с другой стороны, глубокое пролетарское и массово-народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера за хлеб, за мир, за настоящую свободу»[1].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XX, стр. 16—17.

Русские рабочие и крестьяне свергли царизм, но империалистическая буржуазия при поддержке мелкобуржуазных партий — меньшевиков и эсеров — воспользовалась плодами этой победы; власть перешла в руки буржуазно-помещичьего Временного правительства.

«Это правительство, — писал В. И. Ленин, — не случайное сборище лиц.

Это — представители нового класса, поднявшегося к политической власти в России, класса капиталистических помещиков и буржуазии, который давно правит нашей страной экономически и который, как за время революции 1905—1907 годов, так и за время контр-революции 1907—1914 годов, как наконец — и притом с особенной быстротой — за время войны 1914—1917 годов, чрезвычайно быстро организовывался политически, забирая в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и съезды разных видов, и Думу, и военно-промышленные комитеты, и т. д. Этот новый класс «почти совсем» был уже *у* власти к 1917 году; поэтому и достаточно было первых ударов царизму, чтобы он развалился, очистив место буржуазии» [1].

Но рядом с Временным правительством существовали Советы рабочих и солдатских депутатов — органы власти рабочих и крестьян, органы революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства. Так в стране создалось двоевластие — это «замечательное своеобразие» [2] русской революции 1917 года.

В чем заключалось двоевластие? «В том,—пишет В. И. Ленин,— что рядом с Временным Правительством, правительством буржуазии, сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки несомненно существующее на деле и растущее другое правительство: Советы Рабочих и Солдатских Депутатов» [3].

Буржуазное Временное правительство во главе с князем Львовым с первого же дня своего существования начало восстанавливать «порядок» в стране и в армии. Главной своей задачей оно ставило продолжение войны до «победного» конца, укрепление власти капиталистов и помещиков, продолжение колониальной политики царизма в интересах русской буржуазии и помещиков. Политика Временного правительства коренным образом расходилась с интересами рабочих и крестьян России и с интересами угнетенных наций.

Победа Февральской революции потрясла всю царскую империю. Весть о свержении царизма дошла до народов Дагестана с небольшой задержкой. Эту весть всеми силами старался скрыть царский губернатор Дагестанской области генерал Ермолов. Не желая нарушать царские порядки, он предложил помещикам и буржуазии оставить прежнюю систему управления во главе с губернатором, уверяя их в неприкосновенности кавказско-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XX, стр. 17.
[2] Там же, стр. 94.
[3] Там же.

го наместничества. Но когда весть о победе Февральской революции дошла до масс горцев, во всех округах были свергнуты царские начальники округов и участков. Однако местная националистическая буржуазия и клерикально-помещичья верхушка горского населения в Дагестане сразу нашли общий язык с Ермоловым. Сохранив царского губернатора как военную власть, они приступили к созданию гражданской власти в области.

6 марта 1917 г., в базарный день, в областном центре Темир-Хан-Шуре представителями местной буржуазии был созван большой митинг, где наспех был создан новый орган управления — так называемый Дагестанский областной совет. Все царские учреждения во главе с военным губернатором сохранялись. До середины апреля губернатор оставался в области. До конца 1917 г. продолжала существовать городская дума. В Дагестанский областной совет входили «избранники» буржуазно-националистической интеллигенции, дагестанской буржуазии, представители помещиков и мусульманского духовенства, во главе которых были князь Нухбек Тарковский, крупнейший овцевод и ученый арабист Наджмутдин Гоцинский, известные богачи Хизри Гаджиев и Даниял Апашев, коммерсант Мавраев, ученый арабист Магомед-кади Дибиров, адвокаты Гайдар Бамматов и Али Гасанов, областной инженер Зубаир Темирханов, анархист Магомед Далгат, меньшевики Урусов, Кваршалов, анархист Коркмасов и буржуазный националист, близкий к меньшевикам, Тахо-Годи и другие.

В состав Областного совета, несмотря на протесты помещичье-клерикальных элементов, вошли также дагестанский революционер Махач Дахадаев и отколовшийся от эсеров и перешедший в середине 1917 г. к большевикам Саид Габиев.

В этот же день вечером был создан Временный дагестанский областной исполнительный комитет. В состав Временного областного исполнительного комитета были «избраны» от каждого округа по 2—5 человек из среды помещиков, буржуазии и буржуазно-националистической интеллигенции. Председателем был избран Зубаир Темирханов, членами от Темир-Хан-Шуринского округа — представители местной феодальной верхушки: потомок таркинских шамхалов [1] князь Тарковский, полковник Доногуев, мулла Пейзуллаев и другие; от Казикумухского округа — ученый арабист Демир Али Каяев, царский чиновник Бадави Саидов, лесничий Бутаев и другие; от Андийского округа — крупный овцевод Джамал Салманов, сельский богач Исааков Якуб; от Даргинского округа — царский пристав Султанбеков Али, юрист Далгат Абдусалам и другие; от Аварского округа — Гасанов Кибит-Хажияу и Махач Дахадаев; от Гунибского округа — крупный овцевод Ризван Мавраев, ученый арабист Магомед-кади Дибиров, коммерсант Магомед-Мирза Мавраев; от Самурского округа — царский чиновник, областной агро-

[1] Шамхал — княжеский титул.

ном Эмиров Пирали, сельский богач Кухмазов Абдул-джалил; от Кюринского округа — помещик Юсупханов Гамзат-бек; от Кайтаго-Табасаранского округа — крупный барановод Хаджи-кута Абдул-Ганиев.

Временный областной исполнительный комитет немедленно командировал в резиденцию кавказского наместника в Тифлис делегацию во главе с председателем исполкома Темирхановым с просьбой об оставлении Ермолова на посту губернатора Дагестанской области.

Однако Особый закавказский комитет — орган Временного правительства Закавказья, во главе с кадетом Харламовым, и Кавказский мусульманский комитет, возглавляемый дагестанским помещиком и адвокатом Бамматовым, Тимшаза-заде и муфтием Субханкуловым, опасаясь выступления народных масс, отказали Временному областному исполнительному комитету в оставлении царского губернатора в Дагестане и предложили подчиниться Временному правительству.

6 апреля 1917 г. Особый закавказский комитет постановил: «Образовать для управления Дагестанской областью Особый Комиссариат в составе Магомеда Далгат, Ибрагим-бека Гайдарова и одного лица, избираемого Дагестанским Областным Исполнительным комитетом и утверждаемого Особым закавказским комитетом» [1].

Так Временный дагестанский областной исполнительный комитет стал местным органом Временного правительства. Таким образом, в первые месяцы после Февральской революции Дагестан находился в зависимости от Особого закавказского комитета. В конце марта 1917 г. в области находились два «комиссара»: Ибрагимбек Гайдаров, бывший член социал-демократической фракции III Государственной думы (исключенный из этой фракции), — от Особого закавказского комитета и юрист Магомед Далгат — от Временного правительства.

12 марта 1917 г. Временный областной исполнительный комитет, по указанию Временного правительства, командировал во все округа и участки своих представителей — «комиссаров» для организации окружных и участковых комитетов.

Были созданы окружные и участковые комитеты, куда вошли помещики, окружные кади [2], сельские старшины и другие имущие элементы.

Большинство горской крестьянской массы, веками угнетавшейся, находившейся под сильным влиянием местных беков, кулачества и реакционного мусульманского духовенства, в начале 1917 г. еще доверяло буржуазно-националистическим и кулацко-мульским

---

[1] Государственный архив МВД Дагестанской АССР, фонд 1, дело 13, лист 8.

[2] Кади — шариатский судья, он же сельский, окружной и городской священник.

элементам, разглагольствовавшим на все лады о достижениях «действительной свободы».

Общее политическое движение горцев в начале Февральской революции приняло поэтому характер национально-освободительного движения против царских колонизаторов — начальников округов и участков, городских полицмейстеров и других представителей самодержавия.

Местная националистическая буржуазия и клерикально-помещичья верхушка без особого труда забрали власть в свои руки, чему способствовали эсеры, меньшевики и буржуазно-националистическая интеллигенция, основными лозунгами которых были: «Война до победного конца!» и «Полная поддержка Временного правительства!».

Наряду с органами дагестанской националистической буржуазии и помещиков самостоятельно возникли органы рабочих и крестьян — Советы рабочих и крестьянских депутатов. В специфических национальных условиях Дагестана солдатские Советы сначала образовались самостоятельно и только во второй половине 1917 г. стали сливаться с Советами рабочих и крестьянских депутатов. Совет солдатских депутатов Темир-Хан-Шуринского гарнизона, например, объединился с Советом рабочих и земледельческих депутатов, организованным Махачем Дахадаевым во второй половине 1917 года. В Порт-Петровске, также в Дербенте организовались Советы рабочих и крестьянских депутатов и отдельно Советы солдатских депутатов. В Порт-Петровске Совет рабочих и крестьянских депутатов и Совет солдатских депутатов Порт-Петровского гарнизона объединились в один военно-революционный комитет лишь в ноябре 1917 года.

Советы рабочих и крестьянских депутатов и Советы солдатских депутатов вначале были разрознены и еще очень слабы. В большинстве Советов хозяйничали эсеры, меньшевики и буржуазные националисты. Это вызывалось в основном теми же причинами, что и в центре. В период Февральской революции в Дагестане, как и в большинстве национальных окраин, буржуазия и помещики были сильнее и организованнее, нежели трудящиеся массы. Немногочисленная большевистская организация к моменту Февральской революции была почти ликвидирована царизмом и загнана в глубокое подполье, а наиболее революционно настроенные рабочие мобилизованы на фронт.

В силу этого Советы рабочих и крестьянских депутатов в первый период Февральской революции не ставили своей задачей мобилизацию трудящихся масс Дагестана на борьбу за дальнейшее развитие революции и не могли представлять собою сколько-нибудь значительную силу в борьбе с Областным исполнительным комитетом. Таким образом, свержение царизма не изменило положения трудящихся Дагестана. Власть одних эксплоататоров сменилась властью других. На место царского губернатора и царских началь-

ников округов явились местная буржуазия, помещики и реакционное мусульманское духовенство.

«Февральская революция почти нисколько не коснулась Северного Кавказа, — писал Г. К. Орджоникидзе, — произошла только незначительная смена административных лиц. Вместо старых названий появились кое-какие новые названия, вроде губернский комиссар и т. д., а все остальное осталось нетронутым» [1].

Эсеры, меньшевики и буржуазные националисты воспользовались этим положением и обманом, не без успеха вели за собой массу.

В руках буржуазии и помещиков были сила и богатство, что дало им возможность взять в свои руки и государственную власть. Дагестанская буржуазия считала, что она должна стать во главе области. В. И. Ленин в своей известной статье «Уроки революции» писал: «Власть досталась в руки партии капиталистов потому, что этот класс имел в руках силу богатства, организации и знания»[2].

Горская беднота требовала прежде всего разрешения аграрного вопроса. Областной исполнительный комитет и «комиссары» отделывались всяческими обещаниями, откладывая решения задач о нуждах рабочих и крестьян до созыва Учредительного собрания. Буржуазия и помещики запугивали трудящихся угрозами репрессий за «самовольный» захват государственных и помещичьих земель. «В некоторых местах, — говорилось в обращении Областного исполнительного комитета от 17 мая 1917 г., — народ думает распределить земли между собой на местах. Боже сохрани, не дождавшись созыва Учредительного собрания, распределить между собой землю — это большое и тяжкое преступление»[3].

На долю еще слабых и малочисленных большевистских групп в Дагестане, возглавлявшихся товарищами Хизроевым, Гоголевым (Темир-Хан-Шура), Ермошкиным, Албуриевым, Сельтеневым, Атаевым и другими (Порт-Петровск), выпала труднейшая задача — завоевать большинство рабочих, привлечь на свою сторону широкие массы трудящихся и крестьян-горцев. Необходимо было вырвать массы горцев из-под влияния кулацко-мульских и буржуазно-националистических элементов. Эта работа развернулась после того, как в Дагестане стали известны исторические «Апрельские тезисы» В. И. Ленина.

«Апрельские тезисы» В. И. Ленина и доклад И. В. Сталина на Апрельской конференции явились программой действия большевиков Дагестана; началась борьба за большинство в Советах рабочих и крестьянских депутатов, разоблачение предательской политики эсеров, меньшевиков и буржуазных националистов, всячески препятствовавших развитию революционного движения.

---

[1] Г. К. Орджоникидзе. Избранные статьи и речи 1911—1937 гг., стр. 56. Госполитиздат. 1939.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. XXI, стр. 69.

[3] Газета «Муссават» (на кумыкском языке) от 24 мая 1917 года. Темир-Хан-Шура.

Под влиянием большевиков трудящиеся горцы вскоре начали разбираться в истинной классовой природе новоявленных «комитетов» и «комиссаров». Трудящиеся Дагестана начали следовать примеру своих старших братьев — русских рабочих и крестьян. Лозунг «Никакой поддержки Временному правительству!», выдвинутый В. И. Лениным, был подхвачен трудящимися Дагестана в городах и аулах. Горская беднота изгоняла окружных и участковых «комиссаров», назначенных Областным исполнительным комитетом, захватывала «казенные» и помещичьи земли и создавала свои первые рабоче-крестьянские органы власти — Советы крестьянских депутатов.

В ауле Унцукуль горская беднота еще в апреле 1917 г. силой оружия разогнала Койсубулинский комитет, созданный буржуазными националистами, захватила помещичьи земли и упорно держалась, пока не началось вооруженное вмешательство областного и аварского комиссаров. Такие же выступления имели место и в других округах Дагестана.

Советы рабочих и крестьянских депутатов повсеместно стали усиливаться и укрепляться. Особенно быстро стали усиливаться и активизироваться Советы в Порт-Петровске и Дербенте.

Немалое революционное влияние на рабочий класс и трудящихся Дагестана оказывали выступления бакинского пролетариата и трудящихся Владикавказа и Грозного, руководимых С. М. Кировым.

В Баку — центре революционного движения на Кавказе — обездоленная горская беднота Дагестана (особенно Южного Дагестана) уходила при царизме на заработки.

Бакинский пролетариат не только боролся против своих угнетателей — империалистической буржуазии и ее агентуры — меньшевиков, эсеров и азербайджанских и армянских буржуазных националистов, — но также резко осуждал контрреволюционную роль дагестанской националистической буржуазии, эсеров, меньшевиков и дагестанских буржуазных националистов, пришедших к власти в результате Февральской революции.

«Из провинциальных городов нашего края и уездов получаются тревожные известия, — писали бакинские рабочие, — власть на местах захватывают люди, ничего общего с новым строем не имеющие.

Бывшие уездные начальники, мировые посредники, приставы, которые при старом строе душили и грабили народ, являются и сегодня хозяевами положения. И, что печальнее всего, они получают официальную санкцию от новых общественных организаций, их выбирают в местные исполнительные комитеты.

Еще хуже обстоит дело в Дагестанской области, где кучка чиновников при старом губернаторе захватила власть и держит в подчинении и неведении все население области»[1].

---

[1] «Известия Совета Рабочих и Военных Депутатов» от 11 апреля 1917 года.

15 апреля в Баку происходил Всекавказский съезд мусульман, созванный азербайджанской буржуазно-националистической партией «Муссават».

Вся работа Всекавказского съезда мусульман была направлена на укрепление позиций буржуазии, продолжение кровавой империалистической войны, мобилизацию сил контрреволюции. Резко осуждая работу большевиков, поддерживая русскую контрреволюцию, съезд пытался организовать массы против надвигавшейся с севера революционной волны. Контрреволюционные помещичье-клерикальные и буржуазно-националистические элементы быстро стали сговариваться на съезде. Они всеми средствами обрушились на В. И. Ленина и на большевиков.

Съезд постановил: «1) Образовать общее управление делами всех мусульман Кавказа; 2) все мусульмане Кавказа делятся на две группы: азербайджанскую и горцев Северного Кавказа. Для каждой группы организуется свое местное управление; 3) центром для азербайджанской группы является Баку, для горцев Северного Кавказа — Владикавказ» [1].

Решение съезда об учреждении общего управления для всех мусульман Кавказа не было проведено в жизнь.

Для борьбы с революционным влиянием Баку националистическая буржуазия и помещичье-клерикальные элементы Дагестана решили объединиться с горской буржуазией и помещичье-клерикальными элементами других областей Северного Кавказа и держать трудящихся горцев в ежовых рукавицах. Нараставший революционный подъем рабочих и горцев ускорил это объединение.

1 мая 1917 г. во Владикавказе был созван съезд контрреволюционных элементов Северного Кавказа, названный первым съездом горских племен Кавказа, который создал Центральный комитет Союза объединенных горцев. О характере этого Комитета можно судить по его составу. В него вошли представители горской феодально-помещичьей знати и буржуазии: хасав-юртский помещик князь Рашид-хан Капланов — владелец огромных земель, пастбищ и садов в Хасав-Юртском округе, кумыкский помещик — князь Нухбек Тарковский, потомок известных тарковских шамхалов и владелец огромных рыбных промыслов и кутанов [2] в Прикаспийской низменности, грозненский нефтепромышленник чеченец Тапа Чермоев, кабардинский коннозаводчик Пшемахо Коцев, дагестанский крупный помещик-барановод и ученый арабист Наджмутдин Гоцинский и другие. Центральный комитет Союза объединенных горцев состоял из 17 человек: по 5 человек от Дагестанской и Терской областей, по 2 — от Черноморской, Ставропольской губерний, по одному — от Кубанской области, Закатальского округа и Абхазии. Съезд проходил под лозунгом полной поддержки Времен-

---

[1] Рукопись Дибирова, стр. 85—86. Институт истории, языка и литературы Дагестанской Базы Академии наук СССР.

[2] Кутан — пастбище на плоскости.

ного правительства и постановил: «Всецело присоединиться к российской демократии, требующей завершения войны без аннексий и контрибуций» [1].

На съезде были сделаны первые попытки объединения горских контрреволюционных сил с казаками. В качестве гостей на съезде присутствовали члены Государственной думы, от казачества — атаман терских казачьих войск М. А. Караулов и Н. Николаев. 5 мая прошло совместное заседание съезда и Второго войскового круга терского казачества, которое, по мнению атамана Караулова, было «залогом совместной работы».

Согласно «конституции», принятой на этом съезде, Дагестанский областной исполнительный комитет, Терский областной исполнительный комитет (горская фракция), Кубанский областной исполнительный комитет, «народные» окружные и городские комитеты являлись местными органами Центрального комитета Союза объединенных горцев.

Таким образом, было положено начало горскому правительству, за которым скрывались заклятые враги революции: буржуазия, помещики и их верные слуги — эсеры, меньшевики и буржуазные националисты.

На съезде были поставлены также вопросы земельный и о духовном управлении. По аграрному вопросу съезд признал в принципе, что «земля должна принадлежать трудящемуся населению» [2], но ввиду серьезности момента и сложности аграрного вопроса счел необходимым отложить его разрешение до созыва Учредительного собрания. Съезд создал духовное управление, председателем которого назначался Наджмутдин Гоцинский с присвоением ему сана муфтия (религиозного главы мусульман).

После образования коалиционного правительства в центре началось оживление и среди дагестанских эсеров, меньшевиков и буржуазных националистов. В мае 1917 г. состоялось объединение буржуазно-националистических элементов, принадлежавших к различным политическим направлениям, в одну группу — дагестанскую «социалистическую группу». В эту группу входили: анархист Коркмасов, меньшевики Ковалев, Кваршалов, Урусов, буржуазные националисты, меньшевиствующие Тахо-Годи, Зулпукаров и Закарияев, эсеры Гайтов, Али Гасанов, Р. Мавраев, Шахсуваров и другие.

Скрывая свою истинную сущность, «социалистическая группа» объявила, что ее основной лозунг — борьба против помещичье-клерикального блока, за свободу. Поэтому в эту группу в первый период ее деятельности вошли также и Махач Дахадаев и Маго-

---

[1] Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанской Базы Академии наук СССР, папка — Журнал заседания 1-го съезда горских народов, 1 мая 1917 года.

[2] Там же, 4 мая 1917 года.

мед-Мирза Хизроев. В «социалистической группе» преобладало влияние националистически настроенных эсеров. На первых порах она иногда выступала против помещичье-клерикальной, открыто реакционной части Дагестанского областного совета и Исполнительного комитета. «Социалистическая группа» активно выступала против лозунга передачи власти Советам рабочих и крестьянских депутатов, изо всех сил поддерживая буржуазно-помещичий Исполнительный комитет. Лишь часть, незначительное левое крыло этой группы, во главе с товарищами Хизроевым и Дахадаевым вела непримиримую борьбу против Временного правительства и его местных органов, Центрального комитета Союза объединенных горцев и Дагестанского исполнительного комитета, за претворение в жизнь большевистских лозунгов, за превращение буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

В августе из этой группы вышли М. Хизроев, а в октябре того же года — Махач Дахадаев.

«Социалистическая группа» вела бешеную агитацию против большевиков и большевистских лозунгов. Трудящиеся Дагестана верили вначале лживым «демократическим» выступлениям «социалистов». Они ожидали, что «социалисты» дадут им, наконец, землю и свободу, защитят их от произвола гоцинских, князей капланових, тарковских и буржуазии, стоявшей у власти.

«Социалисты» утверждали, что народы Дагестана получили ту свободу, за которую они боролись на протяжении почти целого века против царизма, и что остановка теперь только за революцией экономической. «В экономической революции, — заявляли они, — на первом месте стоит вопрос земельный. Социалисты провозгласили принцип: земля трудовому народу, и Временное правительство принимает меры к этому. Такой мерой является учреждение земельных комитетов и созыв съезда крестьянских депутатов» [1].

Известно, что решение Временного правительства о создании земельных комитетов преследовало цель задержать аграрную революцию, оставить землю у помещиков. Верные Временному правительству «социалисты» Дагестана идеей создания земельных комитетов в Дагестане преследовали ту же цель. Как и буржуазное Временное правительство и поддерживавшие его меньшевики и эсеры, «социалисты» Дагестана были за продолжение войны. Один из руководителей «социалистической группы», Коркмасов, с пеной у рта утверждал: «Во имя достижения светлых идеалов социализма мы должны выйти победителями в борьбе с врагом внешним — Германией и внутренним — скрытой контрреволюцией» [2].

В горах Северного Кавказа шел процесс объединения помещичье-клерикальных и кулацких элементов, руководимых муфтием

---

[1] Газета «Время» от 2 августа 1917 года. Темир-Хан-Шура.
[2] Там же.

мусульман Северного Кавказа и Дагестана Гоцинским. Постепенно объединились силы реакции против поднимавшихся революционных волн и в самом Дагестане. В сплочении контрреволюционных кулацко-мусульманских элементов Гоцинскому активно помогал шейх Узун-Гаджи Салтинский (из селения Салти).

Таким образом, вскоре после Февральской революции активизировались контрреволюционные элементы всех мастей. Они стремились отравить сознание трудящихся мусульман враждебным панисламистским и буржуазно-националистическим угаром, отвлечь внимание от революционной борьбы против буржуазии. С этой целью группа дагестанской буржуазии и мулл в мае 1917 г. создала в Темир-Хан-Шуре «Джамиет-эль-Исламие» (общество исламистов), которое постепенно объединило наиболее богатые мусульманские элементы Темир-Хан-Шуры.

Возникновение «Джамиет-эль-Исламие» имеет интересную историю весьма комического характера.

В начале 1917 г. Махач Дахадаев пытался организовать в Темир-Хан-Шуре рабочий профсоюз. Первоначальное образование этого союза, затем превратившегося в Совет рабочих и земледельческих депутатов города Темир-Хан-Шуры, возникло на кинжальном заводе. В то же время другой рабочий союз стал организовываться в городе. Буржуазные и мульские элементы всячески старались использовать и подчинить этот новый союз своим целям. Одни называли его Рабочим союзом, другие — Союзом рабочих и крестьян, а духовенство и кулачество пытались сделать его Мусульманским трудовым союзом. В этот союз вошли рабочие, кустари (шапочники, сапожники, портные, ювелиры), мелкие торговцы с базара, лавочники, владельцы магазинов, крупных фруктовых садов и пр.

В начале апреля крупный торговец мукой Джамау Гаджи, подрядчики Батыр-гиши Алхазов, Мурад Мурзаев и другие стали организовывать свой союз, назвав его также Рабочим союзом. Четыре человека первоначальных организаторов этого союза решили установить членские взносы — рубль в месяц с каждого члена. Секретарем и казначеем избрали Батыр-гиши Алхазова. Союз приступил к работе. В короткий срок число записавшихся достигло 40 человек. Через несколько дней в союз записался другой крупный торговец, владелец 7-десятинного фруктового сада, двух магазинов и пяти крупных домов Имам-Гусейн. За ним потянулась целая группа подобных «рабочих». Этот «союз» имам-гусейновых, дадаевых, саадуллаевых вызывал всеобщий протест и негодование трудящихся Темир-Хан-Шуры. Вскоре записавшиеся в «союз» рабочие и несостоятельные кустари демонстративно покинули его, а оставшиеся кулацко-мульские элементы, по предложению темир-хан-шуринского торговца Атау-Гаджи, переименовали себя в «Джамиет-уль-Хурие» (общество свободы), которое в мае 1917 г. превратилось в «Джамиет-эль-Исламие».

Буржуазно-националистические элементы вскоре превратили «Джамиет-эль-Исламие» в свой чисто националистический областной орган — Дагестанский милли-комитет (национальный комитет). В июле 1917 г. «Джамиет-эль-Исламие» собрало совещание ученых арабистов (алимов) Темир-Хан-Шуры с приглашением таких же ученых из окружающих аулов. В нем приняли участие националистическая буржуазия и представители «социалистической группы». Совещание решило образовать Дагестанский областной милли-комитет, в президиум которого вошли буржуазный ученый арабист Магомед-кади Дибиров (председатель), владелец типографии Магомед-Мирза Мавраев, «социалист» Кваршалов (товарищ председателя), Батырханов Кор-оглы и др.[1]. Милли-комитет поставил своей целью стать верховной властью в Дагестане и закрепить власть национальной буржуазии.

«В эпоху буржуазной революции в России (в феврале 1917 года), — говорит товарищ Сталин, — национальное движение на окраинах носило характер буржуазно-освободительного движения. Веками угнетавшиеся и эксплуатировавшиеся «старым режимом» национальности России впервые почувствовали в себе силу и ринулись в бой с угнетателями. «Ликвидация национального гнета» — таков был лозунг движения. Окраины России мигом покрылись «общенациональными» учреждениями. Во главе движения шла национальная, буржуазно-демократическая интеллигенция. «Национальные советы» в Латвии, Эстонском крае, Литве, Грузии, Армении, Азербайджане, на Северном Кавказе, в Киргизии и Среднем Поволжье; «Рада» на Украине и Белоруссии; «Сфатул-Церий» в Бессарабии; «Курултай» в Крыму и Башкирии; «автономное правительство» в Туркестане, — вот те «общенациональные» институты, вокруг которых собирала силы национальная буржуазия. Речь шла об освобождении от царизма, как «основной причины» национального гнета, и образовании национальных буржуазных государств»[2].

Борьба трудящихся Дагестана в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции

События в Дагестане в 1917 г. были тесно связаны с революционными событиями на Северном Кавказе. Здесь во главе трудящихся стоял выдающийся революционер-большевик, испытанный ученик Ленина и Сталина — С. М. Киров. Дагестанская контрреволюция самым тесным образом была связана с так называемым Союзом объединенных горцев — с предателями и врагами трудящихся горских народов, — с которым боролся С. М. Киров, работавший задолго до Февральской революции на Тереке. Он руководил работой большевиков Владикавказа, Грозного, среди

[1] Материалы секретариата главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», фонд VII тома, папка 2, дело 13, стр. 8.

[2] И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 155—156.

трудящихся горцев Северной Осетии, Кабарды и других народностей Северного Кавказа.

В 1917 г., после свержения самодержавия, С. М. Киров вел неустанную борьбу с меньшевиками, буржуазными националистами, выступавшими против превращения буржуазно-демократической революции в социалистическую. Благодаря С. М. Кирову во многих Советах большевики завоевали руководящую роль.

Огромное влияние на революционную борьбу трудящихся Дагестана в 1917 г. имели, как уже было сказано, выступления многонационального бакинского пролетариата, во главе которого стояли верные соратники великого Сталина — товарищи Джапаридзе, Степан Шаумян, Азизбеков, Кази-Магомед Агасиев, Муктадир Айдинбеков. Большое значение имела для Дагестана работа Агасиева и Айдинбекова, собравших вокруг себя целую плеяду активных большевистских борцов из рабочих-дагестанцев, работавших на бакинских нефтепромыслах.

Руководимые С. М. Кировым, хасав-юртские большевики (Хасав-Юртский округ входил тогда в состав Терской области) в мае 1917 г. создали большевистский кружок «Тан-Чолпан» («Утренняя звезда»), куда вошли лучшие представители кумыкской бедноты и русских рабочих-железнодорожников. Руководителями кружка были Зайналабидин Батырмурзаев [1] и Султан-Саид Казбеков.

642157

Активную помощь Батырмурзаеву в распространении большевистской агитации среди трудящихся кумыков и создании кружка «Тан-Чолпан» оказывал дагестанец, студент Варшавского, затем Харьковского сельскохозяйственного института товарищ Султан-Саид Казбеков.

Несмотря на свою малочисленность и разрозненность, большевики Дагестана вели настойчивую борьбу за большинство в Советах рабочих и крестьянских депутатов и за передачу всей власти Советам.

18 апреля 1917 г. порт-петровские большевики, возглавляемые Никитой Ермошкиным, Сельтеневым, Албуриевым, Кондратенко, выпустили специальное воззвание, в котором призывали рабочих

[1] Зайналабидин Батырмурзаев — сын известного революционно-демократического просветителя Нохая Батырмурзаева, впоследствии большевика и руководителя борьбой кумыкских красных партизан против деникинщины, зверски расстрелянного в 1919 г. деникинцами в Аксае. Еще в 1912 г. Зайналабидин, будучи сотрудником татарской газеты «Халк» («Народ») в Астрахани, выступал с революционной пропагандой среди астраханских татар. За социал-демократическую пропаганду газета «Халк» была разгромлена. Преследуемый полицией молодой революционер, получивший партийную кличку «Казбек», долгое время скрывался в Пятигорске и только в 1914 г., возвратившись в Хасав-Юртский округ, создал социал-демократическую большевистскую организацию. В 1916 г. Батырмурзаев поднял вооруженное восстание против поставки лошадей и подводчиков для царской армии. В этом вооруженном восстании принимали участие не только аулы Хасав-Юртского и ныне Баба-Юртского районов, но и ряд аулов Кумыкской плоскости Дагестана. В 1919 г. Батырмурзаев был предательски схвачен деникинской бандой и повешен.

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК ВКП(б)

сплотиться в единую революционную армию для дальнейшей борьбы с буржуазией и Временным правительством за хлеб, за свободу, за прекращение войны, за победу пролетарской революции. 22 апреля 1917 г. в газете «Известия Дербентского совета рабочих, военных и крестьянских депутатов» была напечатана статья дербентских большевиков, в которой они разъясняли, что рабочий вопрос может разрешить только диктатура пролетариата, а не Учредительное собрание, как об этом твердили эсеры, меньшевики и буржуазные националисты.

Областной исполнительный комитет обещал удовлетворить нужды рабочих и крестьян согласно указаниям шариата [1].

Помощник областного комиссара Гайдар Бамматов на одном из заседаний Областного исполнительного комитета говорил: «Нам известно, что каждый раз, когда мы выходим из домов, народ смотрит на нас, ожидая землю. Народ действительно беден. Он ждет скорейшего распределения земли. Но это распределение должно проходить только по шариатскому пути» [2].

Народ бедствовал. Национальный гнет усиливался, принимая новую форму.

Решения Областного исполнительного комитета и призывы дагестанской «социалистической группы» не имели успеха у рабочих и трудящихся Дагестана. Советы рабочих и крестьянских депутатов текстильной фабрики Тагиева (бывшая фабрика общества «Каспийская мануфактура») и бондарного завода, Совет солдатских депутатов 220-го запасного пехотного полка Порт-Петровского гарнизона не признавали руководства Дагестанского областного исполнительного комитета.

Большую работу проводил Совет солдатских депутатов 220-го запасного пехотного полка Порт-Петровского гарнизона, возглавлявшийся большевиком Сельтеневым.

В состав совета полка в конце мая вошел также большевик Кондратенко. Совет солдатских депутатов установил тесный контакт с Советом рабочих и крестьянских депутатов текстильной фабрики. Большевистские агитаторы из солдат 220-го запасного пехотного полка совместно с рабочими фабрики вели агитацию среди рабочих других предприятий города и среди трудящихся горцев окрестных аулов Порт-Петровска.

Все усиливавшаяся большевистская агитация и подъем революционного настроения у порт-петровских рабочих встревожили эсеров, меньшевиков и буржуазных националистов.

Из Темир-Хан-Шуры от Областного исполнительного комитета и областного комиссара 31 мая на имя представителя Дагестанского областного исполнительного комитета Гайдара Бамматова

---

[1] Шариат — свод религиозных, гражданских, брачно-семейных и уголовных прав мусульман, основанных на коране.

[2] «Муссават» от 24 мая 1917 года.

при Особом закавказском комитете (ОЗАКОМ) была получена телеграмма:

«...неизбежны самые серьезные вооруженные столкновения с гарнизоном, вплоть до гражданской войны, грозящей области анархией. Областной исполнительный комитет, желая своевременно предупредить надвигающуюся угрозу, настойчиво просит Вас срочно распорядиться о немедленном выводе из области Петровского гарнизона: лучше всего на фронт. Комитет обязуется установить и поддерживать путем организации местной полиции полный порядок в городе Петровске и во всех его районах» [1].

Ссылаясь на национальные чувства, бытовые особенности и «вражду» горцев к русским солдатам, Г. Бамматов отправил телеграмму комиссару Временного правительства при Кавказской армии Донскому:

«Препровождая две копии телеграммы Дагестанского областного исполнительного комитета об угрожающем общественной безопасности поведении части гарнизона гор. Петровска, прошу Вас не отказать принять надлежащие меры к скорейшему восстановлению нормальной жизни.

Свидетельствую, что ввиду особых бытовых условий Дагестана эксцессы указанного в телеграммах характера чреваты самыми тяжелыми последствиями» [2].

Несмотря на происки местной буржуазии и главарей контрреволюции, местные гарнизоны все же не были выведены из Порт-Петровска. Гарнизоны протестовали против их вывода. Революционные выступления солдат носили повсеместный характер.

В конце июня образовался Объединенный совет рабочих и солдатских депутатов Порт-Петровского гарнизона, в состав которого вошли в большинстве эсеры и меньшевики. От Совета солдатских депутатов в Объединенный совет вошли также большевики Сельтенев, Кондратенко и Никита Ермошкин. Большевики добились неподчинения Объединенного совета рабочих и солдатских депутатов буржуазному Дагестанскому областному исполнительному комитету и комиссару области. 22 июля Порт-Петровский объединенный совет после долгого сопротивления эсеров и меньшевиков официально выразил недоверие Областному исполнительному комитету как органу, враждебному делу рабочего класса. Вслед за Порт-Петровским объединенным советом о своем неподчинении Областному исполнительному комитету заявили также и Советы рабочих и солдатских депутатов Петровск-Кавказского (ныне Махач-Кала — Сортировочная) и Дербента.

Во многих округах и аулах трудящиеся не хотели ждать созыва Учредительного собрания. Горская крестьянская масса всюду стала создавать свою народную власть, отбирать помещичьи земли. Руководящую роль в этом сыграли большевики и Совет рабо-

[1] Государственный архив Октябрьской революции МВД Грузинской ССР, фонд 1, дело 41, лист 3.

[2] Там же, лист 1.

чих и земледельческих депутатов Темир-Хан-Шуры, организованный Махачем Дахадаевым.

21 мая 1917 г. общество селения Андрей-аул Хасав-Юртского округа, входившего в Терскую область, на общем собрании постановило сменить старшину, отобрать княжеские земли и, приветствуя Совет рабочих и земледельческих депутатов Темир-Хан-Шуры, итти по его стопам. 26 мая на втором собрании этого аула была создана народная сельская власть.

Беднота аулов Дургели и Кадар Темир-Хан-Шуринского округа, вооружившись чем попало, совершила организованный поход по ближним хуторам и, по указанию Махача Дахадаева и Совета рабочих и земледельческих депутатов, отобрала землю и мельницы у 50 князей, помещиков и кулаков.

В конце мая 1917 г. в селении Утамиш была организована аульская бедняцкая группа, которая тесно связалась с Дахадаевым и Советом рабочих и земледельческих депутатов в Темир-Хан-Шуре. Эта группа также установила свою сельскую народную власть и приступила к захвату земли помещиков — крупных землевладельцев. В июне — августе в ряде сельских обществ Казикумухского, Кюринского, Даргинского и Самурского округов трудящиеся горцы организовали свою народную власть и конфисковали землю крупных землевладельцев, не признавая никакой власти областного и окружных исполнительных буржуазно-националистических комитетов.

Коалиционное Временное правительство, куда входили меньшевики, эсеры в лице Церетели, Скобелева, Керенского, Чернова и других, при полной поддержке меньшевистско-эсеровского ЦИК, расстреляло демонстрацию рабочих и солдат в Петрограде 3—5 июля и обрушилось на большевистскую партию. Оно разгромило редакцию большевистских газет, организовало преследование вождей большевистской партии — В. И. Ленина и И. В. Сталина. Ряд большевистских руководителей был арестован. 7 июля был дан приказ об аресте В. И. Ленина.

Буржуазия и ее агенты — эсеры, меньшевики и буржуазные националисты — распространяли в Баку, Дагестане и на Северном Кавказе гнусную клевету на вождей большевистской партии — Ленина и Сталина. Передовые рабочие-большевики выражали всеобщее негодование и протесты против грязных нападок на своих вождей.

17 июля 1917 г. в Балаханах (Баку) под председательством дагестанского большевика Муктадира Айдинбекова — питомца и соратника товарища Сталина — состоялось собрание рабочих-большевиков, входивших в общество «Гуммет»[1], которое вынесло решение:

---

[1] «Гуммет» — организация РСДРП мусульманских рабочих, была создана в 1904 г. и являлась филиалом Бакинского комитета РСДРП. Она вела огромную большевистскую работу среди рабочих-мусульман Баку и трудящихся Азербайджана.

«Мы, мусульманские рабочие, входящие в Российскую социал-демократическую рабочую партию, — в общество «Гуммет», собравшиеся 17 июля в Балаханах, протестуем против необоснованной гнусной клеветы и подозрения буржуазных газет на товарища Ленина. Мы категорически требуем прекращения этой клеветы» [1].

Решения исторического VI съезда партии большевиков имели громадное значение для работы большевиков Северного Кавказа и Дагестана.

22 июля 1917 г. Терская областная объединенная социал-демократическая конференция выдвинула вопрос о созыве съезда социал-демократических организаций Черноморской, Ставропольской, Кубанской, Дагестанской областей. На съезде решили поставить четыре вопроса: 1) отношение к Временному правительству, 2) руководство Советами рабочих и солдатских депутатов, 3) подготовка к выборам в Учредительное собрание и 4) создание Северокавказско-Дагестанского краевого партийного центра.

Съезд происходил 5 августа в Пятигорске.

Большевики на съезде оказались в меньшинстве: их было 9 против 14 меньшевиков и 1 интернационалиста. Вопрос о совместной работе с меньшевиками и тактика меньшевиков по всем другим вопросам получили резкий отпор со стороны большевиков. Ввиду непринятия большевистских условий меньшевиками большевики покинули съезд. Съезд не принял никаких решений.

В августе 1917 г. в Дагестан из Москвы вернулись вооруженные решениями VI съезда большевистской партии Уллубий Буйнакский, Абдурахман Измайлов, Гарун Саидов и другие.

Уллубий Даниэлович Буйнакский, выдающийся дагестанский большевик, принимал участие в революционном движении с 16-летнего возраста. За активное революционное участие в студенческих «беспорядках» в Москве Буйнакский четыре раза исключался из Московского университета, где он учился на юридическом факультете. Февральская революция застала Буйнакского в Москве. В Московской организации большевиков он принимал активное участие в создании красногвардейских отрядов, в борьбе против Временного правительства.

В начале сентября 1917 г. Буйнакский создал в Темир-Хан-Шуре ядро большевистской организации, куда вошли товарищи Буйнакский, Г. Саидов, Батырмурзаев, Казбеков, Гоголев, Хизроев и другие.

Всю свою работу большевистская группа направила к тому, чтобы стать во главе трудящихся масс, вырвать их из-под влияния помещичье-клерикальных элементов и буржуазных националистов, прикрывавшихся именем «социалистов».

Трудящиеся горцы, находившиеся под сильным влиянием клерикальных элементов, возглавляемых Гоцинским и Узун-Гаджи

---

[1] Газета «Гуммет» от 26 июня 1917 года (на азербайджанском языке). Баку.

Салтинским, натравливались на рабочих городов Порт-Петровска, Дербента и Темир-Хан-Шуры. Часть горцев еще верила лживым «патриотическим» выступлениям «социалистов», возглавляемых ярым врагом дагестанского народа анархистом Коркмасовым.

Усиление влияния большевиков беспокоило буржуазных националистов и руководителей «социалистической группы».

Еще в августе 1917 г. дагестанская «социалистическая группа», с разрешения Дагестанского областного исполнительного комитета, созвала в Темир-Хан-Шуре съезд крестьянских депутатов. На повестке дня стояли земельный вопрос, вопрос об отношении к Учредительному собранию и др. Съезд возглавили Коркмасов, Тахо-Годи и Кваршалов. Однако ни один вопрос не нашел своего разрешения, ибо съезд представлял собой сборище кулацких и чанкских [1] элементов, а не действительных представителей крестьян. Несмотря на внесенное Дахадаевым предложение немедленно передать помещичьи земли горской бедноте, съезд, по предложению Коркмасова, принял постановление в духе решения первого Владикавказского съезда горцев (1 мая 1917 г.) и указаний Временного правительства, постановив:

«1) Объявить все земли, принадлежащие государству, всенародными; 2) земли, леса и воды, отобранные ранее у горцев, объявить вседагестанскими; 3) для ведения контроля по этому вопросу и для разрешения могущих возникнуть споров создать при Областном исполнительном комитете земельный комитет».

В постановлении ни слова не было сказано о земле князей, ханов, беков и ее распределении среди безземельной и обездоленной горской бедноты.

Решения августовского съезда крестьянских депутатов вызвали возмущение горской бедноты.

Таким образом, «Уничтожение царизма и появление у власти буржуазии не повело, однако, к уничтожению национального гнета. Старая грубая форма национального гнета сменилась новой, утонченной, но зато более опасной формой гнета» [2], — писал впоследствии об этом товарищ Сталин.

Горская беднота, как и трудовое крестьянство во всей стране, все более убеждалась в том, что от Временного правительства и его органов на местах не дождаться разрешения аграрного вопроса.

Большевики Хизроев и Махач Дахадаев призывали бедноту создавать революционно-бедняцкие группы в аулах, действовать решительно и захватывать земли помещиков.

«Социалисты», открыто скатившиеся в лагерь контрреволюции, претендовали на власть, на областное руководство. Они требовали

---

[1] Чанки — дети ханов, беков и вообще знатных горцев, рожденные женами незнатного происхождения. Чанки получали меньшую долю наследства, чем дети, рожденные от ханши — бекши (бике).

[2] И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 156.

перевыборов Областного исполнительного комитета. Позиция «социалистов» на съезде крестьянских депутатов нашла поддержку у националистической буржуазии, считавшей, что «социалисты» лучше, чем кто-либо, сумеют обманным путем удержать народные массы от перехода на сторону большевиков. 6 августа 1917 г., после окончания работы съезда, состоялись перевыборы Областного исполнительного комитета. В новый состав Областного исполнительного комитета, наряду с представителями буржуазии, помещиков, вошли и «социалистические элементы» — Коркмасов, Тахо-Годи, В. Султанов и другие.

Все усиливавшиеся революционные настроения городских рабочих и трудящихся горцев, с одной стороны, и укрепление «социалистов» в составе Областного исполнительного комитета — с другой, вызывали опасение со стороны помещичье-клерикального блока, возглавлявшегося Гоцинским и Узун-Гаджи Салтинским.

Чтобы отвлечь трудящихся горцев от революционной классовой борьбы, Гоцинский стал играть на религиозно-национальных чувствах горцев. Получив на первом съезде горцев (май 1917 г.) сан муфтия, Гоцинский возмечтал об установлении своей власти в Дагестане и о присвоении ему звания не муфтия мусульман Северного Кавказа, а имама (светского и духовного главы). Он распространял по всем горным аулам слухи, будто в Порт-Петровске хозяйничают царские солдаты — противники свободы, не имеющие ничего общего с горцами, а в Темир-Хан-Шуре стоят у власти обрусевшие интеллигенты, не разбирающиеся в шариате и в мусульманском правосудии. Обстановка казалась ему благоприятной для достижения своей цели — стать имамом Дагестана и Северного Кавказа, и он повел бешеную агитацию среди горцев, призывая их к борьбе против «неверных», за установление законов шариата, за организацию имамства, причем часто спекулировал именем национального героя Шамиля.

Гоцинский мобилизовал все помещичье-мульские элементы Дагестана на борьбу за установление шариатского управления в Дагестане. Он добился от ЦК Союза объединенных горцев решения созвать в глухом горном ауле Анди второй съезд горцев Северного Кавказа и Дагестана. 20 августа 1917 г. в аул Анди стали стекаться делегаты[1].

К этому съезду Гоцинский и его помощник Узун-Гаджи Салтинский собрали свыше 5 тыс. человек из наиболее реакционных элементов в Чечне и горных округах Северо-Западного Дагестана. Около 5 тыс. религиозно настроенных фанатических горцев требовали объявления Гоцинского имамом.

Большинство делегатов съезда, увидя такой оборот дела, возвращалось с полпути. Съезд был сорван. По предложению Узун-Гаджи, фанатическая толпа объявила Гоцинского имамом. Чеченское духовенство совместно с кулацко-мульскими элементами

---

[1] «Муссават» от 30 августа 1917 года.

Аварии выпустило в Анди обращение к горцам, в котором говорилось: «Нет сомнения, что сегодня мы нуждаемся в имаме. Если окажутся люди, осмелившиеся выступить против свободы религии и шариата, то таких надо наказать» [1].

Программа Гоцинского была прежде всего направлена против большевистского революционного влияния на трудящихся Дагестана.

С одной стороны, действия клерикального блока Гоцинского, с другой — образовавшийся новый империалистический блок националистической буржуазии с «социалистами» создали большие трудности для работы большевиков в Темир-Хан-Шуре. Для ведения борьбы с буржуазией, для сплочения рабочего класса вокруг большевистской партии, для подготовки свержения Областного исполнительного комитета Буйнакский переехал в город Порт-Петровск — рабочий и революционный центр области. Большевики отказались работать совместно с меньшевиками.

По приезде Буйнакского в Порт-Петровск был создан Порт-Петровский комитет партии большевиков. В комитет вошли Уллубий Буйнакский, Никита Ермошкин, Джамалутдин Магомедов, Абдурахман Исмаилов, Кондратенко, Захарочкин и другие.

Большевикам Порт-Петровска вскоре удалось завоевать громадное большинство в порт-петровском Гражданском комитете — исполнительном органе Совета рабочих и солдатских депутатов, на текстильной фабрике, бондарном заводе и среди граждан Порт-Петровска. Гражданский комитет сыграл огромную роль в борьбе против Объединенного совета военных и рабочих депутатов, в котором эсеры и меньшевики находились в большинстве.

Переход рабочих масс на сторону большевиков с особой быстротой совершился после разгрома корниловщины. В разгроме корниловщины немалую роль сыграли большевики Северного Кавказа и Дагестана.

Генерал Корнилов, пытавшийся кровавыми мерами предотвратить надвигавшуюся пролетарскую революцию, повел полки на революционный Петроград, чтобы задушить революцию и восстановить диктатуру капиталистов и помещиков. В составе войск Корнилова была «Дикая дивизия», состоявшая из полков, образованных в большинстве из горцев Северного Кавказа и Дагестана. Руководителю большевиков Северного Кавказа С. М. Кирову удалось добиться посылки Центральным комитетом объединенных горцев в «Дикую дивизию» делегации с целью не допустить ее участия в разгроме питерских рабочих, отказаться от поддержки авантюры Корнилова.

«В «дикую дивизию», наступавшую на Петроград, были посланы делегаты, которые разъяснили горцам-солдатам смысл корни-

---

[1] «Муссават» от 30 августа 1917 года.

ловского выступления, и «дикая дивизия» отказалась наступать на Петроград»[1].

Центральный комитет партии большевиков мобилизовал рабочий класс, профсоюзы и все революционные силы против корниловского наступления на Петроград. Всюду по пути продвижения корниловских войск были созданы штабы, отряды по борьбе с корниловщиной. Огромную работу проводили большевистские агитаторы, посланные в отряды Корнилова.

Большевикам удалось поднять всю революционную силу трудящихся против Корнилова, и корниловщина была разбита.

Победа Октябрьской социалистической революции в центре и борьба за установление Советской власти в Дагестане

Борьба большевиков Дагестана в 1917 г. происходила в очень сложной обстановке. Существование в Дагестане помещичье-клерикального и буржуазно-националистического блока, попытки местной буржуазии разжечь национальную рознь между русскими солдатами и горцами, слабая пролетарская прослойка — все это требовало весьма осторожного и умелого подхода к массам. Все же дагестанские большевики во главе с Буйнакским шаг за шагом неуклонно отвоевывали на свою сторону большинство рабочего класса и трудового крестьянства.

Основным руководящим центром партийных организаций дагестанских большевиков стал Порт-Петровск. Работа Порт-Петровского комитета партии большевиков особенно стала усиливаться в связи с пребыванием в Порт-Петровске (в октябре 1917 г.) революционно настроенных солдат 5-го армейского корпуса Кавказского фронта. Прибытие солдат этого корпуса особенно активизировало работу большевиков Порт-Петровского гарнизона. Большую работу среди воинских частей Порт-Петровска проводил один из активных большевиков 5-го армейского корпуса солдат Иван Котров.

В Порт-Петровске, кроме Совета солдатских, рабочих и военных депутатов и Гражданского комитета, существовал филиал Дагестанского милли-комитета — порт-петровский Народно-мусульманский комитет. Основная его «работа» состояла в попытке натравить горцев на солдат. В руководстве Народно-мусульманского комитета находились представители кулачества Таркинского участка и мусульманской городской буржуазии. Все выступления активных рабочих-большевиков, солдат трактовались Народно-мусульманским комитетом как борьба русских против горцев Дагестана.

Перед большевиками стала задача отвлечь представителей трудящихся мусульман от Народно-мусульманского комитета, привлечь их к работе Гражданского комитета и затем изолировать и ликвидировать этот орган националистической буржуазии.

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 192.

Открытая борьба против Народно-мусульманского комитета квалифицировалась в той обстановке как борьба против горцев и «народных» органов. Поэтому порт-петровские большевики мобилизовали все силы и добились перевыборов в порт-петровский Народно-мусульманский комитет. Задача заключалась в том, чтобы провести в этот комитет представителей трудящихся из местных большевиков и затем слить с Гражданским комитетом.

В начале октября 1917 г. в результате перевыборов руководство Народно-мусульманского комитета перешло к большевикам. Комитет этот перестал быть органом Дагестанского милли-комитета и скоро был объединен с Гражданским комитетом.

Усиление революционных настроений на Северном Кавказе и в Дагестане привело Центральный комитет Союза объединенных горцев Кавказа в смятение. Временное правительство рекомендовало буржуазно-помещичьей верхушке Северного Кавказа и Дагестана заключить союз с контрреволюционным офицерством казачества.

Буржуазия рассчитывала, что объединенный контрреволюционный блок станет силой, способной предотвратить революционные выступления трудящихся Северного Кавказа.

Днем 25 октября 1917 г. в Объединенном совете Порт-Петровска была получена телеграмма о победе Великой Октябрьской социалистической революции [1]. Немедленно было созвано заседание Порт-Петровского объединенного совета рабочих и военных депутатов с участием представителей демократических партий города.

На заседании Совета была оглашена телеграмма председателя Терского областного совета солдатских и рабочих депутатов эсера Мамулова, в которой говорилось, что в 11 час. 30 мин. получена телеграмма о том, что власть в Петрограде после вооруженного свержения Временного правительства перешла в руки большевиков. Сообщение это было встречено большинством присутствующих громом аплодисментов. Все старания председательствовавшего меньшевика Немсадзе прекратить аплодисменты оказались тщетными. Представители рабочих долго аплодировали сообщению о победе пролетарской революции в центре.

Эсер Мамулов, подобно атаману Донского войска Каледину, разослявшему ко всем казачьим войскам директиву о непризнании большевистской власти, диктовал в своей телеграмме Порт-Петровскому объединенному совету: «Бороться против большевистского течения. Если у вас необходимо занять телеграф воинскими частями, то следует это сделать» [2].

---

[1] Государственный архив Октябрьской революции МВД Грузинской ССР, фонд 1, дело 108, лист 47.

[2] Там же, лист 48.

Такое же экстренное сообщение было получено от Мамулова и Грозненским советом солдатских депутатов, в руководстве которого находились в большинстве эсеры и меньшевики.

Руководители контрреволюции на Тереке призывали Дагестан к совместной борьбе против победившей Октябрьской социалистической революции.

Мамулов больше всего боялся выступления порт-петровских большевиков и свержения установившейся эсеро-меньшевистской власти в городе. В телеграмме меньшевику Немсадзе он предлагал: «Созовите Исполнительный Комитет (т. е. Объединенный совет. — Н. Э.) Совета депутатов, Комитеты «СР», «СД» и большевиков, обсудив создавшееся в Петрограде положение, где власть захвачена большевиками. Узнайте намерения большевистского Комитета, примите меры к спокойствию гарнизона, дабы не вызвать гражданской войны. Объясните соединенному собранию, что положение в Терской и Дагестанской областях исключительное» [1].

Большевики решили использовать трибуну Объединенного совета, где присутствовали представители Советов и политических партий, а также представители Дагестанского областного исполнительного комитета во главе с Темирхановым. Выступивший от большевиков Сельтенев, разоблачая меньшевиков Немсадзе, Чумака, эсеров Майорова, Дмитриева и других, говорил, что только диктатура пролетариата — большевистские Советы — способна вести народ к действительной свободе и покончить с разорительной войной. Он обрушился на «некоторых социалистов, как он выразился, благодаря которым до сего времени тянется братоубийственная война».

Касаясь земельного вопроса и критикуя эсеров и меньшевиков, созвавших за несколько дней до победы Октябрьской революции совещание по земельному вопросу, товарищ Сельтенев говорил:

«На демократическом совещании собрание было подтасовано, так как состояло из... большинства представителей от кооператоров, которые не кто иные, как те же кулаки-крестьяне, эксплоатирующие труд мелкого крестьянства... Вся власть должна перейти в руки Советов как в центре, так и на местах, как более близкие пролетариату» [2].

Сельтенев внес предложение о конфискации помещичьих земель и немедленной раздаче их беднейшему крестьянству.

Во время прений была получена телеграмма из Тифлиса. Грузинский меньшевистский лидер, впоследствии министр иностранных дел меньшевистского правительства Грузии, Е. Гегечкори, сообщая о победе большевиков в Петрограде, требовал от Объ-

---

[1] Государственный архив Октябрьской революции МВД Грузинской ССР, фонд 1, дело 108, лист 48.

[2] Там же.

единенного совета принятия строжайших мер против возможного выступления их в Дагестане.

Атмосфера заседания Объединенного совета еще более накалилась, когда вслед за телеграммой Гегечкори поступила еще одна телеграмма из Тифлиса от военного комиссара Кавказского военного округа — Гобечиа. Этот ставленник Керенского, обвиняя большевиков в организации «мятежа против революционного Временного правительства», призывал эсеров и меньшевиков к борьбе против Советской власти. Он заверял их в том, что «нет ни тени сомнения, что войска Кавказского военного округа останутся верными свободе и Временному правительству» [1].

Присутствующие на заседании большевики во главе с Сельтеневым, Ермошкиным, Беличенко и другими внесли предложение: немедленно признать Советскую власть и реорганизовать Советы рабочих и крестьянских депутатов так, чтобы они могли управлять народом, а не оставлять их такими слабосильными, какими они были до сих пор. «Теперь настало время взять власть в свои руки народу-пролетарию, а не итти рука об руку с буржуазией, которая может создать, если не Николая, то какого-нибудь президента, подобного французскому» [2], — говорили они.

По предложению эсеров и меньшевиков, Объединенный совет, руководствуясь указаниями Мамулова из Владикавказа, Гегечкори и Гобечиа из Тифлиса и имея поддержку представителей Дагестанского областного исполнительного комитета, вынес решение создать Комитет спасения революции. Большевики во главе с товарищами Ермошкиным и Сельтеневым демонстративно покинули зал заседания.

Таким образом, порт-петровские эсеры, меньшевики и буржуазные националисты, идя по стопам русской контрреволюции в центре, с первого же дня победы Октябрьской социалистической революции создали организацию для борьбы против Советской власти — Комитет спасения революции.

27 октября 1917 г. Дербентский совет рабочих и военных депутатов, возглавляемый меньшевиком Абрамовичем, при поддержке местных мусульманских буржуазных националистов Гамзаева и других, принял большинством 18 голосов против 10 резолюцию: «Всемерно поддерживать Временное правительство в борьбе с теми, кто поднял оружие для свержения Временного революционного правительства Российской республики... Создать комиссию по охране революции» [3].

Дагестанские большевики с помощью большевиков Грозного и Баку проводили огромную работу среди трудящихся города и горцев. Подготовка вооруженного восстания, борьба за массы

---

[1] Государственный архив Октябрьской революции МВД Грузинской ССР, фонд 1, дело 108, лист 49.

[2] Там же.

[3] Там же, дело 116, листы 8—9.

стали основными лозунгами большевистских организаций Дагестана. Большевистский комитет Порт-Петровска в день победы Октябрьской революции провел совещание большевистских групп железнодорожников станции Петровск-Кавказской, текстильной фабрики, бондарного завода и других предприятий города. До позднего вечера проходили собрания передовых рабочих предприятий, на которых клеймили позором предателей — эсеров и меньшевиков, объявивших борьбу диктатуре пролетариата.

26 октября 1917 г. был созван общегородской митинг, на котором председатель городского эсеровского комитета Майоров объявил постановление Объединенного совета об организации Комитета спасения революции и призывал рабочих и солдат к поддержке Объединенного совета, к борьбе против большевиков, «поднявших мятеж против революционного Временного правительства»[1].

Рабочий класс Порт-Петровска во главе с Уллубием Буйнакским, Сельтеневым, Ермошкиным, Котровым вынес на митинге решение о немедленной реорганизации всех Советов и безоговорочном признании Советской власти и призывал к вооруженной борьбе против контрреволюции. Рабочие текстильной фабрики, бондарного завода и железнодорожники дружно освистывали Майорова и других эсеров и меньшевиков, пытавшихся вторично выступать и призывать массы к борьбе против большевиков. Рабочие единогласно поддержали предложение большевиков о создании рабочих дружин для защиты социалистической революции.

Дербентский совет рабочих и военных депутатов 28 октября 1917 г. созвал рабочий митинг. Рабочие-железнодорожники, трудящиеся города заклеймили агентов буржуазии — эсеров и меньшевиков, призывавших выступить против большевиков, приветствовали победу социалистической революции. Митинг неожиданно для эсеров, меньшевиков и дашнаков принял неблагоприятный оборот. Рабочие и трудящиеся города, руководимые большевиками, требовали немедленной реорганизации Советов, создания военно-революционной власти в городе. Передовые рабочие-большевики от железнодорожников призывали трудящихся записаться в Красную гвардию для борьбы с буржуазией, готовящейся выступить против Советской власти. Не помогло красноречие эсеров, меньшевиков, дашнаков и городских крупных садовладельцев. Городская буржуазия решила действовать оружием. Митинг был разогнан силой оружия 3-й роты 262-й оренбургской и 2-й роты 281-й уфимской дружин.

Дагестанский милли-комитет, уже объединивший вокруг себя буржуазно-националистические элементы всех мастей, объявил себя верховным органом власти в Дагестане. 30 октября в Темир-Хан-Шуре было созвано расширенное заседание милли-коми-

[1] Государственный архив Октябрьской революции МВД Грузинской ССР, фонд 1, дело 116, лист 9.

тета, именовавшего себя «съездом алимов» (ученых). Основным вопросом на съезде был вопрос о защите «самоопределения наций» от надвигавшейся с севера социалистической революции.

Вокруг милли-комитета быстро сгруппировались все контрреволюционные элементы, объявившие смертельную войну против Советской власти. Это было новым политическим блоком националистической буржуазии и помещичье-клерикальных элементов. Все видные и реакционные члены Дагестанского областного совета и Областного исполнительного комитета вошли в милли-комитет. Был избран новый президиум, в состав которого вошли: кадеты — полковник Арацханов (председатель) и капитан Даниял Апашев (товарищ председателя), от духовенства — темир-хан-шуринский городской кади Агарагим Мустафаев, буржуазный националист Магомед-Керим Садулаев (секретарь), «социалист»-меньшевик Кваршалов (член президиума), князь Тарковский, председатель Областного исполнительного комитета Зубаир Темирханов, коммерсант Мавраев М., ученый арабист Магомед-кади Дибиров и другие — всего 21 человек [1]. Почти во всех национальных областях Северного Кавказа также возникли национальные Советы, явившиеся местными органами Центрального комитета Союза объединенных горцев Кавказа, объявившего себя правительством горских областей Северного Кавказа и Дагестана.

«Буржуазные по природе, — писал И. В. Сталин о национальных правительствах на окраинах, — они вовсе не хотели разрушать старый, буржуазный порядок, — наоборот, они считали своим долгом сохранять и укреплять его всеми силами. Империалистические по существу, они вовсе не хотели рвать с империализмом, — наоборот, они никогда не были прочь захватить и подчинить себе куски и кусочки территорий «чужих» национальностей, если представлялась к тому возможность. Неудивительно, что «национальные правительства» на окраинах объявили войну социалистическому правительству в центре» [2].

Во всех областях Северного Кавказа и в Дагестане шло объединение контрреволюционных сил.

В целях объединения контрреволюционных элементов за несколько дней до Великой Октябрьской революции, 20 октября 1917 г., представители Центрального комитета объединенных горцев Кавказа, атаманов войска Донского — Каледина, Терского — Караулова, Кубанского — Филимонова и другие подписали во Владикавказе договор об организации Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей. В Екатеринодаре было образовано правительство Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей.

Юго-Восточный союз объединял контрреволюционные элементы донского, кубанского, терского и астраханского казачества,

---

[1] Материалы секретариата главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», фонд VII тома, папка 2, дело 12, стр. 118—119.

[2] И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 160.

контрреволюционную верхушку горцев Северного Кавказа и Дагестана, буржуазно-помещичьи элементы Калмыцкой степи, Терского края, горцев Сухумского края (абхазцы) и степных народов Ставропольской и Астраханской губерний. 31 октября 1917 г. к Юго-Восточному союзу присоединилась также контрреволюционная верхушка Уральского казачьего войска.

Одной из главных задач Юго-Восточного союза было содействие центральной государственной власти «в борьбе с внешними врагами» и установление «надлежащего спокойствия» внутри страны.

Большинство членов нового союза послало в Екатеринодар в состав Объединенного правительства союза по два своих представителя, Союз горцев Кавказа — четырех представителей (из них двух от Дагестана и Закатальского округа), Астраханское казачье войско и примыкавшая к нему калмыцкая делегация — по одному представителю.

Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей был одной из плотин, созданных буржуазно-националистическими областными правительствами, чтобы приостановить победное шествие пролетарской революции. Союз представлял собою мощный контрреволюционный кулак против Советской власти на юго-востоке России. Он стянул к себе всех контрреволюционеров, выброшенных пролетарской революцией из центральных областей, где установилась Советская власть.

Милли-комитет стал верховным органом власти в Дагестане. Центральный комитет Союза объединенных горцев Кавказа объявил себя горским правительством; «войсковые правительства» и казачьи войска Кубани, Терека, Дона также мобилизовали силы на борьбу с Советской властью.

В этой обстановке большевики Северного Кавказа и Дагестана ни на минуту не ослабляли своей работы среди трудящихся горцев. Еще летом 1917 г. возникла партия североосетинской бедноты — «Кермен» [1]. Несмотря на ряд ошибок и отсутствие определенной программы, она проводила большую работу среди трудящихся Северной Осетии. Ее деятельности С. М. Киров придавал большое значение.

Под руководством С. М. Кирова большевики Терека создали свою крепкую партийную организацию. В этой организации огромную роль играли грозненские большевики. Большевики Грозного во главе с Иваном Малыгиным [2] и Николаем Анисимовым [3] пользовались исключительным авторитетом.

---

[1] Во главе «Кермен» вскоре стали большевики. В мае 1918 года большинство керменистов влилось в коммунистическую партию.

[2] Иван Малыгин — выдающийся большевик, руководитель петровской группы РСДРП (большевиков) в 1907 и 1911 гг., один из организаторов Советской власти на Тереке. В 1918 г. в числе 26 бакинских большевиков был схвачен и расстрелян английскими интервентами.

[3] Николай Анисимов — старый большевик-подпольщик, один из организаторов Советской власти на Тереке и политработник Северокавказской Красной Армии. Погиб в 1920 г. в борьбе против Деникина.

2 ноября делегат от Грозненского совета рабочих и солдатских депутатов на II Всероссийском съезде Советов Н. Анисимов, вернувшись со съезда в Грозный, на заседании гарнизона совместно с представителями полковых и ротных комитетов 111-го пехотного запасного полка и 250-й пешей самарской дружины сообщил о победе Октябрьской социалистической революции и поставил вопрос о задачах Советов рабочих и крестьянских депутатов на местах. Разоблачая эсеров и меньшевиков и ломая их сопротивление, грозненские большевики вынесли большевистское решение, в котором они заклеймили позором Временное правительство, предательски открывшее немцам путь на Петроград, чтобы совместно с ними раздавить только что победившую Октябрьскую революцию.

«Такое правительство предателей, — говорили они, — не должно быть правительством Российской демократической республики и место такому правительству в Петропавловской крепости... по первому зову истинных представителей трудящихся мы все, как один, станем на защиту Совета трудящихся, солдатских и крестьянских депутатов» [1].

Большевики Порт-Петровска с помощью большевиков Грозного и Баку проводили огромную работу не только среди трудящихся города, но и среди горцев Дагестана по созданию красногвардейских отрядов для защиты пролетарской революции, для свержения власти Объединенного совета и для утверждения власти военно-революционного комитета в Порт-Петровске.

Группа дагестанских большевиков — Уллубий Буйнакский, М. Хизроев, З. Батырмурзаев, С. Казбеков, Г. Саидов, С. Абдул-Халимов, А. Измайлов, Д. Магомедов, Д. Атаев, Албуриев и другие — организовала собрания-сходы горской бедноты в сельских обществах Хасав-Юртского, Темир-Хан-Шуринского, Даргинского и ряда других округов. На собраниях сельской бедноты большевики информировали собравшихся о победе Великой Октябрьской социалистической революции, о взятии власти рабочими и крестьянами, о декретах Советского правительства. Горская беднота восторженно признала Советскую власть и приветствовала большевиков — истинных выразителей воли трудящихся.

В первых числах ноября Темир-Хан-Шуринский совет рабочих и земледельческих депутатов, возглавляемый Махачем Дахадаевым, приветствовал большевиков и вынес решение о борьбе против Дагестанского милли-комитета и Областного исполнительного комитета.

5 ноября 1917 г. руководство Совета рабочих депутатов Порт-Петровского гарнизона в результате перевыборов перешло в руки большевиков [2]. Совет в этот же день установил тесную и живую

---

[1] Государственный архив Октябрьской революции МВД Грузинской ССР, фонд 1, дело 18, лист 88 на обороте.

[2] Государственный архив Октябрьской революции МВД Грузинской ССР, фонд 1, дело 108, листы 85—90.

связь с Грозненским гарнизонным советом, который также к этому времени получил большевистское руководство.

7 ноября 1917 г. в Порт-Петровск прибыл представитель от Грозненского совета Н. Анисимов, который рассказал на заседании Совета рабочих и военных депутатов Порт-Петровского гарнизона об исторических событиях в Петрограде и о том, что грозненские рабочие и гарнизон города Грозного — солдаты 111-го пехотного запасного полка и 250-й пешей самарской дружины — призывают всех трудящихся Терской области и Дагестана к борьбе против контрреволюции, за диктатуру рабочих и крестьян.

Большевики Порт-Петровска во главе с Сельтеневым (Буйнакский находился в округах) и Ермошкиным добились решающих успехов. Вопреки выступлению эсеров и меньшевиков, призывавших воздержаться от признания диктатуры пролетариата, Совет, заслушав, по предложению большевиков, сообщение Анисимова, постановил:

«Вся власть отныне должна принадлежать трудовому народу. Пусть у власти теперь стоит тот, кто своими руками кует железо, сеет хлеб и защищает родную землю» [1].

В конце ноября 1917 г. Порт-Петровский комитет партии большевиков созвал митинг рабочих и трудящихся города и представителей бедноты, аулов Тарки, Кяхулай и других окрестных сельских обществ, а также солдат Порт-Петровского гарнизона. На этом митинге выступили от Порт-Петровского комитета партии большевиков Буйнакский, от рабочих — Ермошкин и Атаев, от Совета гарнизона — большевики Котров и Захарочкин, от железнодорожников и трудящихся Петровск-Кавказского — Лагода и др. Сообщение о решении Комитета партии большевиков и Совета гарнизона о создании Порт-Петровского военно-революционного комитета встретило единодушное одобрение со стороны рабочих города, трудящихся горцев и солдат. Рабочие и солдаты живо откликнулись на призыв большевиков создать красногвардейские отряды.

Попытка офицеров гарнизона и буржуазии во главе с князем Казаналиповым, действовавшим от имени городского управления, при поддержке меньшевиков и эсеров разогнать митинг не увенчалась успехом. Здесь же был избран военно-революционный комитет под председательством Уллубия Буйнакского. В состав его вошли также большевики Ермошкин, Захарочкин, Атаев, Сельтенев, Магомедов, Котров, А. Измайлов и другие.

Военно-революционный комитет завоевал власть в Порт-Петровске. Объединенный совет распался.

---

[1] Государственный архив Октябрьской революции МВД Грузинской ССР, фонд 1, дело 18, лист 8.

Глава II

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ДАГЕСТАНЕ

Порт-Петровский военно-революционный комитет

1 декабря 1917 г. Порт-Петровский военно-революционный комитет стал полным хозяином в городе и его окрестностях. Ликвидировав Объединенный совет военных и рабочих депутатов и власть порт-петровской городской думы, военно-революционный комитет объявил в городе Порт-Петровске и окрестных аулах Советскую власть. Выступая в этот день на городском митинге трудящихся, председатель военно-революционного комитета Буйнакский торжественно заявил:

«Отныне судьбу жителей ущелий и скал, судьбу всех трудящихся Дагестана будут решать не царские чиновники, не министры Временного правительства, не шейхи и богачи, а вы сами. Объявляя вам о создании Петровского военно-революционного комитета, о создании Советской власти в Дагестане, я призываю вас сплотиться вокруг него и дать дружный отпор всем попыткам врагов Советской власти, помогать трудящимся строить свою жизнь, как они захотят»[1].

Речь Уллубия Буйнакского и объявление Советской власти в Порт-Петровске вызвали широкий отклик далеко за пределами города.

Почин порт-петровских большевиков был примером и для дербентских большевиков, где особенно сильно сказывалось влияние пролетарского Баку. Но в Дербенте, в стенах этого древнейшего города, обстановка складывалась не менее сложная, чем в Порт-Петровске. Пролетарская прослойка в Дербенте была слаба и менее организована.

Организация «Гуммет»[2] была засорена. В нее проникли местные азербайджанские буржуазно-националистические интеллигенты, муссаватствующие элементы, садовладельцы, виноделы и мелкие торговцы. Дербент, как город крупных садовладельцев, виноделов и купцов, представлял благоприятную почву также для эсеро-меньшевистских, дашнакских и сионистских групп.

---

[1] «Военно-исторический журнал» № 12 за 1939 год, стр. 116.

[2] Дербентская организация «Гуммет» стала сильной и более влиятельной после слияния с большевистским комитетом в мае 1918 года.

Дербентская буржуазия имела поддержку со стороны азербайджанских муссаватистов и дашнаков, северокавказских эсеров и меньшевиков, дагестанской националистической буржуазии и реакционного мусульманского духовенства.

Малочисленной большевистской группе в городе предстояла ожесточенная борьба против буржуазии и ее агентуры. С помощью рабочих Дербентского депо железной дороги и трудящихся города она добилась большинства в Совете рабочих и солдатских депутатов при перевыборах в начале декабря 1917 года. Дербентская буржуазия сообщала дагестанскому областному комиссару и в Баку, что после получения известия о захвате власти большевиками в Москве дербентские большевики сильно активизировались и к декабрю получили большинство в Совете рабочих и солдатских депутатов [1].

Объявление Советской власти в Порт-Петровске активизировало также и трудящихся крестьян-горцев. Беднота близлежащих аулов — Тарки, Кяхулай и других, организовав группы аульской бедноты, захватила власть в свои руки. Самовольно, без разрешения на то «законной» областной власти и вопреки указаниям шариата, горская беднота конфисковывала бекские земли, отбирала у крупных землевладельцев кутаны и пастбища.

Неоднократные угрозы Дагестанского земельного комитета, буржуазного Исполнительного комитета и комиссара Таркинского участка о прекращении самовольных действий не увенчались успехами. 13 декабря 1917 г. председатель Областного исполнительного комитета обратился к своему уполномоченному, комиссару Таркинского участка, со следующим заявлением:

«Дагестанский областной земельный комитет отношением от 25 ноября с. г. за № 408 уведомил меня, что общество Тарки с первых же чисел октября учиняет самовольные потравы на кутане «Кавтар», принадлежащем Муртузали-беку Геллинскому, и несмотря на ряд предписаний, посланных им через вас, своих бесчинств не прекращает. Вызванные два раза областным земельным комитетом по этому делу поверенные общества совершенно не явились, без объяснения каких-либо уважительных причин. Ввиду этого предлагаю вам немедленно предложить обществу сел. Тарки прекратить бесчинства, объявив, что в противном случае для прекращения самовольных преступлений его будет послана вооруженная сила.

Вместе с тем предлагаю вам отправить ко мне поверенных названного общества» [2].

---

[1] Материалы секретариата главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», фонд VII тома, папка 2, дело 12, стр. 146.

[2] Государственный архив МВД Дагестанской АССР, фонд 43, дело 10, лист 240.

Подобного характера предписания Областной исполнительный комитет рассылал и по другим аулам Дагестана.

Военно-революционный комитет Порт-Петровска приступил к созданию народной милиции. Была проведена реорганизация гарнизона. В Порт-Петровском гарнизоне офицерство вело бешеную агитацию среди солдат, провоцируя их на выступление против военно-революционного комитета. Большая часть солдат гарнизона требовала немедленной демобилизации. Группа солдат, распропагандированная офицерами, была готова к выступлению против военно-революционного комитета. В короткий срок был создан красногвардейский отряд, куда вступали рабочие дружины, организованные на предприятиях города, трудящиеся окрестных аулов и часть солдат гарнизона. В течение декабря 1917 г. число красногвардейцев достигло 400 бойцов. Красногвардейцы обезоружили контрреволюционное офицерство гарнизона и солдат, готовых выступить против военно-революционного комитета.

Большевикам удалось разоблачить эсеро-меньшевистских агентов в солдатской среде и дать отпор провокаторам из бывшего городского управления, разжигавшим кровавую рознь между солдатами и местным населением.

Вся дальнейшая деятельность Порт-Петровского военно-революционного комитета была направлена на борьбу с эсерами и меньшевиками в Порт-Петровске и на свержение власти буржуазно-националистических Областного милли-комитета и Исполнительного комитета.

Свержение Временного правительства и установление диктатуры пролетариата было встречено со стороны националистической буржуазии и их органов — милли-комитета и Исполнительного комитета — враждебно. Эсеры, меньшевики и буржуазные националисты со змеиным шипением распространяли ложные, клеветнические сведения о том, что победа большевиков временная, что Керенский стоит у ворот Петрограда, что в самом Петрограде не подчиняются распоряжениям большевистского правительства ни рабочие, ни интеллигенция. Эсеры, меньшевики и буржуазные националисты выступали против декретов II Всероссийского съезда Советов о мире, о земле. Вместе с ними против декретов Советской власти бешено выступало и реакционное мусульманское духовенство.

В конце ноября 1917 г. заседание Областного милли-комитета обсудило декрет II Всероссийского съезда Советов об отмене частной собственности на землю и о распределении помещичьих земель между крестьянами без выкупа. Помещичье-буржуазно-националистическая верхушка и представители мусульманского духовенства единым хором заявили, что «...на Кавказе, в Туркестане и в других мусульманских краях народ выступит против конфискации помещичьих земель, потому что собственность безоговорочно признана шариатом.

Большевиков не так уж много, — продолжали они, — за ними идут только те, кому надоела война. Но как только кончится война, все, как один, откажутся оказать поддержку большевикам»[1].

Горские трудящиеся массы, многотысячное крестьянство на Северном Кавказе, в Астраханской степи и на Дону и знать не хотели о Юго-Восточном союзе, созданном контрреволюционной верхушкой против триумфального шествия Великой Октябрьской революции. Повсеместные выступления трудящихся против своих вековых эксплоататоров привели к фактическому распаду Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей.

В начале ноября 1917 г. во Владикавказе происходило объединенное заседание Терского войскового правительства и Центрального комитета Союза объединенных горцев Кавказа, которое вынесло следующее постановление:

«Вся полнота государственной власти на территории Союза горцев Северного Кавказа переходит в руки Центрального комитета и Союза горцев. На территории Терского казачьего войска — Войсковому кругу и войсковому правительству» [2].

Таким образом, за короткий период Юго-Восточный союз накануне Великой Октябрьской революции фактически распался на несколько местных правительств, возглавленных буржуазно-националистической и казачьей верхушкой. На Северном Кавказе с центром во Владикавказе возникли две власти: одна — Союз горцев Северного Кавказа и Дагестана — для горцев, другая — Терское войсковое правительство — для казаков.

Возникновение на Северном Кавказе двух самостоятельных властей — казачьей и буржуазно-националистической контрреволюции — не спасло положения контрреволюционной верхушки, особенно горской. Контрреволюционная верхушка была бессильна предотвратить нараставшее революционное движение трудящихся горцев. Триумфальное шествие Советской власти на Северном Кавказе поставило перед главарями горской и казачьей контрреволюции новые задачи: объединение Терека и Дагестана, объявление их «независимой республикой» и организацию контрреволюционного похода против Советов.

1 декабря 1917 г. Центральный комитет объединенных горцев Кавказа и Терское войсковое правительство, эсеры, меньшевики и буржуазные националисты создали в городе Владикавказе новое Временное терско-дагестанское правительство, в состав которого вошла контрреволюционная казачья и горская буржуазно-помещичья верхушка. От Дагестана в состав терско-дагестанского правительства вошли князь Тарковский, Гайдар Бамматов, Б. Далгат и другие. Вся власть как на Тереке, так и в Дагестане была пере-

[1] «Муссават» от 27 ноября 1917 года.

[2] Цит. по книге И. Разгона «Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе 1917—1920 гг.», стр. 67.

дана в руки Временного терско-дагестанского правительства. Главари этого правительства объявили смертельную борьбу против Советской власти и приступили к организации «национальных» частей для этой борьбы.

Товарищ Сталин в своей работе «Октябрьский переворот и национальный вопрос» писал:

«Революция, начатая в центре, не могла долго оставаться в рамках узкой его территории. Победив в центре, она неминуемо должна была распространиться на окраины. И, действительно, революционная волна с севера с первых же дней переворота разлилась по всей России, захватывая окраину за окраиной. Но здесь она натолкнулась на плотину в виде образовавшихся еще до Октября «национальных советов» и областных «правительств» (Дон, Кубань, Сибирь). Дело в том, что эти «национальные правительства» и слышать не хотели о социалистической революции» [1].

Терско-дагестанское правительство было именно одним из таких «национальных правительств». Временное терско-дагестанское правительство опиралось на вооруженные до зубов казачьи части и национальные полки бывшей «Дикой дивизии».

В конце декабря 1917 г. оно организовало разгром Владикавказского совета рабочих и крестьянских депутатов.

В начале 1918 г. Дагестанский милли-комитет и Исполнительный комитет лихорадочно начали усиливать «национальную милицию» в городах Темир-Хан-Шуре, Дербенте и в отдельных округах Дагестана. По указанию милли-комитета, проводился сбор пожертвований в пользу «национальной милиции». Первый и второй дагестанские конные полки, входившие в состав бывшей «Дикой дивизии», вернувшейся на место их формирования после победы Октябрьской революции, считались «национальными полками», вооруженной силой милли-комитета, а солдаты и служащие полков — газаватистами (воинами «священной» войны) [2].

Темир-хан-шуринские беки, князья, кади и прочие, собравшиеся на митинг для всенародной помощи национальной милиции, в течение часа пожертвовали в пользу национальных полков 60 тысяч рублей [3].

Дагестанская феодально-клерикальная знать, буржуазия и их агентура — эсеры, меньшевики и буржуазные националисты — в тесном блоке с контрреволюционной казачьей верхушкой оказывали всемерную помощь не только всем контрреволюционным главарям — Каледину, Филимонову, Караулову и другим, организовавшим военный поход против Советской власти на Дону, Кубани, Северном Кавказе, — но и контрреволюции в Закавказье.

По постановлению съезда эсеров, происходившего 5 декабря 1917 г. во Владикавказе, эсеры и меньшевики высказывались за то,

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 160.
[2] «Муссават» от 13 декабря 1917 года.
[3] Там же.

чтобы активно поддерживать союз республик Северного Кавказа с грузинскими и армянскими «национальными правительствами». Эсеры, меньшевики и буржуазные националисты распространяли предательскую болтовню о том, что на Тереке и в Дагестане существуют «мирные», «желанные» для трудящихся, «подлинно демократические республики» и что на Северном Кавказе контрреволюция не имеет места.

На заседании II съезда Кавказской армии в Тифлисе с 10 по 23 декабря 1917 г. уполномоченный горского и юго-восточного правительства Гайдар Бамматов заявил, что «...Сев. Кавказ представляет из себя уголок рая, и что никакой контр-революции там нет...» [1].

На этом съезде большевистская группа во главе с товарищами Шаумяном, Коргановым сумела разоблачить контрреволюционную сущность Закавказского комиссариата и лидеров контрреволюции на Северном Кавказе. По предложению товарищей Шаумяна, Корганова, Малыгина и других, съезду удалось добиться почти единогласного решения об отправке войска на Северный Кавказ для борьбы с казачьей и горской контрреволюцией. Действия Закавказского комиссариата и Краевого совета армии расценивались как результат блока с Карауловым и Половцевым. Бывший командующий Петроградским военным округом, организовавший расстрел июльской демонстрации и командовавший войсками на Северном Кавказе осенью 1917 г. генерал Половцев снабжал через генерала Пржевальского оружием и патронами северокавказских контрреволюционеров для расстрела рабочих и солдат [2].

По требованию солдат и по настоянию большевиков, II армейский съезд также принял резолюцию большевиков о вооружении уезжавших с Кавказского фронта воинских частей.

Одно из центральных мест на съезде занимал вопрос о событиях на Северном Кавказе, о том, что горская контрреволюционная верхушка и казачьи главари во главе с атаманом Карауловым распространяли слухи о том, будто большевики идут против горцев, готовятся сжечь и уничтожить горские аулы. Съезд отметил, что северокавказская контрреволюция снабжается и вооружается командующим Кавказским фронтом Пржевальским, комиссаром Временного правительства Донским, лидерами грузинских меньшевиков Гегечкори, Жордания и другими «оборонцами».

Выступая по этому вопросу, руководитель фракции большевиков на съезде Шаумян, разоблачая северокавказскую контрреволюцию, заключившую союз с кавказской контрреволюцией, говорил:

«Перед нами выступали ораторы двоякого типа, различно освещавшие положение на Северном Кавказе. С одной стороны, ка-

---

[1] С. Г. Шаумян. Статьи и речи 1917—1918 гг., стр. 63. Баку. 1929.
[2] Там же, стр. 61.

зачий офицер-калединец, который удивлялся о какой контр-революции мы говорим на Сев. Кавказе; затем изящный горский князь Бамматов, бывший чиновник особых поручений при царском наместнике, теперь распинающийся за социализм и за революцию, который называл «гнусной провокацией» разговоры левого сектора о контр-революции на Сев. Кавказе; наконец, представитель краевого центра, Звонарев, который сводил все на Сев. Кавказе исключительно к абречеству и винил во всем солдат, которые ведут себя там, как победители... С другой стороны, выступал десяток ораторов, рабочих и солдат, делегатов с Сев. Кавказа, которые нарисовали перед нами ужасную картину анархии и контр-революции. Вы, товарищи из правого сектора, верили и бурно аплодировали первым ораторам. Мы, левые, привыкли больше верить рабочим и солдатам. Но, когда правая сторона так бурно аплодировала горскому князю, уверявшему, что Сев. Кавказ представляет из себя уголок рая, и что никакой контр-революции там нет, я спрашивал себя, как же меньшевики хотели изобразить себя инициаторами постановки на съезде вопроса о борьбе с контр-революцией на Сев. Кавказе и требовали переброски туда с этой целью крупных частей войск. Я спрашивал себя, как же вчера вы посылали делегацию на Сев. Кавказ и приняли для нее единогласно наказ, в котором говорится о необходимости самых решительных мер для прекращения контр-революционного движения Карауловых, Калединых и компании.

Я думаю, вы были более искренны, когда аплодировали контр-революционному князю, который, вероятно, является правой рукой Караулова. Но, при решении вопроса, я надеюсь, никто из вас не посмеет отрицать существования контр-революции на Сев. Кавказе и необходимости борьбы с ней» [1].

Товарищ Шаумян не только разоблачал представителей контрреволюции Закавказья и Северного Кавказа, но ставил вопрос о конкретной помощи трудящимся Дагестана и Северного Кавказа в борьбе против Каледина, Караулова и горских контрреволюционеров-главарей, объявивших поход против Советской власти.

Под предлогом, что посылка революционных войск на Северный Кавказ будет вмешательством в дела Дагестана и Северного Кавказа, «нарушением автономных прав», враги трудящихся пытались предотвратить выступление частей Кавказской армии против северокавказской контрреволюции.

«Здесь пытаются изобразить дело так, — заявил далее Шаумян, — как будто мы предлагаем отправить войска против горских народов, и мы хотим вторично завоевать Дагестан и пр. Это сознательная неправда. Наоборот, в оглашенной вчера резолюции нашей мы определенно говорим, что мы требуем войск против Карауловых и Половцевых, которые провоцируют чеченцев, ингушей, часть казачества и солдат друг против друга. А к горцам мы

---

[1] С. Г. Шаумян. Статьи и речи 1917—1918 гг., стр. 63—64.

посылаем мирные делегации для выяснения нашего дружественного отношения к трудовым элементам всех племен и наций.

Мы требуем признания необходимости решительной борьбы против контр-революции Каледина и Караулова и переброски войск на Сев. Кавказ. Мы требуем смещения господ Пржевальских и Донских. Мы обвиняем в попустительстве и в поддержке контр-революции Краевой Армейский Совет.

Только открытые или тайные контр-революционеры, или их пособники могут не признать справедливости наших требований»[1].

II съезд Кавказской армии принял по всем вопросам большевистские резолюции. Все усилия меньшевиков и эсеров, дашнаков и муссаватистов и в союзе с ними буржуазных националистов Северного Кавказа привлечь массы на свою сторону, объединить все контрреволюционные силы на съезде были тщетны. Поэтому, по инициативе грузинских меньшевиков, меньшевики, эсеры и буржуазные националисты ушли со съезда и создали меньшевистский, контрреволюционный Совет армии. Большевистский комитет, избранный на съезде, переехал в Баку.

К декабрю 1917 г. во всех крупных подразделениях Кавказской армии существовали большевистские комитеты. Солдаты под руководством большевиков требовали от командования увольнения наиболее реакционных офицеров, свободы солдатских собраний, увеличения процента увольняемых в отпуск и выдачи уходящим в отпуск солдатам оружия и обмундирования. В отдельных полках солдаты единогласно выражали свое возмущение Кавказским краевым советом, в руководстве которого сидели эсеры и меньшевики — оплот закавказской контрреволюции.

От командования Кавказской армии летели тревожные телеграмма за телеграммой о том, что «...полк явно стал на сторону большевиков. Вынесено постановление закрыть офицерское собрание... увеличить процент увольняемых в отпуск до 10, причем солдатам, уходящим в отпуск, выдавать винтовки и 300 патронов. Воспрепятствовать увольнению офицеров, без ведома полкового комиссара, не признавать Кавказский краевой совет, а подчиняться Ленину, которому и итти на помощь. В то же время полк требовал выдачи ему обмундирования, теплого и холодного белья, угрожая уходом, если его требования не будут исполнены к 5 декабря»[2].

Закавказские меньшевики во главе с Гегечкори и Жордания, эсеры во главе с Донским, буржуазные националисты во главе с Хан-Хойским не только не признали власти Советов народных комиссаров, но и объявили войну против Советской власти. Буржуазные националисты Северного Кавказа и Дагестана заключили с ними союз для совместной борьбы против Советов.

---

[1] С. Г. Шаумян. Статьи и речи 1917—1918 гг., стр. 65.

[2] Государственный архив Октябрьской революции МВД Грузинской ССР, фонд 1, дело 43, лист 17.

Эсеры, меньшевики и грузинские буржуазные националисты, самочинно создавшие Краевой совет Кавказской армии, предприняли все меры для очищения армии от революционных солдат, обезоруживания уходящих через Грузию на Северный Кавказ солдат. Они попрежнему продолжали оказывать поддержку главарям контрреволюции на Северном Кавказе Караулову, Филимонову и Каледину в подавлении революционных выступлений трудящихся.

В декабре 1917 г., при поддержке командования Кавказской армии, контрреволюционеров Закавказья и Северного Кавказа, казачьи части Караулова и дагестанские полки бывшей «Дикой дивизии» разгромили Грозненский совет, объявивший Советскую власть в городе Грозном и на его промыслах. В конце декабря контрреволюционные отряды разгромили Совет железнодорожных рабочих и трудящихся Хасав-Юрта и Чир-Юрта.

Инспирированные буржуазией, помещиками и мусульманским духовенством, горцы напали на некоторые казачьи станицы на Тереке и в соседнем с Дагестаном Хасав-Юртском округе. Казаки начали громить аулы горцев. Эти провокационные погромы были наруку казачьей и горской контрреволюции, ибо они отвлекали массы трудящихся от классовой борьбы, борьбы за Советскую власть.

В горах Дагестана глава дагестанских и северокавказских клерикалов Наджмутдин Гоцинский с помощью реакционного дагестанского шейха Узун-Гаджи Салтинского стягивал к себе все темные и фанатически настроенные элементы для захвата власти и установления «надлежащих порядков», перед чем были еще бессильны дагестанские буржуазные комитеты.

С образованием терско-дагестанского правительства не утратил своей роли и Центральный комитет Союза объединенных горцев Кавказа, получивший название Временного горского правительства. Терско-дагестанское правительство продолжало попрежнему оставаться союзом контрреволюционных главарей казачьего и горского правительств.

Горское правительство объявило себя правительством «независимой» республики Союза горцев Северного Кавказа. В то же время дагестанская буржуазия, помещики и их передовой отряд — меньшевики, эсеры и в первую очередь буржуазные националисты — объявили Дагестан «автономной республикой», входившей в состав республики Союза горцев.

Большевистские агитаторы, посланные военно-революционным комитетом в города и в горные округа и аулы, широко разъясняли трудящимся значение победы рабоче-крестьянской Советской власти.

Большую роль в агитации большевиков сыграла «Декларация прав народов России», в которой говорилось:

«Раскрепощаются крестьяне от власти помещиков, ибо нет больше помещичьей собственности на землю — она упразднена...

Раскрепощаются рабочие от капризов и произвола капиталистов, ибо отныне будет установлен контроль рабочих над заводами и фабриками. Все живое и жизнеспособное раскрепощается от ненавистных оков»[1]. Эти родные и теплые слова великих вождей В. И. Ленина и И. В. Сталина эхом раздавались в ущельях гор.

Особенно большое значение для укрепления большевистской агитации среди горцев Дагестана имело обращение В. И. Ленина и И. В. Сталина «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 3 декабря 1917 года. Это обращение было переведено дагестанскими большевиками на местные дагестанские языки. Большевики добились опубликования его в местной газете «Муссават» — органе национальной буржуазии. Большевикам Хизроеву, Гоголеву и Махачу Дахадаеву долго пришлось уговаривать владельца темир-хан-шуринской типографии и издателя газеты — Мавраева поместить в газете это обращение. Буржуазный националист, считавший себя «социалистом», Мавраев только за большое денежное вознаграждение согласился поместить в газете сокращенный текст обращения на кумыкском языке. Сотрудники газеты подверглись преследованию со стороны Дагестанского милли-комитета и Дагестанского исполнительного комитета. Редакции газеты строго воспрещено было впредь опубликование каких бы то ни было большевистских статей. Но представители «власти» не успели изъять этот номер газеты, большая часть тиража была распространена большевистскими агитаторами по округам и аулам.

Из уст большевистских агитаторов доносились до трудящихся Дагестана призывы В. И. Ленина и И. В. Сталина:

«Товарищи! Братья!

Великие события происходят в России. Близится конец кровавой войне, начатой из-за дележа чужих стран. Падает господство хищников, поработивших народы мира. Под ударами русской революции трещит старое здание кабалы и рабства. Мир произвола и угнетения доживает последние дни. Рождается новый мир, мир трудящихся и освобождающихся. Во главе этой революции стоит рабочее и крестьянское правительство России, Совет Народных Комиссаров.

Вся Россия усеяна революционными Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Власть в стране в руках народа. Трудовой народ России горит одним желанием добиться честного мира и помочь угнетенным народам мира завоевать себе свободу...

Рушится царство капиталистического грабежа и насилия. Горит почва под ногами хищников империализма.

Перед лицом этих великих событий мы обращаемся к вам, трудящиеся и обездоленные мусульмане России и Востока.

Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы

---

[1] Декреты Октябрьской революции, т. I, стр. 29. Партиздат. 1933.

и горцы Кавказа, все те мечети и молельни которых разрушились, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России!

Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное правительство!..

Мусульмане России!

Мусульмане Востока!

На этом пути обновления мира мы ждем от вас сочувствия и поддержки.

Народный Комиссар по национальным делам

Джугашвили-Сталин.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)» [1].

Большевистские агитаторы разъясняли горской бедноте, что милли-комитет и Исполнительный комитет — местные органы ликвидированного рабочими и крестьянами Временного правительства, а также Временное горское правительство не способны удовлетворить насущные нужды горцев. Во многих аулах горская беднота создавала свои Советы и организованно продолжала захватывать бекские, ханкские и помещичьи земли.

Влияние Порт-Петровского военно-революционного комитета за пределами Порт-Петровска ярко было охарактеризовано в выступлении Али Гасанова, помощника областного комиссара, на заседании Областного исполнительного комитета 25 января 1918 года:

«С момента распространения в Дагестане отдельных партий и борьбы между ними, — говорил он с унынием, — народ стал нам непослушным, непослушным своим местным комиссарам. Исчезло прежнее спокойствие. Вести свою работу комиссары на местах не имеют никакой возможности. Мы для народа стали чуждыми. Я старался исполнить свой долг, защищать спокойствие народов Дагестана, не допускать среди них волнений и беспорядков. Но я бессилен, я не в силах выполнить этого» [2].

Порт-Петровский военно-революционный комитет ввел рабочий контроль на текстильной и канатной фабриках, пивном, проволоч-

---

[1] Ленин—Сталин. Избранные произведения 1917 года, стр. 535—536, 537. Партиздат. 1938.

[2] Журнал «Тан-Чолпан» (на кумыкском языке) № 9 за 1918 год.

но-гвоздильном и бондарном заводах. Владельцы предприятий, крупные торговцы, арендаторы гостиниц были обложены большими налогами. Весь эксплоататорский класс был привлечен к трудовой повинности, а наиболее заядлые контрреволюционеры арестованы.

Неимоверные препятствия преодолевали дагестанские большевики на пути создания своей печати. За исключением кумыкского, лакского и аварского языков все остальные многочисленные языки дагестанских народов не имели своей письменности. Аварская и лакская, возникшие на основе арабского алфавита с включением трудных дополнительных знаков, вызывали большие затруднения даже у небольшой горстки читателей. Большевики Дагестана решили использовать печать бакинских большевиков на азербайджанском языке и одновременно организовать печатание на кумыкском языке. Типография на арабском алфавите существовала в Темир-Хан-Шуре. Владелец типографии и буржуазно-националистической газеты «Муссават» категорически отказывал большевикам в печатании газеты. Поэтому большевикам Дагестана пришлось начать с издания на кумыкском языке художественно-литературного журнала «Тан-Чолпан» («Утренняя звезда»), потом превратившегося в большевистский общеполитический орган. Большевикам удавалось часто выступать в этом журнале со статьями. С октября 1917 г. по март 1918 г. журнал «Тан-Чолпан» неоднократно закрывался. Редактором журнала был большевик и популярный публицист З. Батырмурзаев. Особенно большое место в журнале уделялось борьбе против помещичье-клерикального блока с Гоцинским во главе, который был в то время наиболее опасным врагом революции.

Гоцинский в горах готовился к походу против революционизировавшихся городов и округов Дагестана. Поводами для этого похода служили: неподчинение ряда аулов и округов областной власти и создание самостоятельных Советов и «самовольный захват» помещичьих земель.

Националистическая буржуазия, эсеры, меньшевики решили созвать в Темир-Хан-Шуре в январе 1918 г. съезд представителей окружных комитетов и духовенства для обсуждения создавшегося «опасного» положения и обратились за помощью к Гоцинскому, имевшему за собой реальную силу для борьбы против Советской власти. Созванный съезд назвался съездом дагестанских алимов (ученых), и Гоцинский как глава духовенства был почетным делегатом съезда. Созыв съезда и личное участие в нем были наруку Гоцинскому: он знал, что областные милли-комитет и Исполнительный комитет были настолько бессильны, что готовы принять любые условия, которые он им продиктует.

Съезд должен был обсудить положение и принять меры для ликвидации «беспорядков» в республике и усмирения «вышедших из повиновения» властям «дерзких рабов» в городах и отдельных округах Дагестана. Гоцинский спешил со своим войском на съезд, чтобы установить твердую военно-духовную власть. Вместе с Го-

цинским в качестве его помощника выступил шейх Узун-Гаджи Салтинский.

Население Темир-Хан-Шуры, напуганное и возмущенное военным походом «священного главы», обратилось к областным милли-комитету и Исполнительному комитету и «социалистам» с просьбой о принятии мер против вступления в город многотысячного грабительского отряда Гоцинского. Настал момент испытания для «социалистической группы», выступавшей на словах против шариатского блока (так назывался блок Гоцинского).

В ответ на обращение городского населения об организации защиты города «социалисты» открыто выступили в роли защитника Гоцинского и его банд. «Социалисты» всячески успокаивали представителей городского населения, гарантировали им безопасность и призывали их к поддержке отрядов Гоцинского и Узуна, идущих якобы защищать завоеванную Февральской революцией «свободу».

8 января 1918 г. в Темир-Хан-Шуре состоялся стихийный митинг населения города. Собравшиеся стали обсуждать вопрос о предстоящем приближении войск Гоцинского и Узун-Гаджи и о возможности закрыть им вход в город. Выступивший на митинге руководитель дагестанской «социалистической группы» анархист Коркмасов выразил удовлетворение приближением Гоцинского к Темир-Хан-Шуре и внес предложение — просить «имама» Гоцинского, чтобы он ввел в город часть своих войск.

Выступление Коркмасова на этом митинге развязало руки Гоцинскому, который опасался выступления и протестов населения города. Речь другого «социалиста» — Темир-Булата Бамматова — дополнила выступление предыдущего оратора-«социалиста».

«Наджмутдин Гоцинский и Узун-Гаджи идут на Темир-Хан-Шуру не войной, — кричал он, — не для того, чтобы проливать кровь, а для того, чтобы установить и закрепить здесь навсегда справедливое шариатское правосудие. Они люди священные и никогда не имели даже мысли о совершении какого-нибудь зла против народа» [1].

11 января в 6 часов вечера огромная толпа горцев с фанатично-религиозными выкриками «Нет бога кроме одного, и Магомет его верный пророк!» двинулась по улицам Темир-Хан-Шуры. Одни были вооружены винтовками-берданками, другие — охотничьими ружьями, третьи — шашками и кинжалами. Кроме вооружения, все они имели с собой мешки: Гоцинский обещал им всем богатую добычу в этом «обильном» районе.

«В 6 часов вечера, — рассказывает журнал «Тан-Чолпан», — шеститысячная толпа незваных гостей с оружием в руках стала занимать улицы города. Многие участники шествия в синих и зе-

[1] «Тан-Чолпан» № 9 за 1918 год.

леных чалмах[1] держали в руках револьверы и обнаженные шашки и кинжалы. Впереди всех ехал известный цирковой борец Али-Клыч в окружении караула, державшего на плечах обнаженные шашки. За ними следовали знаменосцы с зелеными и синими знаменами, испещренными молитвенными словами на арабском языке[2].

Перед началом съезда Гоцинский осадил театр купца Хизри Гаджиева, где должно было происходить заседание съезда. До ста человек вооруженных солдат чалмоносной банды выстроилось перед театром. Сам Гоцинский расположился лагерем в соседнем ауле Нижний Дженгутай и ждал прибытия представителей областной власти для торжественного приглашения его в Темир-Хан-Шуру.

Отряды Гоцинского, посланные в город под предводительством циркового борца Али-Клыча, начали ночью грабить мирное население города, громить склады Совета рабочих и земледельческих депутатов. «Мирные отряды» священного главы и дагестанского «ученого» убивали ночных сторожей, грабили оружие, принадлежавшее Совету, взламывали двери мирных граждан, насиловали женщин — и все это совершали во имя шариата—«закона божия».

Эсеры, меньшевики и буржуазные националисты в эти дни полностью раскрыли свое лицо предателей народа. Члены «социалистической группы» Кваршалов и Тахо-Годи выехали в Нижний Дженгутай, чтобы чествовать «всевеликого имама» и умолять его оградить Дагестан от революции и «беспорядков». Они с низким поклоном приглашали помещика, главу мусульманского духовенства Гоцинского почтить своим присутствием съезд и щедро были отблагодарены имамом за устроенный в честь его приезда семидневный пир.

Большевики Дагестана предложили националистической буржуазии совместные действия, чтобы не допустить банды Гоцинского и Узун-Гаджи к Темир-Хан-Шуре. Гоцинский шел громить не только Советы, но и сменить областное буржуазное руководство. Но националистическая буржуазия и «социалистическая группа» во главе с Коркмасовым и Тахо-Годи полностью перешли на сторону помещичье-клерикальной контрреволюции Гоцинского и Узун-Гаджи и без выстрела пропустили их банды в Темир-Хан-Шуру.

Большевики Дагестана и Порт-Петровский военно-революционный комитет привели в боевую готовность отряд красногвардейцев, состоявших из порт-петровских рабочих и крестьян окрестных аулов. Эти отряды были готовы войти в занятый войсками Гоцинского и Узун-Гаджи город Темир-Хан-Шуру.

На съезде «алимов» Буйнакский призывал все демократические элементы и интеллигенцию к общей борьбе против надвигавшейся клерикальной реакции.

---

[1] Зеленая чалма — повязка к головному убору, отличительный знак «священного воина».

[2] «Тан-Чолпан» № 9 за 1918 год.

Первым от имени военно-революционного комитета, красногвардейцев, трудящихся горцев и русских рабочих и крестьян Порт-Петровска выступил Захарочкин. Он заявил:

«Среди населения Петровска ходят разные слухи о событиях, происходящих у вас в Темир-Хан-Шуре. Мы слышали, что в Шуру пришел 15-тысячный, никем не приглашенный вооруженный отряд. Мы приехали сюда к вам узнать точно о положении дел. Братья! Мы, солдаты, не намерены причинить вам ни малейшего вреда. Мы, солдаты, не верим, чтобы дагестанцы выступили против рабоче-крестьянской власти. Мы убеждены в том, что свободолюбивый дагестанский народ всегда готов выступить вместе с нами против врагов народной свободы. Будем биться до смерти, но свободу народа защитим (продолжительные аплодисменты и крики «Браво! Браво!»)...

Братья дагестанцы! Дайте же мне слово, что вы обрушитесь на тех, кто будет пытаться создать между нами рознь (аплодисменты). Все солдаты, уходящие с турецкой границы в Россию, проезжают через Петровск. Мы заявляем вам о том, что наш комитет остановит их там и направит на тех, кто осмелится выступить против свободы рабочих и крестьян...

Контрреволюционные главари пришли сюда, чтобы обмануть темный народ, отвлечь его внимание от борьбы и тем самым потушить революционный пожар...

Многочисленный и разнонациональный народ Петровска хочет иметь точные сведения о событиях здесь, в Шуре. Уходящие с турецкой границы на Ставрополь, вооруженные пушками, пулеметами солдаты остановились в Петровске и требуют точных сведений о политических событиях, происходящих здесь у вас. Немало провокаторов пытаются создать вражду между солдатами и местным населением; были даже кое-где попытки отнять у солдат оружие. Но солдаты никому не отдадут своего оружия. Об этом пусть каждый знает. Солдаты это оружие направят против врагов революции...

Если сейчас мы сложим свое оружие — это будет наруку нашим врагам: они сейчас же раздавят нас. У нас есть винтовки, есть пушки для совместной борьбы против тех, кто грозит революции. Давайте будем бороться за свободу и, если понадобится, умрем за нее...» [1].

На съезде буржуазия и ее агентура — буржуазные националисты-«социалисты», открыто перешедшие на сторону помещичье-клерикальной контрреволюции под предлогом борьбы против якобы имевшего место «вмешательства русских солдат в суверенное право самоопределения Дагестана», категорически отказались от борьбы против Гоцинского. Председатель Областного исполнительного комитета Темирханов всячески пытался изобразить выступление представителя Порт-Петровского военно-революционного коми-

---

[1] «Тан-Чолпан» № 9 за 1918 год.

тета как вмешательство русских солдат в дагестанские национальные дела.

Но представители городского населения Темир-Хан-Шуры на съезде горячо аплодировали руководителю дагестанских большевиков и председателю Порт-Петровского военно-революционного комитета Буйнакскому, выступившему после Темирханова.

«Солдаты приехали сюда, — сказал он, — не для того, чтобы вмешиваться во внутренние дела Дагестана. Они работают у нас в Петровском комитете в тесной спайке с мирным мусульманским населением. Мы слышали, что с гор пришли в Шуру Наджмутдин и Узун-Гаджи с 15-тысячным войском для изгнания областного комитета. Солдаты приехали сюда, чтобы узнать здесь о событиях и оказать помощь свою вам»[1].

Выступление большевиков, призыв представителей Порт-Петровского военно-революционного комитета об оказании вооруженного сопротивления Гоцинскому, не нашло поддержки у большинства присутствовавших на съезде. Ответ буржуазии был один — отказаться от помощи военно-революционного комитета, пойти за Гоцинским и Узун-Гаджи и выполнить все их требования.

Представители Гоцинского долго убеждали участников съезда в целесообразности объявления в Дагестане «имамата» и передачи государственного управления Гоцинскому. Сам Гоцинский объяснил свой приход с войсками необходимостью защиты народов Дагестана от большевиков.

Победа Гоцинского и осуществление его программы дали бы возможность контрреволюционным силам двинуться на Порт-Петровск и надолго закрыть путь победоносному шествию Октябрьской революции в горах Дагестана.

17 января, в день закрытия съезда, на улицах Темир-Хан-Шуры внезапно появились красногвардейские отряды конницы и пехоты во главе с Буйнакским и Дахадаевым[2].

Буйнакский и Дахадаев предложили Гоцинскому немедленно увести войска из города. Съезд раскололся на две части — сторонников и противников Гоцинского. Съезд закрылся, не приняв конкретного решения.

В войсках Гоцинского и Узун-Гаджи было немало трудящихся горцев. Они были обмануты Гоцинским и Узуном, обещавшими им материальные блага в «богатом» районе, где господствуют большевики.

С помощью Уллубия Буйнакского и Махача Дахадаева большевики Темир-Хан-Шуры созвали митинг населения города и вызвали туда Гоцинского и Узун-Гаджи.

На городской площади, у каменного постамента, где за несколько месяцев до этого стоял памятник генералу Аргутинскому,

---

[1] «Тан-Чолпан» № 9 за 1918 год.
[2] Там же.

кроме многочисленного городского населения, стояли враждебные друг другу отряды — красногвардейцы и банды Гоцинского под зеленым знаменем. Обе стороны выстроились в полной боевой готовности. Многие из присутствующих с нетерпением ждали выступления большевиков: осмелятся ли они выступить перед «всевеликим имамом»?

Смелый и мужественный голос Махача Дахадаева, сидевшего на коне, прервал молчание. Махач стал объяснять «тавлинам» (горцам-аварцам), для чего Гоцинскому и Узуну — религиозным деятелям — нужна вооруженная сила. Он разъяснял действительные намерения буржуазии и помещиков, какую роль приходится исполнять многим его землякам-аварцам, обманутым Гоцинским и Узуном. Он рассказал горцам, как великий русский народ свергнул господство помещиков и капиталистов и освободил не только себя, но и все ранее угнетенные народы России.

«Братья! — говорил Махач, — уже десять месяцев прошло со дня свержения прежних жестоких порядков. Большевики взяли власть. Теперь конец империалистической разорительной войне. Всюду у власти стоят рабочие и крестьяне. Только у нас в Дагестане до сего времени управление народом идет не тем путем, по которому идет в России.

Братья! Настоящий период имеет огромное историческое значение. Враги народа пытаются лишить народ свободы...

Такие неудачные попытки делались в России. К этому стремятся и здесь...

Братья! С вашей помощью защитим рабоче-крестьянскую власть. Все хотят шариат, и мы хотим это, но некоторые именем шариата хотят задушить народ. Мы с этим не можем примириться.

Гоцинского позвали на съезд одного, а он обманным путем, обещая одним оружие, другим «богатую добычу», привел сюда 15 тысяч вооруженных горцев. Он хорошо знал, что здесь нет войска, что ушли все солдаты. В таком случае, против кого он хочет воевать с этими войсками? Зачем эти горцы так жестоко обмануты? Бить своих же братьев? Если он пришел воевать с нами, с большевиками, то нас — 5—6 человек, и достаточно было выставить против нас тоже 5—6 человек.

Гоцинскому, как духовному главе мусульман, надо было явиться в Шуру не с войсками, а с религиозными книгами, с кораном. Я не виню наших братьев-тавлинов, пришедших с Наджмутдином. Они жестоко обмануты. Если бы они знали, что их направляют против собратьев, то, конечно, они не могли бы на это согласиться.

Ну вот пришел Гоцинский с такой огромной армией, а что он сделал? Выступил на этой площади и закричал: «Я, Наджмутдин, есть имам!» — и больше ничего.

Николаевская власть десятками расстреливала наших собратьев, боровшихся за свободу, но мы смерти не боялись и не боимся сейчас. Мы до последней возможности будем бороться против угнетателей, за свободу.

Мы слышали, что наджмутдиновская политика очень нравится бекам и богачам, многим он предлагает обратно завладеть кулами (рабами. — Н. Э.), каравашами (домашними рабынями. — Н. Э.). Этому не быть! Пока мы живы и способны носить оружие, он этого не добьется (возгласы: «Спасибо Дахадаеву! Да здравствует свобода! Да здравствует Махач! Ура!»)»[1].

Махач говорил на кумыкском языке, непонятном для многих аварцев. Горцы, пришедшие с Гоцинским, требовали перевода на аварский язык. Не обращая внимания на угрозы Узун-Гаджи, Махач перевел свою речь на аварский язык, что вызвало у воинов возгласы: «Спасибо Махачу! Да здравствует свобода!».

Узун-Гаджи пытался сгладить впечатление от речи Дахадаева, но никто его уже не хотел слушать. «Войско» Гоцинского развалилось у всех на глазах. Часть отряда с Узун-Гаджи ушла в Чечню.

Потерпев поражение, Гоцинский вынужден был уйти с оставшимися частями обратно в горы, не добившись утверждения имамства.

Большевики одержали большую победу. Силою простой ленинско-сталинской правды они разбили планы реакционеров и доказали горской бедноте вздорность и несостоятельность попытки Гоцинского изобразить себя вторым Шамилем.

Большего они сделать еще не могли. Нельзя было отсталым, темным, одурманенным фанатизмом горцам тут же навязывать Советскую власть сверху.

Под влиянием агитации помещиков, мулл, арабистов и их приспешников — «социалистов», в представлении многих горцев большевики являлись противоестественными и нечеловекоподобными. Поэтому-то на двух зарубленных бандами Гоцинского в апреле 1918 г. около Кумтор-Калы большевиков тысячи горцев ходили смотреть с большим любопытством. Без соответствующего глубокого разъяснения горской бедноте содержания программы большевистской партии требование о немедленном признании Советской власти повело бы за собою отчуждение горской массы от большевиков. Поэтому в первую очередь потребовалось провести большую работу среди трудящихся гор по организации крестьянских Советов.

Военно-революционный комитет Порт-Петровска и дагестанские большевики были тесно связаны с астраханскими и бакинскими большевиками. Бакинский комитет большевиков несколько раз посылал в Дагестан большевиков, работавших на нефтепромыслах Баку, — дагестанцев Агасиева, Айдинбекова (Маленького Мамеда), Сулейманова и других.

10 января состоялось собрание представителей всех рабочих-лезгин, работавших на разных промыслах города Баку. На собра-

---

[1] «Тан-Чолпан» № 9 за 1918 год.

нии председательствовал рабочий-большевик Селимхан Сулейманов (по прозвищу «лезги Селимхан»). Собрание обсудило вопрос о политическом положении в Дагестане и о возобновлении деятельности организации «Фарук» [1]. По этому вопросу выступил докладчиком Кази-Магомед [2].

Собрание приветствовало Октябрьскую социалистическую революцию и призывало трудящихся Дагестана к борьбе против терско-дагестанского правительства и к утверждению в Дагестане Советской власти [3].

Собрание выбрало временный комитет организации «Фарук» из 3 лиц во главе с Кази-Магомедом Агасиевым.

Сотни большевистских агитаторов, рабочих бакинских промыслов, выехали из Баку в свои родные горные аулы Дагестана.

15 января 1918 г. в районе Сабунчи (Баку) происходило расширенное совещание бюро большевиков, где из 80 присутствующих 26 были большевики-дагестанцы. На этом совещании Кази-Магомед Агасиев сделал подробный доклад о создавшемся положении в Дагестане.

Совещание вынесло решение: призвать дагестанских рабочих и крестьян выступить всеми силами против контрреволюционного самозванного дагестанского правительства и создать Советы, которые бы немедленно провели в жизнь декрет Совета народных комиссаров о земле [4].

Подобные же собрания большевиков происходили и в других рабочих районах Баку, где работали представители многочисленных племен Дагестана.

Собрание дагестанских рабочих в районе Балаханы требовало «образования рабоче-крестьянского правительства в Дагестане» [5].

Собрание призывало рабочих всех национальностей дать отпор контрреволюционным партиям и буржуазно-националистическим организациям, разлагающим единство трудящихся Кавказа в борьбе за установление Советской власти.

«Призывая тт. рабочих армян, русских, грузин, евреев и др., проживающих на Кавказе, стать на этот путь, — говорили рабочие-дагестанцы, — заявляем: «Товарищи! Не будьте обмануты националистическими партиями — дашнаками и муссаватистами — с.-д. меньшевиками, правыми эсерами. Не верьте им: они враги народа. Их линия действия ведет к розни между нами. Идя за ними,

---

[1] Организация «Фарук» была создана по указанию товарища Сталина в Баку в 1905—1907 гг. как лезгинский филиал (лезгинами в Баку называли всех рабочих-дагестанцев) бакинского комитета РСДРП (большевиков). Фактически этот филиал охватывал всех рабочих-большевиков — выходцев из Дагестана.

[2] «Бакинский рабочий» от 19 января 1918 года.

[3] Там же.

[4] «Бакинский рабочий» от 21 января 1918 года.

[5] «Гуммет» № 26 за 1918 год.

мы погубим революцию и себя. Да здравствует рабоче-крестьянское правительство! Да здравствует союз рабочих и крестьян Кавказа!»

«Это выступление дагестанских-лезгинских товарищей мы от души приветствуем, — добавляет редакция газеты «Гуммет» от себя, — мы надеемся, что рабочие, шедшие до сих пор за националистическими партиями, поняв, наконец, свои ошибки, пойдут по пути, предложенному лезгинскими братьями»[1].

Большевистские агитаторы широко использовали в своих выступлениях и беседах с массой воззвание чрезвычайного комиссара Шаумяна от 30 января 1918 г., в котором говорилось:

«Советская власть на Кавказе должна быть создана безотлагательно. Только она в тесном единении с Российским Советским правительством и Советом Народных Комиссаров положит конец контрреволюции на Кавказе и поведет рабоче-крестьянское население края к светлому будущему, к царству социализма»[2].

25 января 1918 г. в Моздоке состоялся Терский областной съезд — I сессия съезда народов Терской области. Большевикам удалось объединить на нем демократические элементы в один «социалистический блок» и направить их против казачьей и буржуазно-помещичьей контрреволюции. На съезде был избран Временный народный совет Терской области.

Буржуазно-националистические верхи Терской и Дагестанской областей заключили союз с Закавказским краевым эсеро-меньшевистским комитетом и добивались признания Терской и Дагестанской областей в качестве «независимой республики горцев». Ввиду создания Временного народного совета Терской области и под угрозой революционных выступлений трудящихся Терской области правительству «независимой республики горцев» в последних числах января пришлось перекочевать из Владикавказа в Темир-Хан-Шуру.

Наджмутдин Гоцинский после первого своего поражения стал собирать новые силы. Главным способом его мобилизации новых сил была религиозная проповедь — «вязе».

Он ездил по аулам и в мечетях обязывал каждого «истинного мусульманина» быть «газаватистом» — священным воином; таким образом, «независимая республика горцев» в этот момент еще теснее сблизилась с помещичье-клерикальным блоком, возглавляемым Гоцинским. Новая расстановка классовых сил была направлена, как и прежде, на защиту «чести и свободы» горской республики, против установления Советской власти в Дагестане. Такое положение — борьба между буржуазно-националистическими учреждениями и Советской властью — имело место почти во всех национальных районах.

---

[1] «Гуммет» № 26 за 1918 год.

[2] «Кавказский вестник СНК» от 31 января 1918 года.

В своих «Тезисах об Учредительном собрании» В. И. Ленин характеризовал это положение так:

«12. Последние события на Украине (отчасти также в Финляндии и в Белоруссии, а равно на Кавказе) указывают равным образом на новую группировку классовых сил, идущую в процессе борьбы между буржуазным национализмом Украинской рады, Финляндского сейма и т. п., с одной стороны, и Советской властью, пролетарско-крестьянской революцией каждой из этих национальных республик — с другой»[1].

25 января 1918 г. в селении Нижний Дженгутай, в мечети, происходило собрание сельского общества. Прибывший на собрание Гоцинский велел местному кади выступить с призывом ко всем подчиниться ему, «преемнику» Шамиля, и итти с ним на смерть за честь «истинного мусульманина».

Весь аул разделился на сторонников Гоцинского — помещичье-чанкские и мульские элементы и противников лжеимама — бедноту во главе с Джаякаевым Мама-Гаджи. В самой мечети и вокруг нее открылась стрельба; Гоцинский сбежал через тайный ход мечети. Несколько человек было убито и ранено. Только вооруженная сила, присланная из Темир-Хан-Шуры, прекратила выступление против «светлейшего имама». Часть дженгутаевцев была обезоружена, многие переправились в Порт-Петровск, часть с оружием в руках скрылась.

Трудящиеся Хасав-Юртского округа под руководством большевистских агитаторов — Казбекова, Батырмурзаева — вели упорную борьбу против кумыкских князей капланових, уцмиевых и других.

В январе 1918 г. в Хасав-Юрте состоялся окружной съезд крестьянских депутатов. Председателем съезда являлся Рашидхан Капланов. В повестке дня стояли вопросы о союзе с казачеством, о муфтии Нуджмутдине Гоцинском, о выборах в окружной исполком. Большинство депутатов съезда состояло из кулачества и духовенства. Почти по всем этим вопросам происходили столкновения между представителями трудового крестьянства и сторонниками князей и крупных землевладельцев.

Выступавшие на съезде делегаты трудового крестьянства категорически протестовали против союза с контрреволюционной казачьей верхушкой. Делегаты Андрей-аула выступали на съезде с призывом о непризнании Гоцинского муфтием и «просили других делегатов трудового крестьянства подумать, какой шариат может установить этот человек, который всю свою жизнь ни о ком не заботился, кроме как о себе самом и своем богатстве»[2]. Однако князья и крупные землевладельцы сумели провести и этот вопрос без голосования.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XXII, стр. 132—133.

[2] Материалы секретариата главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», фонд VII тома, дело 2, стр. 35.

Наиболее крупное столкновение произошло на съезде по третьему вопросу — во время выборов кандидатов в Окружной исполнительный комитет. Рашид-хан Капланов выдвинул кандидатуры князей Мусы Уцмиева, Будайхана Капланова и других крупных землевладельцев.

Делегаты трудового крестьянства поддерживали кандидатуру Султан-Саида Казбекова.

Сторонники Капланова заявляли, что Казбеков и ему подобные молодые «...сбивают людей на легкомысленные поступки, и если их слушать, все дело свободы погибнет в крови междоусобной войны» [1].

Успех большевистских выступлений на съезде вызвал тревогу среди контрреволюционеров. Помещение съезда было окружено тремя сотнями дагестанского конного полка под начальством князя Тарковского.

Большевикам Хасав-Юрта удалось связаться с оставшейся у станции группой уходящих с Кавказа на родину солдат, которые откликнулись на призыв большевиков и открыли стрельбу по всадникам Тарковского. Работа съезда была сорвана.

Милли-комитет и Областной исполнительный комитет с переходом в Темир-Хан-Шуру вождей «независимой республики горцев» получили значительное военное подкрепление: дагестанские конные полки бывшей «Дикой дивизии» и офицерские части с Терека. Опираясь на них и снова связавшись с Гоцинским, областная власть решила покончить с военно-революционным комитетом и вернуть себе «доходный» Порт-Петровск.

Буржуазные националисты, эсеры и меньшевики стали обрабатывать общественное мнение. Часто они созывали митинги, где проливали крокодиловы слезы по поводу «инквизиции мирных граждан», беспорядка в Порт-Петровске, обид мусульманского населения и других ужасов, исходящих якобы от порт-петровских большевиков. В газетах «Муссават», «Джаридатул Дагестан» печатались клеветнические статьи против большевиков и красногвардейцев и сочувствующих им.

Враги народа выступали против национализации фабрик, проведенной военно-революционным комитетом.

«Мануфактурную фабрику Тагиева в Петровске, — писала газета «Джаридатул Дагестан», — нужно сделать нашей национальной, нельзя допускать, чтобы ее доход шел Петровскому военно-революционному комитету» [2].

В Порт-Петровск подбрасывались диверсанты и провокаторы для натравливания местного населения на русских красногвардейцев. 12 февраля на вокзале, где находилось много красногвардейцев, был убит горец-цудахарец. Провокаторы подняли шум и пы-

[1] Материалы секретариата главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», фонд VII тома, дело 2, стр. 35.

[2] Газета «Джаридатул Дагестан» (на арабском языке) от 2 января 1918 года. Темир-Хан-Шура.

тались повести весь базар и мусульманскую часть города на вокзал, чтобы расправиться с красногвардейцами. В результате перестрелки были убиты три красногвардейца. Инцидент немедленно был ликвидирован военно-революционным комитетом, и провокаторы арестованы.

Милли-комитет подготовил для ликвидации военно-революционного комитета офицерские отряды из состава прибывшего из Терской области 2-го Дагестанского полка. «Одновременно Комитет решил подкрепить 2-й полк 1-м полком, дагестанскими милиционерами и всеми теми гражданами, кто может носить оружие» [1].

Ответственность за организацию похода на Порт-Петровск была возложена на областного комиссара С. Кваршалова и председателя Областного исполнительного комитета «социалиста» Тахо-Годи. В свою очередь князья Тарковский и Казаналипов организовали в Порт-Петровске банды, которые по ночам из засады убивали и обезоруживали красногвардейцев и рабочих. 23 марта по приказу Тахо-Годи отряды полковника Алиханова и князя Тарковского, 1-й конный полк бывшей «Дикой дивизии» и артиллерийская бригада 2-го полка выступили из Темир-Хан-Шуры. Общее командование было возложено на полковников Мусалаева и Гельгарда, с отрядами также выехали «социалисты» Тахо-Годи и Кваршалов [2].

В начале марта 1918 г. в Темир-Хан-Шуре было созвано расширенное совещание милли-комитета и Областного исполнительного комитета с участием «социалистов». На совещании стоял один вопрос — организация похода против Порт-Петровского военно-революционного комитета.

«Военно-революционный комитет, — говорили на этом совещании, — захватив власть в свои руки, эксплоатирует предприятия города, обременяет контрибуцией богатых, за сопротивление сажает имущих в тюрьму. Этот комитет организовал Красную гвардию из рабочих и крестьян.

Кроме этого, Военно-революционный комитет пытался захватить и город Темир-Хан-Шуру. С этой целью он усилил и подготовил свою Красную гвардию» [3]. Собравшиеся требовали: «взять город, распустить Красную гвардию в Петровске, ликвидировать Военно-революционный комитет» [4].

Утром 24 марта близ станции Петровск-Кавказской красногвардейские части и вооруженные рабочие встретились с темир-ханшуринскими отрядами и вступили в неравную борьбу с хорошо вооруженным и превосходящим по силе врагом. Бой продолжался целый день. Враг получал все новые и новые подкрепления. Бес-

---

[1] «Джаридатул Дагестан» от 21 марта 1918 года.
[2] «Муссават» от 26 марта 1918 года.
[3] «Джаридатул Дагестан» от 20 марта 1918 года.
[4] Там же.

прерывный пулеметный огонь расстраивал ряды красногвардейцев и рабочих. Вскоре на помощь врагу подошло «ополчение» Гоцинского, спешившее на ограбление Порт-Петровска. Наступал решающий момент горячей схватки. И вдруг один из красногвардейских отрядов, оборонявший большой участок железной дороги, самовольно снялся с боевого участка и направился в сторону Баку.

Оголение железнодорожного участка и уход большого отряда резко изменили положение. Враг беспрепятственно занял железнодорожную линию и вокзал. Буйнакский, находившийся на вокзале, был окружен. Только отряд Захарочкина помог Буйнакскому выйти из окружения.

Положение стало критическим. Оставалось около 250 штыков Красной гвардии и не более 40 патронов на человека. Часть отряда во главе с Дахадаевым вынуждена была отступить на Северный Кавказ, часть — в Баку, остальные во главе с Буйнакским и Захарочкиным отплыли на пароходе в Астрахань. Осталось в городе несколько большевиков для подпольной работы, сохранения связи с Астраханью, Баку, Северным Кавказом.

Враги, заняв город, быстро организовали специальные отряды для грабежа населения и резни армян. Все награбленное делилось между бандитами. По приказу имама Гоцинского было введено публичное телесное наказание. Наконец, бандиты потребовали от рабочих сдать оружие.

Бесчинства имамовцев подняли волну протеста среди рабочих. На текстильной фабрике был созван митинг, где рабочие единогласно приняли решение объявить бойкот приказам имамовцев и других белогвардейцев и в знак протеста против насилия и грабежей прекратить работу. Забастовка, начатая рабочими-текстильщиками, перекинулась на канатную фабрику, бондарный, гвоздильный заводы и на железную дорогу.

Бакинский совет, узнав о нападении банд на Порт-Петровск, немедленно приступил к организации помощи порт-петровским большевикам.

26 марта, по распоряжению Джапаридзе, из Баку в Порт-Петровск двинулся эшелон советских войск с 8 пулеметами и 6 гаубицами. Один из командиров вооруженных сил дагестанской контрреволюции, полковник Гельгард, пытался захватить эшелон у станции Тарки. Конные части Гельгарда, перерезав с тыла железнодорожный путь, подошли к эшелону и предложили красногвардейцам сдаться. Бакинский советский отряд сейчас же принял боевой порядок и, несмотря на численное превосходство противника, вступил в бой. Конники Гельгарда под натиском бакинцев вынуждены были отойти к окраине города. Потери их были огромны.

Только после того как стало известно, что большинству членов военно-революционного комитета опасность не грозит, советский эшелон восстановил железнодорожный путь и вернулся обратно в Баку, где в это время разгорелась борьба с муссаватистской контрреволюцией.

Установление Советской власти в Дагестане

В начале 1918 г. курс политики национальной буржуазии Дагестана и Терской области резко изменился. Обескураженные успехами пролетарской революции на Тереке, контрреволюционеры выдвинули новую программу — союз с «твердой» властью Закавказского комиссариата. Для этого в Тифлис был командирован Гайдар Бамматов с широкими полномочиями: наладить твердый контакт с грузинскими, армянскими и азербайджанскими национальными советами и, если понадобится, заключить соглашение с ними от имени горского правительства. Переговоры дали благоприятные результаты: в марте 1918 г. северокавказские и дагестанские делегаты были допущены в качестве «представителей» горских народов к участию в работах Закавказского сейма.

На Тереке в то время бурлил революционный подъем, возглавляемый С. М. Кировым.

4 марта II сессия Областного народного съезда Терской области под бурные аплодисменты приняла предложение большевиков о признании власти Совета народных комиссаров. 5 марта съезд перенес свою работу во Владикавказ, где избрал Терский совнарком во главе с Ноем Буачидзе. По всей Терской области устанавливалась Советская власть.

На II сессии Терского областного народного съезда 5 марта 1918 г. С. М. Киров, заканчивая свою речь, сказал: «наше слово должно претвориться в дело... если мы безжалостно хотим отбросить все контрреволюционные силы, то мы должны вновь подтвердить наше единение, нашу братскую общность, революционный, я бы сказал — священный союз. Мы должны сказать, что не только красота скрывается в горах Кавказа, но что эта цепь гордых скал явится той могучей преградой, о которую разобьются все силы реакции, что в диких горных ущельях слышен не только вой ветра, но там слышна и революционная песня затаенных надежд истинных сынов демократии»[1].

Большевики Терека призывали массы вести непримиримую борьбу с терско-дагестанской буржуазией, стремившейся сблизиться с грузинско-армянской и азербайджанской буржуазией.

С. М. Киров большое внимание уделил этому:

«Кумыкские князья, — говорил он, — которые спокойно жили вблизи Грозного даже в период власти там грозненского пролетариата, теперь совершенно растерялись... они... торопятся присоединить Кумыкскую плоскость к Дагестану, чтобы таким путем спасти свои земли, свое княжеское господство»[2].

Далее, поднимая вопрос о земле, о рабочем контроле и т. д., Киров указывал: «когда демократия Терской области поставила

---

[1] С. М. Киров. Избранные статьи и речи 1912—1934 гг., стр. 123—124. Госполитиздат. 1939.

[2] Там же, стр. 116.

эти вопросы вплотную перед помещиками, то кумыкские князья, например, стараются присоединить Хасав-Юртовский округ к Дагестану, чтобы сохранить за собою земли и положение. И я скажу больше: враги народа готовы присоединить ту или иную область не только к Дагестану, а к какой угодно отдаленной губернии или даже государству, чтобы спасти свои земли и свое богатство» [1].

Между тем в Баку назревали иные события. Муссаватисты, дашнаки, подогреваемые буржуазией из Тифлиса и Елизаветполя, устраивали межнациональные кровопролития. Организуя армяно-мусульманскую резню в Баку, враги народа пытались отвлечь рабочий класс и крестьянство от борьбы за установление Советской власти.

Межнациональное кровопролитие готовила также и дагестанско-буржуазно-помещичья клерикальная знать с Гоцинским во главе.

Опьяненная временной победой над Порт-Петровским военно-революционным комитетом, дагестанская контрреволюция закрепила диктатуру Гоцинского во всем Дагестане. Новоявленный диктатор Дагестана «имам» Гоцинский разослал по всем округам и участкам Дагестана призыв к «правоверным» о «священной» войне против большевиков и армян, которые якобы устроили резню мусульман в Баку. Связавшись с азербайджанскими муссаватистами, Гоцинский распространял гнусную ложь среди горцев Дагестана об армяно-мусульманской резне в Баку, о просьбе «жертв армянского оружия» освободить их от «ига» армян и большевиков.

В конце марта в Хасав-Юрт приехали Гоцинский, Узун-Гаджи и другие представители дагестанской контрреволюции. По их предложению, князья капланов собрали съезд сельских представителей, на котором был поставлен один вопрос — поход на Баку, на «помощь собратьям-мусульманам». Выступая на этом съезде, Гоцинский уверял, что «...в Дагестане правоверные покончили с большевиками... С ними надо было покончить и здесь, в Хасав-Юрте... но сейчас этого сделать некогда, потому что его зовут в Баку, так как там армяне и большевики истребляют правоверных мусульман... А когда покончим там с врагами бога и шариата, вернемся сюда. Если к тому времени хасав-юртские большевики не откажутся от своего намерения, то мы покончим с ними так же, как покончили с ними в Дагестане» [2].

Представители трудящихся Хасав-Юртского округа заявили «имаму», что у них нет ни оружия, ни коней и что они боятся нападения чеченской банды на аулы во время их отсутствия в округе. Гоцинский уехал из Хасав-Юрта с небольшим отрядом чеченцев и милицией Хасав-Юртского исполкома.

---

[1] С. М. Киров. Избранные статьи и речи 1912—1934 гг., стр. 122—123.

[2] Материалы секретариата главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», фонд IV тома, папка 2, дело 2, лист 48.

В течение 31 марта — 2 апреля на улицах Баку шли кровопролитные бои: муссаватисты подняли мятеж против Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов и большевистского исполкома Совета. Одновременно муссаватисты продолжали при поддержке отрядов «Дикой дивизии» истреблять армянское население города. На помощь контрреволюционным мятежникам спешили дагестанские полки и отряды, организованные дагестанской буржуазией и помещиками.

Кровавая борьба в Баку закончилась победой Советской власти. 2 апреля мятеж был ликвидирован. Остатки разбитой «Дикой дивизии» и других контрреволюционных отрядов покинули Баку. Однако муссаватисты и буржуазия не унимались. Баку был плотно окружен контрреволюционными отрядами.

Еще 31 марта в Темир-Хан-Шуре было получено сообщение, что контрреволюция в Баку ослабевает и что мусульманские рабочие поддерживают большевиков. Гоцинский, уже собравший большое войско для оказания помощи азербайджанским муссаватистам, созвал совещание, на котором было вынесено решение — «как большевикам, так и поддерживавшим их мусульманам не верить» [1].

Гоцинский двинул наспех вооруженную многотысячную толпу горцев на Баку. В Кая-Кенте ему вышли навстречу отряды южных кумыков — дагестанских азербайджанцев, табасаранцев под руководством Гаджи Магомеда Табасаранского. Приход Гоцинского оказал большую помощь елизаветпольскому муссаватистскому центру, руководившему блокадой Баку. Одновременно образовавшийся в Тифлисе контрреволюционный «сейм» также натравливал крестьян Елизаветпольской губернии на Баку.

Бакинский совет с помощью дагестанских большевиков в Баку организовал дагестанскую мусульманскую делегацию из рабочих-дагестанцев. Мусульманская делегация, возглавляемая Джапаридзе, была отправлена к отрядам дагестанской контрреволюции, подошедшим уже к станции Баладжары. «Несмотря на то, что делегация татар-бакинцев, — говорил Джапаридзе в своем докладе на чрезвычайном заседании Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов, — ездившая вместе со мной в Баладжары, заявила дагестанцам: не вмешивайтесь в наши дела, ваша помощь нам не нужна, они все же идут против нас. Есть сведения, что Закавказский сейм хочет помочь этим контрреволюционерам» [2].

Комитет революционной обороны Баку, созданный под руководством Шаумяна, Корганова и Джапаридзе, обратился ко всем трудящимся Баку с воззванием, в котором вскрывал лицо Гоцинского: «Контрреволюционная банда Дагестанского полка сосредоточилась в Хурдаланах и наступает на город, — говорилось в воззвании, — они жаждут крови и добычи. Они наступают с ар-

[1] «Джаридатул Дагестан» от 30 марта 1918 года.

[2] «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов Бакинского района» от 10 апреля 1918 года.

тиллерией, кавалерией и пехотой. Нам необходимо дать им отпор за городом, не допустить их до нас...

Товарищи и граждане! Около Баку решаются судьбы Закавказья. Наше поражение будет означать гибель революции в нашем крае и приведет к созданию средневековых ханств и к турецкому игу. Наша победа будет торжеством рабоче-крестьянской революции, будет гарантией свободы и культурного процветания Кавказа» [1].

Советские интернациональные отряды бакинского пролетариата, воодушевленные пламенными большевиками, стремительным ударом наголову разгромили банды Гоцинского и муссаватистов. Они гнали «всевеликого имама» с его ордой до самого Дербента.

Подавление муссаватистского контрреволюционного мятежа и разгром орд Гоцинского в Баку дали возможность чрезвычайному комиссару по делам Кавказа товарищу Шаумяну широко поставить вопрос об очищении пути к богатым продовольственным районам Северного Кавказа и об оказании военной помощи трудящимся Дагестана и Северного Кавказа.

Для очищения железнодорожного пути, связывающего Баку и Северный Кавказ, Бакинский совет создал первый бакинский экспедиционный отряд Кавказской Красной Армии, в который вошли красногвардейцы из районных отрядов города Баку, добровольцы из демобилизованных солдат старой царской армии и рабочие заводов и промыслов. К этому отряду был присоединен 36-й полк Туркестанской дивизии, возвращавшейся через Баку с турецкого фронта [2].

Связавшись с членами Порт-Петровского военно-революционного комитета, находившимися в Астрахани, Шаумян и Корганов выработали план взятия Порт-Петровска. Астраханский губком РКП(б) в свою очередь для той же цели готовил специальный отряд, состоявший из рабочих-большевиков Астрахани, дагестанских кустарей и астраханской татарской революционной молодежи.

В установленный день, 18 апреля, на пароходы «Казбек», «Восток», «Дагестанец», «Анна Гукасова», «Парижьен» и канонерские лодки «Ардаган» и «Карс» был погружен бакинский экспедиционный отряд под командованием Ефремова и направлен в Порт-Петровск [3].

19 апреля из Астрахани вышел в море отряд под командованием члена Астраханского губкома РКП(б) Бурова и его боевого помощника Ляхова. С отрядом возвращался Порт-Петровский военно-революционный комитет, но этот отряд, встретившись по пути с небольшой флотилией белых, несколько задержался с приходом в Порт-Петровск.

В ночь с 19 на 20 апреля военные корабли «Карс» и «Ардаган» заняли боевую позицию. Часть транспортных пароходов была

[1] «Бакинский рабочий» от 31 марта 1918 года.
[2] «Бакинский рабочий» от 27 апреля 1918 года.
[3] Там же.

готова к высадке десанта южнее Порт-Петровска, недалеко от станции Тарки, выше мыса Турали.

Штаб Гоцинского в Порт-Петровске, узнав о выходе в море астраханского революционного отряда и членов Порт-Петровского военно-революционного комитета, послал катер «Ундина», на борту которого находился ротмистр Вольский. «Ундина», дошедшая до острова Чечень, не обнаружив красной флотилии из Астрахани, вернулась обратно в Порт-Петровск и по пути была захвачена и обезоружена транспортными пароходами «Дагестанец» и «Парижьен», готовыми высадить десант севернее Порт-Петровска. У захваченных была найдена карта расположения вражеских войсковых частей в Порт-Петровске и ценные сведения о количестве войск Гоцинского. Выяснилось, что «...Северная сторона от станции Петровск-Кавказской совершенно оголена и штаб дагестанцев ни в коем случае наступления с севера на Петровск не ожидает» [1].

Отряд, высадившийся севернее Порт-Петровска, в 5 километрах от города, под прикрытием «Карса» и «Ардагана» подошел с тыла к станции Петровск-Кавказской. Высадка прошла благополучно, противник не заметил десанта. 36-й туркестанский полк начал наступать с юга.

Командование 36-го полка, обнаружив в нескольких километрах от города фронт белогвардейцев, начало демонстрацию войск перед ним: одни и те же части красного полка несколько раз выходили на возвышенность и снова уходили в ложбину. Эта демонстрация ввела в заблуждение белогвардейское командование. Считая, что у большевиков большие силы, белогвардейцы не решались вступать в бой за городом и поспешно убрались в город, заняв короткую линию фронта.

К утру 20 апреля отряд, высадившийся севернее Порт-Петровска, неожиданно начал свое наступление. С налету были заняты станция и поселок Петровск-Кавказский. Отсюда вдоль железной дороги началось наступление на город.

Все внимание белогвардейцев было обращено на юг, где наступал 36-й полк [2].

Началось наступление на город с двух сторон — с севера и с юга. Артиллерийский огонь с «Карса» и «Ардагана» разрушил все огневые артиллерийские точки, расположенные на возвышенности между маяком и городом.

В то же время южная группировка красногвардейцев стремительно подходила к Темир-Хан-Шуринскому шоссе. Враги всеми силами старались удерживать подступы к нему, чтобы сохранить возможность отступить в Темир-Хан-Шуру из Порт-Петровска.

В 2 часа артиллерийский огонь с моря прекратился. Огневые точки врага были подавлены. С канонерки «Ардаган» последовал

---

[1] «Бакинский рабочий» от 27 апреля 1918 года.
[2] Там же.

ультиматум о сдаче города к 3 часам дня. Не получив ответа к указанному сроку, красногвардейцы стали вытеснять врага из города. К 5 часам вечера город был взят, и банды Гоцинского беспорядочно отступили из города по единственному оставшемуся в их руках Темир-Хан-Шуринскому шоссе.

Отступление настолько было беспорядочно, что Гоцинский не успел унести свое зеленое знамя, под которым полтора месяца тому назад он торжественно собирал все контрреволюционные и фанатически настроенные элементы.

«36-й полк опоздал с обходным движением, — говорится в донесении командования экспедиционного отряда, — и дал возможность дагестанцам использовать шоссе при беспорядочном бегстве, но красногвардейцы настигли батарею противника из двух орудий на шоссе и отбили.

Таким образом, было взято три орудия — два горных и одно полевое и большое количество снарядов — около двух тысяч» [1].

Второй раз пришлось «всевеликому имаму» бежать от большевиков.

Бакинский экспедиционный отряд, снаряженный для очистки железнодорожного пути, связывающего Баку с районами Северного Кавказа, оказал большую помощь в изгнании из Порт-Петровска банд Гоцинского и установлении там Советской власти.

Огромную помощь трудящимся Дагестана оказал революционный отряд, прибывший с членами Порт-Петровского военно-революционного комитета утром 23 апреля 1918 г. из Астрахани.

К вечеру 22 апреля власть военно-революционного комитета в Порт-Петровске полностью была восстановлена [2]. Чрезвычайный комиссар Кавказа Шаумян утвердил председателем Порт-Петровского военно-революционного комитета Буйнакского и назначил в Дагестане чрезвычайного комиссара.

Порт-Петровский военно-революционный комитет и Чрезвычайный комиссариат немедленно приступили к отправке бакинского экспедиционного отряда на Северный Кавказ; астраханский революционный отряд предназначался для разгрома дагестанской контрреволюции в Темир-Хан-Шуре.

25 апреля посланный Бакинским советом отряд вошел в Дербент и после небольшого сопротивления очистил его от контрреволюционных банд полковника Лачуева и городского головы Векилова. Комиссару по военным и морским делам Бакинского совнаркома Корганову было сообщено с «Карса»:

«В городе спокойно. Образован Совет Народных Комиссаров со всеми отделами. Успешно формируется Красная гвардия и беспощадно реквизируются товары и продовольственные продукты у спекулянтов. Арестовываются контрреволюционные элементы, среди которых оказался местный городской голова. При обыске у не-

[1] «Бакинский рабочий» от 27 апреля 1918 года.
[2] Там же.

го обнаружена масса документов, уличающих его в причастии к контрреволюционным органам. Из деревень и сел приходят делегаты с заверениями и признаниями во всемерной поддержке Советской власти»[1].

28 апреля состоялся многолюдный митинг дербентских рабочих и трудящихся города. Особенно сильное впечатление на собравшихся произвела речь большевика Г. Таги-заде на азербайджанском языке: «Его речь все время прерывалась бурными аплодисментами и криками «ура!». В результате была вынесена резолюция о полнейшей поддержке Советской власти и решительной борьбе с контрреволюцией»[2].

Большевики Дагестана приступили к исполнению намеченного плана наступления красных частей на Терек и на Темир-Хан-Шуру.

27 апреля Бакинский совет дал приказ двинуть экспедиционный отряд к станции Гудермес на восстановление железнодорожной линии, очищение ее от белочеченских и белоказачьих банд и организацию переброски хлеба с Северного Кавказа в Баку и Астрахань. К вечеру того же дня отряды погрузились и были готовы к отправке.

Между тем Гоцинский начал новую мобилизацию в свои отряды. На его призыв откликнулось дагестанское офицерье. Генерал Халилов, полковники Алиханов, Мусалаев и князь Тарковский присоединили остатки своих отрядов к побитым воинам «имама» и подчинились ему по соответствующему соглашению. Спешил на помощь «имаму» и Узун-Гаджи с большим отрядом из Чечни. Узнав в Хасав-Юрте о жестоком поражении Гоцинского, а также о продвижении красногвардейцев по железной дороге, Узун-Гаджи разрушил железную дорогу.

К 25 апреля Гоцинский собрал в окрестностях аула Кумтор-Кала почти 10-тысячное войско и стал готовить нападение на Порт-Петровск, назначив на пост «главнокомандующего» генерала Халилова.

Гоцинский и его генералы зорко следили из Кумтор-Калы за действиями красногвардейских отрядов в Порт-Петровске. Узнав о приказе Бакинского совета и будучи уверен, что экспедиционный отряд выезжает из Порт-Петровска в ночь с 27 на 28 апреля, Гоцинский с 10-тысячной бандой прошел Алтыбуюнский перевал и остановился ночью в 4—5 километрах от Порт-Петровска, намереваясь утром напасть на город, занять его и отрезать путь астраханско-петровскому отряду. Но эшелоны советских войск тронулись только утром 28 апреля; планы Гоцинского сорвались: вместо того, чтобы захватить Порт-Петровск без боя, ему при-

---

[1] «Бакинский рабочий» от 23 апреля 1918 года.

[2] «Известия Совета рабочих, красноармейских, матросских и крестьянских депутатов Бакинского района» от 9 мая 1918 года.

шлось иметь дело с задержавшимися на несколько часов красными частями [1].

Экспедиционный отряд, отразив неожиданную атаку имамовцев на ст. Шамхал, спешно возвратился в Порт-Петровск и чуть ли не на ходу, прямо из вагона бросился навстречу многочисленному врагу, наступавшему по двум направлениям — на Порт-Петровск и на Лорийские казармы. К красногвардейцам примкнули рабочие и солдаты. Советские канонерки энергично начали обстреливать тыл и фронт противника. Первая, вторая, третья — все яростные атаки банды были героически отбиты красногвардейцами и рабочими. Враг потерпел жестокое поражение и был вынужден бежать без оглядки. Имамовцы вторично потеряли свое «священное» зеленое знамя.

Особенно отличилось подразделение, стоявшее во время боя у Лорийских казарм. Окруженное намного превосходящими силами, это подразделение выдерживало напор врага в течение полутора часов, прикрывая дорогу в центр города. Герои потеряли 39 человек, но задачу свою выполнили.

В бою 28 апреля пали смертью храбрых командир астраханского отряда Буров и начальник пулеметной команды бакинского отряда Будрин. Враг потерял одними только убитыми около 1 400 человек.

Телеграмма, посланная в Баку командующим бакинским отрядом, гласила:

«Петровск. Сегодня на рассвете началось наступление противника на город. С броневыми и другими пехотными частями выступил навстречу противнику. После жаркого артиллерийского и пулеметного боя противник отступил, оставив много убитых и пленных. Бой продолжается. Из Темир-Хан-Шуры двигаются новые эшелоны противника. До сих пор взято 30 орудий, зарядные ящики, кухня полевая, снаряды, патроны, пулеметы, с двуколкой и лошадьми. Преследование успешно продолжается» [2].

В третий раз побитый «имам», прихватив раненого генерала Халилова, убежал в ущелья Аварских гор. Темир-хан-шуринская власть, пытаясь спасти свое положение, объявила мобилизацию среди городского и окрестного сельского населения. Новым главнокомандующим был назначен князь Тарковский. Однако князь, вспомнив поговорку «своя рубаха к телу ближе», погрузился с семейством на арбы и последовал за Гоцинским. Полковник Джафаров, последняя надежда дагестанской контрреволюции, пытался было оказать сопротивление большевикам и прибыл в Кумтор-Калу. Но здесь он не увидел ни одного вояки из армии Гоцинского, Халилова, Алиханова и тоже быстро скрылся в пределах Аварского округа.

---

[1] «Бакинский рабочий» от 28 апреля 1918 года.
[2] «Бакинский рабочий» от 23 апреля 1918 года.

2 мая 1918 г. астраханский отряд под командованием Ляхова и петровский интернациональный полк во главе с Буйнакским заняли Темир-Хан-Шуру и организовали там Дагестанский областной военно-революционный комитет. В его состав вошли: Уллубий Буйнакский, Гарун Саидов, Емельян Гоголев, Саид Габиев, Саид Абдул-Халимов, Тимошин, позже Махач Дахадаев и другие.

Бывший центр дагестанской контрреволюции стал центром революционного руководства трудящихся горцев Дагестана.

С огромным ликованием и радостью приняли трудящиеся Темир-Хан-Шуры красных бойцов. Военно-революционный комитет немедленно обратился к народам Дагестана с воззванием, в котором говорилось:

«Цари и его приспешники — богачи, буржуи — жили за счет бедного люда: крестьян, земледельцев и рабочих, притесняли его, старались держать в темноте и невежестве.

Беки, князья, богачи, торговцы Дагестана, желая продолжать эксплоатацию трудового народа, выдвинули видного богача-землевладельца Наджмутдина Гоцинского в качестве духовного и светского главы (имама) и затеяли войну с выразителями воли трудового народа — большевиками. Они преднамеренно лживо обвиняют большевиков в посягательстве на права самоопределяющегося Дагестана и, придав этой борьбе национальный характер, обманув земледельцев и рабочих, повели их на смерть в Петровск и Баку. Но крестьяне и рабочие вскоре поняли авантюру руководителей братоубийственной войны, протянули братскую руку истинным защитникам интересов земледельцев и рабочих — большевикам для общей борьбы против врагов всего трудового народа — беков, князей, богачей.

29 апреля 1918 г. В этот величайшей исторической важности день дагестанский трудовой народ берет власть в свои руки и образует Военно-революционный комитет, являющийся местным исполнительным органом власти Совета народных комиссаров и выразителем воли трудового дагестанского народа.

Ближайшей задачей Военно-революционного комитета является: полное освобождение трудового народа от всякого гнета беков, князей и богачей, установление прочного мира между всеми национальностями на основах свободы, равенства и братства, немедленная передача казенных, бекских, ханских и крупных частновладельческих земель, пастбищных гор, лесов в руки трудового народа Дагестана.

Военно-революционный комитет не посягает ни на основы ислама-шариата, ни на нравы и обычаи Дагестана, ни на честь и достоинство его и немедленно приступает к организации духовного правления шариатского суда во всем Дагестане»[1].

Гоцинский и другие враги народа распространили ложные слухи о том, будто большевики обезоруживают горцев, отнимают

[1] Государственный архив МВД Дагестанской АССР, фонд 43, дело 10, листы 3—4.

кинжалы, посягают на национальные обычаи, унижают их достоинство и т. д. Военно-революционный комитет предупреждал в своем воззвании, что он только расформирует и обезоружит национальные конные полки и наджмутдинскую милицию — этот оплот беков, князей и богачей; их оружие будет передано Красной гвардии, формируемой из местных людей, верных задачам своего народа.

«Военно-революционный комитет, стоящий на страже интересов крестьян и рабочих, призывает всех трудящихся организоваться в местные советы и установить контакт с Областным военно-революционным комитетом, чтобы с оружием в руках стать в нужный момент для подавления всякого контрреволюционного выступления.

Военно-революционным комитетом приняты все меры для охраны личной жизни и имущественной безопасности граждан. Варварство и грабежи будут строго преследоваться и караться вплоть до расстрела на месте преступления.

Да здравствует власть трудящегося народа — власть Народных Комиссаров»[1].

Воззвание военно-революционного комитета обсуждалось на собраниях рабочих, окружных и сельских сходах. Рабочие и крестьяне давали клятву верности и защиты своей власти.

Дагестанские большевики в борьбе за укрепление Советской власти в Дагестане

Дагестанский областной, Порт-Петровский и Дербентский военно-революционные комитеты немедленно приступили к национализации крупных предприятий. В мае 1918 г. были национализированы текстильная фабрика, бондарный завод, холодильник, канатная фабрика, проволочно-гвоздильный завод, рыбные промыслы и другие крупные предприятия. Во главе этих предприятий стали фабричные, заводские и промысловые коллегии из рабочих.

Военно-революционные комитеты начали налаживать снабжение городского населения, в первую очередь рабочих. В Кизлярский округ были посланы рабочие отряды за хлебом, что способствовало частичному разрешению тяжелого продовольственного кризиса.

Органы Советской власти приступили также к немедленной конфискации помещичьих, бекских, чанкских и других частных земель. Огромную помощь в этом оказывал дагестанским большевикам и городской бедноте чрезвычайный комиссар по делам Кавказа Шаумян.

От имени Бакинского совнаркома в первый же день его организации, 2 мая, С. Шаумян подписал декрет о социализации земли, лесов и пастбищ в Закавказье и Дагестанской области. В декрете указывалось:

---

[1] Государственный архив МВД Дагестанской АССР, фонд 43, дело 10, лист 4.

«1. Немедленно произвести изъятие земель, построек, инвентаря, сельскохозяйственных продуктов и материалов из частного владения всех помещиков (беков, ханов, князей), их доверенных и нетрудовых арендаторов и впредь до проведения в жизнь «основного закона о социализации земли», изданного Всероссийским исполнительным комитетом, использовать это имущество на основании «Временной инструкции» переходных мер по проведению в жизнь закона о социализации земли.

2. Для осуществления этих мероприятий учредить временные земельные комитеты, согласно прилагаемого при сем положения о них.

3. Предписывается всем Советам крестьянских депутатов на местах образовать временные земельные комитеты и немедленно приступить к проведению в жизнь настоящего декрета.

Там же, где нет Советов крестьянских депутатов, образование временных земельных комитетов поручается комиссарам советской власти по указанию народного комиссара земледелия.

Председатель Совета Народных Комиссаров
С. Шаумян»[1].

Этот декрет был распространен и разъяснен в округах Дагестана. Особенно широкое осуществление декрета имело место после возвращения в Дагестан Махача Дахадаева, пользовавшегося большой популярностью среди горцев.

Дахадаев вернулся в Темир-Хан-Шуру 3 мая 1918 года. Он был назначен заместителем председателя Областного военно-революционного комитета и военным комиссаром Дагестана. После его приезда весь революционный актив был мобилизован и отправлен в аулы и округа для организации Советской власти на местах и проведения в жизнь декрета о земле.

Председатель Порт-Петровского военно-революционного комитета Буйнакский с отрядом, состоявшим главным образом из местных большевиков и красногвардейцев, объездил всю Кумыкскую плоскость к югу от Порт-Петровска, где помогал трудящимся устанавливать власть сельских ревкомов и создавать штабы краснопартизанских отрядов в аулах Утамиш, Мурага, Алхаджикент, Усемикент, Губден, Уллу-Буйнак и других. Во всех аулах созывались собрания трудящихся, где большевистские ораторы призывали бедноту к укреплению Советской власти, к защите ее от врагов — контрреволюционеров гоцинских, халиловых и других, которые еще не сложили оружия и готовились в глубоких горах к новым боям против Советской власти.

Военный комиссар Областного ревкома Махач Дахадаев организовал боевые дружины из горской бедноты аулов Ишкарты, Каранай, Эрпели и других и призывал трудящихся к борьбе против контрреволюционных отрядов, скрывавшихся в горах.

---

[1] «Известия Совета рабочих, красноармейских, матросских и крестьянских депутатов Бакинского района» от 18 июня 1918 года.

Русский большевик Ляхов с отрядом местных и русских коммунистов объездил все аулы в казанищенско-джентутайском направлении, разъясняя горцам значение родной для них рабоче-крестьянской Советской власти и призывая их на защиту этой власти.

Большую агитационную работу проводил агитотряд, в который входили Казбеков, Авербух, Батырмурзаев. Отряд помог установить Советскую власть в Чир-Юрте, Султан-Янги-Юрте, Шамхал-Янги-Юрте и в других аулах Хасав-Юртского округа и создать конные и пешие отряды, которые впоследствии явились ядром Чир-Юртско — Хасав-Юртского фронта в борьбе против кумыкских князей и контрреволюционного белого казачества.

О роли агитационного отряда, ездившего по кумыкским аулам, севернее Порт-Петровска, с большим воодушевлением рассказывают участники гражданской войны в Дагестане:

«Владельцы кутанов и земель, князья и баи, потомки бывших властителей Дагестана шамхалов Тарковских, пользуясь родовой властью и деньгами, крепко держали в руках трудовое население. Но близость революционного Терека, работа дагестанских коммунистов, среди которых нужно особо выделить Султан-Саида Казбекова, сделали свое дело... Как огонь, летели его слова на князей и землевладельцев и зажигали сердца людей огромной ненавистью к ним» [1].

В Южном Дагестане верные сыны дагестанского народа, питомцы великого Сталина — Кази-Магомед Агасиев и Маленький Мамед (Айдинбеков) с небольшим отрядом рабочих-лезгин объездили селения Самурского и Кюринского округов. Во многих селениях Ахтынского, Докузпаринского, Гюнейского и других участков были созданы Советы крестьянских депутатов и боевые дружины из лезгинской бедноты. Там, где выступали большевистские агитаторы, начиналась упорная борьба между бедняцкими группами и местными богатеями. Большую работу проводил Агасиев в плоскостной части Кайтаго-Табасаранского округа — в Дербентском и Теркемейском участках.

Наиболее активно шел процесс советизации в Казикумухском и Даргинском округах. В мае под руководством Саидова Гаруна в селении Кумухе был создан окружной ревком (казикумухский), который немедленно приступил к конфискации бекских, помещичьих и других частновладельческих земель и передаче их бедноте без всякого выкупа.

Около Цудахара (Даргинский округ) общее собрание горцев избрало Даргинский окружной ревком в составе Алибека Богатырева, Мусы Карабудакова и других.

Даргинский ревком организовал отряд красных партизан, куда добровольно вступило около 300 горцев, и Богатырев сам обучал их военному делу. Декрет о социализации земли стал осуществляться в

---

[1] И. Разгон и А. Мельчин. Борьба за власть Советов в Дагестане (1917—1921 гг.), стр. 34—35.

округе, что оказалось решающим фактором в деле установления Советской власти во всех аулах и селах Даргинского округа.

В помощь дагестанским большевикам в Баку были созданы преимущественно из дагестанцев агитационные отряды. Один из таких отрядов был подготовлен Джапаридзе и во главе с Маленьким Мамедом отправлен в Дербент, Порт-Петровск.

Популярность большевиков среди горской бедноты росла, все шире шла советизация аулов и округов. Контрреволюционные элементы создали банды, нападавшие на большевиков, на агитотряды, на Советы и дружины, они оказали вооруженное сопротивление у селения Гичи-Гимры отряду Уллубия Буйнакского, в Курахе напали на Кази-Магомеда Агасиева. Буржуазно-помещичья знать выступила в Кумухе с призывом «борьбы против неверных — большевиков». В ряде округов многие агитаторы, призывавшие горскую бедноту на борьбу за родную им Советскую власть, были зверски убиты бандами помещичье-мульских элементов.

Однако запугать большевиков и горцев-агитаторов, ставших борцами за свободу горской бедноты, никто не мог.

Кипучая организаторская и политическая работа в горных округах и аулах шла полным ходом; устанавливались новые порядки судопроизводства, изменилась и программа народного просвещения. Наряду с шариатским судом, находившимся в руках окружного, участковых и сельских кади, были введены народные суды, действовавшие без давления и влияния шариата. Преподавание в школах было организовано на азербайджанском, кумыкском и русском языках — по выбору самих трудящихся. Отдел просвещения ревкома взялся за проверку учительского состава. В Темир-Хан-Шуре были организованы курсы по подготовке советских работников и учителей. Религия была объявлена частным делом.

С первых же дней Советской власти возникла и большевистская печать. Популярный литературно-художественный журнал «Тан-Чолпан» («Утренняя звезда»), широко используемый ранее для большевистской агитации, стал органом Областного ревкома. Большую роль в политической работе по советизации Дагестана сыграла газета «Ишчи-Халк» («Рабочий народ») на кумыкском языке. Редактором ее был З. Батырмурзаев.

Бакинский пролетариат продолжал оказывать братскую помощь трудящимся Дагестана.

В конце мая 1918 г. Шаумян прислал из Баку 3 млн. рублей как субсидию и помощь населению Дагестана.

Успехи молодой Советской власти в Дагестане заставляли меньшевиков, эсеров и буржуазных националистов наружно перекрашиваться, приспосабливаться к новой обстановке. Разоблаченные впоследствии враги социалистической революции Коркмасов, Тахо-Годи и другие «перешли» на сторону победителей — большевиков, решив, что методы открытой борьбы с социалистической революцией не оправдали себя и что следует действовать методом скрытой, внутренней борьбы, двурушничеством и лицемерием.

«Социалисты» пытались проводить свою политику в военно-революционном комитете, куда им удалось пролезть. Они настаивали на возрождении прежних органов, где якобы царила «широкая демократия». «Социалисты» обвиняли большевиков в том, что они привели в Дагестан русские войска, в то время как для борьбы против контрреволюции в Дагестане было достаточно «своей демократической силы». Попытки их убедить Уллубия Буйнакского в необходимости восстановления старого, буржуазного исполнительного комитета терпели неизменно неудачи.

Период победы Советской власти в Дагестане совпал с тяжелым периодом жизни и борьбы для Советской России. Военная интервенция германского империализма, с одной стороны, мятеж чехословаков, поддерживаемых Антантой, — с другой, кулацкие мятежи, руководимые эсерами, отрезали громадное большинство хлебных, богатых сельскохозяйственных районов. В Москве рабочие с перебоями получали $^1/_8$ фунта хлеба в день. Пролетарский центр Кавказа — Баку, отрезанный от хлебных районов контрреволюционными бандами, не раз отправлял специальные отряды на Северный Кавказ за продовольствием. Но так как в Терской области между горцами и казаками, натравливаемыми горской и казачьей контрреволюционной верхушкой друг на друга, разгорелась война, железнодорожные участки между Хасав-Юртом и Грозным систематически разрушались. В районе Хасав-Юрта и Червленной действовали части контрреволюционного казачества, поддерживаемые кумыкскими князьями и чеченскими муллами. Чтобы оказывать помощь голодавшему пролетариату Баку и Советской России, чтобы поддержать русских красноармейцев и Кавказскую Красную Армию, боровшихся против контрреволюции и интервенции, большевики Дагестана, по указанию Ленина и Сталина, организовали отпор чеченской и казачьей контрреволюции на Тереке. Терский совнарком в свою очередь тщетно пытался прекратить братоубийственную войну, зажженную контрреволюционной верхушкой казачества и буржуазно-националистическими главарями горцев, и восстановить железнодорожную линию на Тереке.

О положении в Баку и на железной дороге, связывающей Баку с Терской областью, С. Шаумян сообщал В. И. Ленину в своей телеграмме от 27 мая 1918 г.:

«Положение Баку ухудшается. Сообщают от 23 мая из Тифлиса о согласии Закавказского комиссариата пропустить два турецких полка на Баку. Наш отряд в 2 000 человек дошел до Гудермеса и вернулся обратно, не достигнув до Червленной. Причины: первая, трудность задачи, вторая, просьба делегации Терского народного совета вернуться обратно, в виду ожидающегося разрешения вопроса об открытии дороги»[1].

---

[1] «Красный архив» № 4—5 за 1938 год, стр. 14.

Враги Советской власти пытались использовать напряженное положение с продовольствием и начали натравливать рабочих против Советской власти.

С. Шаумян выпустил специальное воззвание, в котором он предостерегал рабочих от провокации эсеров, меньшевиков, муссаватистов и дашнаков и других врагов Советской власти.

«Товарищи, — писалось в обращении Бакинского СНК, — продовольственные затруднения продолжаются. Несмотря на все старания Советов рабочих и солдатских депутатов и их исполнительных органов, закупленный в громадном количестве хлеб доставляется в ничтожном количестве. Товарищи, на этой почве, на почве голода, недовольство и возмущение проникают в наши души. Еще и еще раз мы призываем вас не приходить в отчаяние. Голод — хорошая почва для провокации. Не поддавайтесь, товарищи, агитации наших врагов» [1].

В ответ на обращение чрезвычайного комиссара по Кавказу: «Как можно быстрее двинуть имеющееся продовольствие из Порт-Петровска и этим спасти тяжелое положение гор. Баку» [2], — все продовольственные склады в Порт-Петровске были немедленно раскрыты, продукты погружены на пароход «Меридиан» и 22 апреля 1918 г. отправлены в Баку [3]. Трудящиеся аулов освобожденных районов в ответ на обращение голодавшего Баку подвозили в Порт-Петровск муку и другие продукты. Продукты эти были отправлены в Баку [4]. В течение нескольких дней только по железной дороге трудящиеся Порт-Петровска и окрестных аулов отправили бакинским рабочим более 100 тонн муки и 30 вагонов других продуктов.

Большую помощь пролетариату Баку оказывали также трудящиеся Дербентского района, которые 25 и 26 апреля отправили в Баку разных хлебных грузов более 35 вагонов.

Князья и крупные землевладельцы, убегая от Советской власти, бросали свои посевы на произвол судьбы. Кулаки и чанки в некоторых аулах попрежнему продолжали владеть огромными посевами. По указанию Совета народных комиссаров, военно-революционные комитеты изымали излишки хлеба у кулаков, конфисковали продовольствие у контрреволюционеров, национализировали владения князей и крупных землевладельцев. Поспевавший урожай нужно было убрать. 21 мая военно-революционный комитет обратился с призывом организованно и быстро убрать урожай и приступить к созданию уборочных отрядов для снятия урожая.

«К вам, товарищи крестьяне, — говорилось в этом воззвании, — мы обращаемся в то время, когда по всему пространству нашей родины идет борьба за укрепление свободы и многие молодые си-

---

[1] «Известия Совета рабочих, красноармейских, матросских и крестьянских депутатов Бакинского района» № 44 за 1918 год.

[2] «Бакинский рабочий» от 27 апреля 1918 года.

[3] Там же.

[4] Там же.

лы уже угасли в этой борьбе, пожертвовав для трудового народа своей жизнью. В то время, когда наши бакинские товарищи, изнемогая от голода, напрягают свои силы и когда хлеба здесь осталось мало, вы поселились в вагонах и забыли про свои поля. Время же для уборки полей уже приближается. Мы призываем вас возвратиться к своим полям и приступить к сбору урожая. Бездействуя, вы обрекаете на голодную смерть тех, кто с оружием в руках пошел закреплять завоевания свободы, и сами ложитесь бременем на родину. Ваша работа важна так же, как и работа бойца. Помните, товарищи, что в единении сила. Сознавая всю тяжесть положения, в котором вы находитесь, мы, со своей стороны, приходим к вам на помощь, организуя отряды для уборки урожая. Итак, с сознанием долга перед исстрадавшейся родиной, приступайте к работам. Те из вас, кто за неимением достаточного количества рук не управится с работами, обращайтесь к комиссару по продовольствию тов. Осканову [1], который пошел вам на помощь.

Оставленные поля без уборки будут убраны отрядами, и сбор поступит в распоряжение Военно-революционного комитета. Безопасность работ в поле мы вам гарантируем» [2].

На воззвание откликнулись сотни рабочих и служащих, железнодорожники и их семьи. Организованные уборочные отряды были отправлены на поля со всем необходимым инвентарем, принадлежавшим ранее бекам и крупным землевладельцам. Уборка хлеба прошла успешно. Рабочие и красногвардейцы городов Баку и Порт-Петровска получили продовольствие.

Для удовлетворения потребностей в продовольствии пролетариата Баку и Советской России совершенно недостаточна была помощь одного Дагестана, да и огромная территория плодородных земель Дагестана — Хасав-Юртского, Кюринского, Даргинского округов, часть Темир-Хан-Шуринского и ряда других округов — еще находилась в руках контрреволюции, объявившей смертельную войну Советской власти. Для обеспечения Баку хлебом и оказания продовольственной помощи русскому пролетариату центральных районов Советской России необходимо было очищение северокавказской железнодорожной линии от многочисленных банд контрреволюции. Этот вопрос все еще не снимался с повестки дня.

12 мая 1918 г., по указанию чрезвычайного комиссара по делам Кавказа и председателя Бакинского СНК Шаумяна, специальный отряд из бакинских и дагестанских красногвардейцев выступил в поход из Порт-Петровска на Северный Кавказ [3]. В течение нескольких дней отряд восстановил разрушенную железную дорогу от станции Шамхал до Хасав-Юрта. В дальнейшем продвижении отряд встретил серьезное сопротивление и препятствия: железнодорожная линия дальше Хасав-Юрта была совершенно разобрана

[1] Осканов — продовольственный комиссар Порт-Петровского военно-революционного комитета, погиб в борьбе с бичераховщиной в сентябре 1918 года.

[2] Газета «Красный Дагестан» от 21 мая 1918 года.

[3] «Бакинский рабочий» от 30 мая 1918 года.

чеченской бандой, а шпалы и даже рельсы вывезены в чеченские аулы. Чеченцы, подстрекаемые контрреволюционерами, всюду встречали отряды красногвардейцев выстрелами.

«Далее Хасав-Юрта вплоть до Гудермеса, — говорится в отчете отряда, — картина разрушения совсем другая.

Здесь порча пути заключалась не только в разборке рельс, но и рельсы эти со шпалами находились на довольно большом расстоянии от железнодорожного пути, а в некоторых местах и в ближайших аулах, далее к Гудермесу, телеграфные столбы срублены и провода увезены, и поэтому восстановить телеграфную сеть нет никакой возможности, затем уже приходилось исправлять путь чуть ли не на каждой версте. Сторожевые железнодорожные дома разрушены с особенной жестокостью. У Гирзель-аула нам пришлось остановиться и исправить железнодорожный мост. При разведке указанного аула наши разведчики были обстреляны артиллерийским огнем, и поэтому завязался бой. В бою выяснилось, что в ауле имеются 2 орудия и значительное количество чеченцев» [1].

Бой закончился разгромом банды чеченцев. Исправляя путь версту за верстой, отряд двигался к Гудермесу. Вскоре, однако, продвижение отряда стало почти невозможным: все население в возрасте от 13 лет стало под ружье.

«Позиции сильно укреплены, — говорится дальше в отчете отряда, — имеется артиллерия. От Исти-Су до Гудермеса и дальше путь совершенно разрушен. Сунженский мост сильно поврежден, и исправление этого моста займет около месяца времени. Кроме того, продвигаясь вперед, мы должны были воевать не с бандами абреков, а со всем чеченским народом, бороться с которым наш отряд совершенно бессилен...

Приехав в Исти-Су и остановившись в четырех верстах от Гудермеса, мы были обстреляны неприятельской артиллерией. Здесь выяснилось, что мы находимся в мешке и весь горный хребет занят десятками тысяч чеченцев... В Гудермесе имеются большие силы противника и артиллерии. Не желая ввязываться в бой, при котором мы были бы уничтожены, мы отвечали только орудийным огнем» [2].

Ввиду такого затруднительного положения и не имея достаточных сил, отряд вынужден был вернуться обратно в Порт-Петровск, а оттуда в Баку, оставив одну роту в районе Гудермеса, которая с помощью Терского народного совета отправилась через Кизляр на Северный Кавказ за хлебным грузом, принадлежавшим городу Баку.

Много внимания уделил Северному Кавказу, Дагестану и Закавказью находившийся в Царицыне товарищ Сталин.

С. Шаумян еще 23 мая 1918 г. информировал И. В. Сталина о необходимой помощи Бакинской губернии и Дагестанской области:

---

[1] «Бакинский рабочий» от 30 мая 1918 года.
[2] Там же.

«Помощь людьми и оружием нужна спешно. Необходим запасной. Для организации Советской власти в Бакинской губ. и Дагестанской области требуются расходы...» [1].

Все пути, связывающие Терскую область с Дагестаном и Каспийским морем, были закрыты. Контрреволюционная верхушка Чечни и Ингушетии снова до последней шпалы разобрала железнодорожный участок Беслан — Хасав-Юрт.

По заданию товарища Сталина, дагестанские советские части во главе с Дахадаевым, Казбековым и Лагодой приступили к восстановлению железной дороги и очищению ее от казачьих и чеченских контрреволюционных банд. 11 июня от товарища Сталина в Баку была получена телеграмма, в которой говорилось:

«Сообщите по радио Баку Шаумяну, что я, Сталин, нахожусь на юге и скоро буду на Северном Кавказе. Линия Хасав-Юрт — Петровск будет исправлена во что бы то ни стало» [2].

Большевики Дагестана в самый разгар горячих боев в горах с Гоцинским и другими бандами белых генералов и полковников прилагали все усилия для выполнения задачи, поставленной товарищем Сталиным.

Военком Дагестанского ревкома Махач Дахадаев получил задание — немедленно расчистить путь Порт-Петровск — Гудермес — Червленная — Кизляр, содействовать постройке Кизляро-Брянской железнодорожной ветки для переброски продовольственных товаров с Северного Кавказа к Каспийскому морю, а оттуда в центры России и в Баку.

Дахадаев с Лагодой, Батырмурзаевым и Измаиловым послали делегацию за реку Аксай к казакам и чеченским контрреволюционерам, во главе которых стоял председатель Чеченского национального совета Ибрагим Чуликов, с предложением о мирном отходе от железнодорожного участка Хасав-Юрт — Червленная—Кизляр.

Мирные переговоры не дали положительных результатов. Тогда при поддержке отрядов Кизлярского ревкома советские части под командованием Дахадаева и начальника штаба Чир-юртского участка фронта Авербуха начали поход на север от Хасав-Юрта.

От Порт-Петровска до Хасав-Юрта восстановление железнодорожного пути не вызывало особых затруднений.

Преодолевая слабое сопротивление, советский отряд за несколько дней восстановил железнодорожный путь и подожженные деревянные мосты. 15 мая из Порт-Петровска чрезвычайному комиссару Шаумяну было сообщено:

«Телеграфная линия и дорога до Чир-Юрта исправлены. Поезда могут свободно проходить, только нужно дать охрану. Военно-революционным комитетом меры к охране будут приняты. В ближайших от железной дороги аулах образованы Советы» [3].

---

[1] «Красный архив» № 4—5 за 1938 год, стр. 13.

[2] Э. Генкина. Борьба за Царицын в 1918 году, стр. 95 Госполитиздат. 1940.

[3] «Бакинский рабочий» от 15 мая 1918 года.

Преодолевая неимоверные трудности, отряд восстанавливал пути, с боями продвигаясь к Гудермесу. Особенно большое затруднение вызвало восстановление железнодорожного моста около Герзель-аула, где отряд был встречен артиллерийским огнем со стороны чеченцев, которые оказывали бешеное сопротивление отряду, выполнявшему сталинское задание.

В завязавшихся боях главные силы противника, расположенные в Герзель-ауле, и два прилегающих к нему аула были разгромлены и рассеяны. Преодолевая все возрастающее сопротивление неприятеля и восстанавливая железнодорожные линии, отряд продвинулся за Исти-Су, в четырех километрах от Гудермеса. Здесь отряд был встречен интенсивным артиллерийским огнем.

Несмотря на бешеное сопротивление контрреволюционной банды из чеченцев и белоказаков, советскому отряду Дагестанского ревкома удалось в июне расчистить путь до Гудермеса, а затем до Кизляра и оказать помощь строительству Кизляро-Брянской железнодорожной ветки [1] и Шендриковской пристани, через которые отправлялись продовольственные грузы на Баку.

Перед свободной Дагестанской советской республикой встал вопрос о формировании Красной Армии и о ликвидации многочисленных банд Гоцинского, Алиханова, Узун-Гаджи, Тарковского и других.

Большевики Дагестана выпустили воззвание к трудящимся Дагестана на кумыкском, русском и азербайджанском языках о создании Красной Армии Дагестана, призывали их вступить в ряды Красной Армии для разгрома контрреволюционных отрядов в горах Дагестана.

«Рабочие и крестьяне достигли долгожданной цели. Сегодня 22 мая 1918 года Совет Народных Комиссаров утвердил нашу свободную республику, — говорилось в воззвании. Нет места теперь среди нас кровопийцам-эксплоататорам. Отныне мы свободны от рабства богатеев и все трудящиеся в нашей республике равноправны. Мы освободились от ига господ-хозяев и сами стали хозяевами своей судьбы.

Товарищи рабочие и крестьяне! Нельзя остановиться на этом, ограничиться установлением свободы и самоопределения. Наши враги — богачи, беки, помещики и буржуазия — бешено злы на нас. Они готовы, как чудовища, подавить нашу свободу и раздавить нашу молодую Советскую республику.

Чтобы уничтожить силу чудовища и сохранить нашу молодую республику, нам необходимо сплотиться в военную силу. Быть военным и дать отпор врагам Советской республики — священный долг каждого трудящегося.

Наша партия, верная трудящимся, и комиссариат Дагестанской области призывают всех узденей, рабочих и крестьян записаться в

---

[1] Железнодорожная линия Кизляр—Астрахань была построена в 1942 году. Она сыграла большую роль в обороне подступов к Каспийскому морю и разгроме фашистско-немецких захватчиков на Северном Кавказе.

родную Красную Армию. Наша партия призывает всех трудящихся к борьбе за сохранение добытой кровью лучших из нас прав в этой революции.

Записывайтесь в ряды доблестной Красной революционной армии, товарищи рабочие и крестьяне! Все под флаг Красной Армии, который окрашен кровью жертвовавших собою за великую революцию»[1].

Гоцинский, потерпевший жестокое поражение под Порт-Петровском, вернулся в Аварский округ. Воззвание за воззванием направлялись во все аварские аулы. Гоцинский призывал горцев-мусульман к газавату («священной» войне) против «неверных», большевиков — «противников магометанской религии». Члены разогнанного Дагестанского буржуазного исполнительного комитета — полковники Пиралов и Карнаилов — в середине мая созвали в Гунибе съезд, на котором собрали всех бежавших главарей контрреволюции. На съезде деятельное участие принимали Гоцинский, Узун-Гаджи, ушедший после разгрома и сожжения Хасав-Юрта в горы, и белогвардейские офицеры Бурун и Лапкин. Контрреволюционеры ставили вопрос об организации общего наступления на Темир-Хан-Шуру. Командующим общим наступлением был назначен полковник Арацханов. Силы контрреволюции состояли из «ополчения» ранее трижды разбитого Гоцинского и Узун-Гаджи, сохранивших за собой самостоятельность действия, отрядов полковника Алиханова, который не считал себя обязанным подчиняться Арацханову, отрядов полковника Мусалаева, князей Тарковского, Капланова и других.

На центральном Араканском фронте при первых же стычках отряды Арацханова и Гоцинского стали терпеть поражения. По инициативе Гоцинского, Узун-Гаджи с большими отрядами и в окружении алимов неожиданно напал на Кумух. Он решил прямым путем через Казикумухский и Даргинский округа выйти к Дженгутаю на соединение с Гоцинским.

Лакский ревком в Кумухе не успел развернуть свою работу. В соседних аварских округах главари контрреволюции запугивали местное население. Окружной ревком своевременно не сумел разоружить и разбить вооруженных до зубов кулаков и крупных торговцев в самом Кумухе, ожидавших Гоцинского или Узуна из Аварии. Все это сказалось на деятельности Лакского ревкома.

250 партизан вынуждены были отступить перед белогвардейским отрядом в 2 000 человек. Окружной ревком ушел в подполье. Узун-Гаджи удалось захватить Кумух. Все большевики и сочувствующие им были арестованы. В Кумухе Узун восстановил Окружной милли-комитет. Из Кумуха Узун-Гаджи двинулся в Даргинский округ, чтобы соединиться с Гоцинским в районе Дженгутая. На границе Даргинского округа, около селения Цудахар,

---

[1] Газета «Ишчи-Халк» («Рабочий народ») от 22 мая 1918 года (на кумыкском языке). Темир-Хан-Шура.

Узун-Гаджи натолкнулся на сильное сопротивление даргинских красных партизан во главе с Карабудаковым и Богатыревым, поднявшими даргинскую бедноту против контрреволюции.

После неудачного наступления и отказа партизан от переговоров о перемирии Узун-Гаджи вынужден был вернуться в Аварский округ, куда прибыл еще раз разбитый «имам» Гоцинский.

На Хасав-Юртском направлении наступали отряды белоказачьих офицеров, кумыкских князей и чеченской контрреволюции. Со стороны Черкея отряды полковника Джафарова шли на соединение с белыми казаками, действовавшими в Хасав-Юртском округе [1]. Все остальные силы Арацханова действовали на дженгутайском направлении. Но большевики Дагестана искусно маневрировали имевшимися небольшими силами и громили банды белых в горах.

Военный комиссар Дагестанской советской республики Махач Дахадаев неустанно создавал новые и новые отряды Советской Красной Армии из трудящихся горцев и из русских рабочих и крестьян.

На центральном Араканском участке фронта Гоцинский, получивший в начале июня подкрепление от Узун-Гаджи после поражения Арацханова, решил еще раз выступить против советских отрядов. Гоцинский рассчитывал за два дня разгромить войска Дахадаева и штурмом занять Темир-Хан-Шуру.

Наступление Гоцинского вначале имело некоторый успех. Но когда Дахадаев укрепил фронт несколькими отрядами, вызванными из Чир-Юрта, успехам «имама» пришел конец. Удар красных частей был настолько чувствительным, что Гоцинский не в состоянии был больше самостоятельно сопротивляться большевистским отрядам.

По всему Дагестану стало известно о победе советских отрядов над многочисленными бандами в горах Северо-Западного Дагестана.

«Три фронта в данное время очищены от сил противника, — писала газета. — Только на высотах Караная держатся банды, которые прикрывают контрреволюционные Гимры от нашего разгрома. Двухдневный бой на Араканском фронте дал блестящие результаты. Отбито три орудия, весь обоз, 80 пленных солдат и два офицера. Многочисленные банды были фактически разгромлены и рассеяны. В пятницу 1-й Дагестанский советский конный полк ночевал в Дженгутае и в субботу в 3 часа пополудни с трофеями вошел в город» [2].

Несмотря на ряд поражений, неоднократно битый «имам» пытался наступать то на одном, то на другом участке фронта. 8 июня Гоцинский занял аул Нижний Каранай и обложил население ау-

---

[1] Материалы секретариата главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», фонд VII тома, папка 3, дело 4, стр. 117.

[2] «Известия Темир-Хан-Шуринского Совета рабочих и крестьянских депутатов» от 7 июня 1918 года

ла большой контрибуцией. Все мужчины от 20 до 60 лет считались мобилизованными в его отряды. Уклонение от мобилизации квалифицировалось как измена мусульманству, и обвиняемый тут же расстреливался.

Дахадаев немедленно послал отряд для освобождения аула. Советский отряд наголову разбил «имама» Гоцинского, и он спасся бегством. «Отряд Наджмутдина до наших выстрелов не знал о нашем приходе, — писали красные бойцы, — сам Наджмутдин в одном лишь белье бросился бежать» [1].

В кровопролитных битвах за свободу трудящихся Дагестана, за родную для горцев Советскую власть многие из крестьян-горцев выдвинулись в талантливые командиры и полководцы.

После разгрома контрреволюционного отряда под Каранаем противник стал снова накапливать силы на центральном фронте. В 30 километрах от Темир-Хан-Шуры, около аула Верхний Дженгутай, против 3-тысячных банд стояли советские отряды, главным образом партизаны из Митаги-аула и другие бойцы-горцы. Командовал фронтом простой крестьянин-горец Мама-Гаджи Джаякаев [2].

Этот 65-летний старик, получивший почетное имя «большевик Мама-Гаджи», блестяще отбил все бешеные атаки противника. Белые банды Гоцинского и Арацханова и на этот раз потерпели жестокое поражение.

В середине июня Гоцинский с большими силами неожиданно появился в Чир-Юрте. Его поддерживали отряды князя Тарковского, полковника Мусалаева и других белых офицеров. Соединенные силы горцев и русских красногвардейцев разбили силы противника и значительно продвинулись в горы, к западу от Чир-Юрта. Советские войска предъявили контрреволюционно настроенным аулам условия мира: «первое — признание Советской власти и немедленная организация крестьянских Советов, второе — выдача всех беков и князей и контрреволюционеров, третье — сдача оружия» [3].

Благодаря помощи великого русского народа и заботам великих вождей Ленина и Сталина в июне 1918 г. контрреволюционные банды на Чир-юртско—Черкеевском участке фронта были разгромлены, и в 12 аулах Терской и Дагестанской областей у границы Сулака установилась Советская власть.

За один день, 15 июня, враг на этом участке потерял свыше 400 человек. Население этих аулов радостно встретило советских бойцов; 600 всадников добровольно вступили в ряды Красной Армии.

---

[1] «Ишчи-Халк» за 1918 год.

[2] «Бакинский рабочий» от 19 июня 1918 года.

[3] «Известия Порт-Петровского Совета рабочих и крестьянских депутатов» от 11 июня 1918 года.

В ожесточенных боях за Советскую власть в Дагестане кровью скрепилась великая дружба между горцами и русскими рабочими и крестьянами.

«Советские войска сражаются рядом с товарищами дагестанцами, — сообщил в Москву и в Баку председатель штаба военно-революционной обороны Авербух 15 июня 1918 г., — и последние бои кровью связали нас в борьбе за интернациональную народную власть» [1].

---

[1] «Бакинский рабочий» от 19 июня 1918 года.

Глава III

СГОВОР БУРЖУАЗНО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ ДАГЕСТАНА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА С ГЕРМАНО-ТУРЕЦКИМИ ИНТЕРВЕНТАМИ В 1918 ГОДУ

Вероломное нарушение Брестского мирного договора германо-турецкими империалистическими хищниками

Германский империализм издавна мечтал о создании «мировой империи», о завоевании, в частности, обширных земель на Востоке.

Для осуществления этих задач германский империализм развернул военную и дипломатическую подготовку. Подчинение себе Турции в планах германской военщины играло немалую роль.

Задолго еще до первой мировой войны империалистическая Германия всеми средствами добивалась сделать султанскую Турцию своим послушным вассалом. Производилось онемечивание турецкой армии. Правители Оттоманской Турецкой империи отдавали свою армию на воспитание прусским офицерам для «проникновения ее немецким военным духом», — как заявил великий визирь «Высокой Порты» Махмуд-Шевкет-паша. Быстрым темпом шло усиление германских капиталовложений в Турции. К 1914 г. германские капиталовложения в Турции составляли 33 проц. всех капиталовложений.

«Что касается нашей армии, — заявлял Махмуд-Шевкет-паша в 1913 г., — я думаю, нам следует без колебания принять у себя германскую систему. Дело в том, что вот уже 30 лет, как немецкие инструкторы работают в нашей армии, наш командный состав получил чисто немецкое воспитание... Ввиду этого я имею намерение пригласить сюда большую германскую военную миссию и, если это будет необходимо, назначу немецких генералов корпусными командирами. Придам каждой войсковой единице немецких офицеров и создадим, таким образом, образцовую армию. Для более наглядного обучения строевые и штабные офицеры остальных чисто турецких корпусов будут прикомандированы на время к корпусам, находящимся под командой немцев. В приглашенной мною германской миссии должны быть также специалисты по ре-

организации отдельных департаментов военного министерства, генерального штаба и военных училищ»[1].

Незадолго до первой империалистической войны турецкая правящая партия «Иттихад ве Таракки» («Единение и прогресс») окончательно превратилась в партию империалистическую и захватническую.

В 1914 г. в Турцию прибыла германская военная миссия во главе с генералом Лиманом фон Сандерсом. Вся власть в Турции в это время перешла в руки «младотурецкого триумвирата» в составе трех членов комитета партии «Иттихад ве Таракки»: председателя комитета, министра иностранных дел Талаат-бея, известного авантюриста, получившего при помощи немцев портфель военного министра, генерала Энвер-паши и известного панисламиста, пантюркиста, морского министра и военного губернатора Стамбула Джемаль-паши. Ни парламент, ни 70-летний султан Махмед не играли никакой видной роли в управлении страной. Германизировавшийся «триумвират» во главе с Энвером лихорадочно готовился к войне против России.

«Большая военная миссия» Лимана фон Сандерса занималась не столько военным обучением турецкой армии, сколько шпионской деятельностью на Кавказе и разрабатывала планы завоевания Кавказа, изгнания русских и англичан из Ирана и проникновения в Индию.

Для осуществления этой программы германский генеральный штаб прибрал к своим рукам Турцию, сделал ее плацдармом для наступления на Кавказ, Аравию и Египет. Через турецкую германофильскую клику немецкая военщина добилась в 1914 г. выступления Турции на стороне Германии. Немецкий генеральный штаб перед своим лакеем Энвер-пашой поставил задачу — завоевание Кавказа силами турок. Германские офицеры непосредственно руководили укреплением Дарданелл и Босфора и отправкой войск на Кавказ.

Для войны против России немецкие империалисты мобилизовали не только экономические и военные силы Турции, но идею пантюркизма и панисламизма. Главари «Иттихад ве Таракки» и высшие духовные чины Турции неоднократно обращались ко всем мусульманским народам с призывом «священной» войны против России и Англии. Особенное внимание уделялось распространению этих идей среди мусульманских народов на Кавказе, надеясь, что общность религии большинства народностей Кавказа и турок, сходство турецкого языка с языками некоторых народов Кавказа — азербайджанским, кумыкским, балкарским и татарским — все это будет способствовать успеху турок.

---

[1] Записки Джемаль-паши 1913—1919 гг. Изд. Зак. крайкома РКП(б). стр. 55—56. Тифлис. 1923.

Для пропаганды идей панисламизма и пантюркизма среди мусульманских народов Кавказа турки и их покровители — немецкие империалисты — широко использовали реакционную верхушку черкесских, чеченских, дагестанских и других беженцев, эмигрировавших в Турцию после Кавказской войны 1860 г. и восстания Чечни и Дагестана в 1878—1879 годах. По указанию немецких хозяев турецкое правительство способствовало еще перед войной, в 1913—1914 гг., возвращению на «родину», на Кавказ, этих «беженцев». Многие из них занимали в Турции видное положение в государственном аппарате и в командном составе турецкой армии. Приезд дагестанских беженцев на свою родину на «свидание» с оставшимися в горах родственниками, особенно из эмигрантских селений Алмала и Бурса, сопровождался созывом тайных совещаний в горах, где обсуждались вопросы об объявлении «джихада» («священной войны против неверных») — против России.

В Дагестане панисламистское и пантюркистское течение возглавили Наджмутдин Гоцинский, два раза побывавший в Турции до империалистической войны, и Узун-Гаджи Салтинский.

Пантюркистское движение широко было использовано азербайджанскими муссаватистами, дагестанскими буржуазными националистами и буржуазно-националистическими лидерами народностей Северного Кавказа.

В 1913—1914 гг., во время «писарского движения» [1] в горах Дагестана панисламисты и пантюркисты, принимавшие в этом движении активное участие, пытались использовать горскую массу для своих целей, для внедрения среди широких слоев горцев-мусульман ненависти ко всему русскому и симпатий к магометанской Турции. Однако широкая масса горцев одинаково отрицательно относилась и к «неверному» русскому царю и к «верному» исламистскому султану Турции. Восстание не имело во многих округах Дагестана никакого распространения и вскоре было подавлено. Одной из причин подавления восстания послужило то, что горцы, начавшие выступление против областных и окружных вновь назначенных царских администраторов, вскоре перестали поддерживать лидеров панисламизма и пантюркизма, которые хотели использовать это движение в своих целях.

Кроме указанных мероприятий для ведения войны на Кавказском фронте, немцы накануне империалистической войны 1914 г. посылали различных «специалистов» на Кавказ для организации там диверсионных актов. Глава германской военной миссии в Турции Лиман фон Сандерс проектировал взрыв ряда железнодорожных мостов в Закавказье, восстание абхазцев и аджарцев против

---

[1] Для введения более интенсивной колонизаторской политики царский наместник отменил делопроизводство на арабском языке и назначал вплоть до сельских канцелярий русских писарей. Горцы Дагестана восстали против этого. Это восстание приняло название «писарское движение».

России и массовое отравление солдат вином с помощью немецких фирм, выполнявших заказы русского командования по поставке вина.

Особенно усиливали немецкие империалисты выступление Турции против России после провала плана «молниеносной войны» Шлиффена. Германские войска потерпели поражение на Марне. Нужно было отвлечь часть русской армии с Восточного фронта.

С помощью Энвера немцы провели в Черное море военные корабли «Гебен», «Бреслау» и несколько подводных лодок. Их присутствие в турецких водах оказало реальное давление на колеблющуюся часть турецких правящих кругов.

В план покорения Кавказа немецкие генералы включили такие конкретные задания, как завоевание Иранского Азербайджана, всего Закавказья, Баку, Дагестана, Крыма и даже Туркестана. Немецкий холоп Энвер-паша принял на себя главное командование Кавказской турецкой армией, где почти во всех корпусах и дивизиях командовали немецкие офицеры. За спиной Энвер-паши стоял немецкий генерал-лейтенант Бронсарт фон Шелендорф, начальник штаба Восточной армии, по чьей указке действовала Кавказская турецкая армия.

2 августа 1914 г. в Стамбуле тайно был подписан договор о присоединении Турции к Германии в ее борьбе против России на Кавказском фронте[1]. В середине октября 1914 г. Германия передала Турции несколько миллионов лир.

29 октября немецкие военные корабли «Гебен» и «Бреслау» начали бомбардировку русских городов Феодосии, Одессы и Новороссийска. В конце ноября 1914 г. войска Энвер-паши прошли по Турецкой Армении и вторглись в пределы Кавказского края. Германский генеральный штаб, обрадованный «успехом» Энвера, уже предвкушал «молниеносное» завоевание Кавказа.

Это торжество немцев продолжалось, однако, недолго. 24 декабря 1914 г. в сражениях под Саракамышем 3-я турецкая армия — оплот немецких планов — была разгромлена русскими войсками. Весь 9-й корпус этой армии попал в плен. В результате горячих боев из 90 тыс. турецких аскеров в пределы Турции вернулось всего лишь 12 тыс. человек, а остальные частью были перебиты, частью — взяты в плен.

Так, бездарный военный руководитель Оттоманской империи потерял за несколько дней около 80 тыс. кадровых солдат ради дружбы с кайзеровскими империалистическими хищниками. Не спасли положения турецкой армии ни немецкая муштровка, ни таланты отборных немецких генералов Лимана фон Сандерса, фон дер Гольца, фон Кресса и других. Не помогла и агитация кавказ-

[1] «Исторический журнал» № 1—2 за 1942 год, стр. 16

ских панисламистов и пантюркистов, не обеспечивших победу «своей единоверной» Турции в этой войне.

Оттоманская империя и ее хозяин — Германия — не могли восстановить положение на фронте почти до 1918 года. До заключения Брестского мира русские войска стояли в Эрзеруме, Трапезунде и Эрзинджане.

В первый же день победы Великой Октябрьской социалистической революции Советская власть предложила всем воюющим странам немедленно приступить к заключению демократического мира. 14 ноября 1917 г. германская военщина дала согласие на мирные переговоры, одновременно готовясь к решительному штурму против молодой, тогда еще очень слабой Советской власти в России. 2 декабря было заключено перемирие на 28 дней.

Восточный вассал Германии — Турция — также приступил к заключению предварительного перемирия на Кавказском театре войны.

5 декабря 1917 г. в городе Эрзинджане было заключено предварительное перемирие Советской России с Турцией.

«В целях скорейшего достижения почетного для обеих воюющих сторон мира, — говорилось в договоре, — между турецкими и русскими армиями, действующими на Кавказско-Турецком театре войны, заключается следующий договор о прекращении военных действий:

1) Настоящий договор является обязательным для обеих сторон с 1-го часу 5 декабря старого стиля (18 декабря 1333 года по турецкому исчислению) до заключения окончательного мира.

Нарушение настоящего договора одной из сторон может последовать лишь с предупреждением за четырнадцать (14) суток до начала боевых действий.

Немедленно по вступлении настоящего договора в силу на всех участках Кавказско-Турецкого фронта прекращаются всякие враждебные действия с обеих сторон»[1].

Договор был подписан начальником штаба Кавказской армии генерал-майором Вышинским и командующим 3-й турецкой действующей армией Вехиб-пашой.

В Брест-Литовске начались переговоры о заключении мира, в которых участвовал и представитель Турции, министр иностранных дел Оттоманской империи Талаат-бей. Переговоры затянулись надолго. Немецкие условия были невыносимо тяжелы. Однако заключение мира с Германией было необходимо для молодой Советской республики.

По вине предателя народа Троцкого, не выполнившего указаний ЦК большевиков и Советского правительства и отказавшегося

---

[1] Государственный архив Октябрьской революции МВД Грузинской ССР, фонд 34-с, дело 1, листы 1—3.

подписать мир, немецкая армия, начав наступление, получила возможность захватить огромную территорию Советской России и начала наступление против колыбели революции — Петрограда. 21 февраля В. И. Ленин объявил социалистическое отечество в опасности.

По призыву партии Ленина — Сталина, трудящиеся всюду организовывали отряды Красной Армии. 23 февраля 1918 г. под Псковом и Нарвой молодая советская революционная Красная Армия разбила передовые части озверелых немцев и преградила им путь на революционный Петроград.

День организации отпора немецким империалистам — 23 февраля 1918 г. — стал днем рождения Советской Армии. Удар молодой Красной Армии был весьма чувствительным. Он заставил завоевателей согласиться возобновить прерванные мирные переговоры.

3 марта советская делегация подписала крайне тяжелый для Советской страны мир с Германией.

Закавказские национальные Советы и буржуазно-националистические круги, не признавшие Советской власти, отказывались признавать Брестский мир, заключенный Советским правительством. Это было выгодно империалистической Германии, так как давало ей возможность прибрать к своим рукам Кавказ. Следуя примеру предателей из Украинской рады, главари кавказских националистов начали самостоятельные переговоры с Германией и Турцией от имени Закавказья.

Эрзинджанское перемирие от 5 декабря 1917 г. было подписано от имени «независимого» закавказского правительства. Поэтому турецкое правительство специальной нотой потребовало от закавказских правителей разъяснения степени независимости Закавказья, сообщений условий мира. Закавказский комиссариат, надеявшийся на благополучный исход российского Учредительного собрания, задерживал ответ на ноту Энвер-паши. Но Учредительное собрание как орган, выступивший против народа, было распущено. Поэтому 27 (14) января на заседании Закавказского комиссариата было решено: «Для составления ответа по существу турецкого предложения пригласить в Тифлис к 29 января делегатов от Юго-Восточного Союза и Украины»[1].

Задержка ответа на ноту турецкого правительства со стороны Закавказского комиссариата дала повод к наступлению турецких войск на Кавказском фронте. 3-я турецкая армия стала вытеснять русскую армию из Ардагана, Карса, Эрзинджана и подходила к Батуму.

19 (6) февраля 1918 г. глава Закавказского комиссариата Гегечкори направил командующему 3-й турецкой армией генералу Вехиб-паше следующую телеграмму:

---

[1] Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Сборник, стр. 29. Тифлис. 1919.

«В настоящее время Закавказское правительство готово приступить к переговорам о мире, причем основные директивы и условия мира будут выработаны Закавказским сеймом как представительным органом всего Закавказья, имеющим собраться в Тифлисе 23 (10) февраля» [1].

Закавказский комиссариат просил Турцию о выделении уполномоченных для ведения переговоров о месте, времени и условиях встречи делегации.

Германо-турецкие империалисты были заинтересованы в выделении Закавказья из состава Российской советской республики. Они готовились к оккупации Закавказья и организации интервенции против Российской советской республики на Кавказе под видом защиты «независимого» Закавказья. Поэтому турецкое правительство, по указке германского генштаба (23 февраля), дало ответную телеграмму председателю Закавказского комиссариата, где говорилось: «Состав уполномоченных делегатов для взаимной разработки предварительных условий, могущих служить основанием для окончательных мирных переговоров и для признания Закавказского правительства (разрядка моя. — **Н. Э.**), готов к выезду из Константинополя в Тифлис» [2].

В Закавказский сейм входили не только представители закавказских помещиков и буржуазии, грузинских меньшевиков, азербайджанских муссаватистов и армянских дашнаков, но также и представители северокавказских буржуазно-национальных Советов и комитетов: от дагестанских муссаватистов — доктор Султанов, от дагестанских меньшевиков бывший председатель Закавказского мусульманского комитета Гайдаров, от «мусульманского социалистического блока» — осетин Кантемиров, от мусульманских «иттихадистов» — Магомед-бек и другие.

Закавказский сейм на своем десятом заседании 23 февраля 1918 г. вынес решение об образовании закавказского правительства. Политическая физиономия этого нового правительства обусловливалась словами председателя сейма Н. Чхеидзе, который заявил:

«Деятельность будущего правительства должна иметь платформы фракций меньшевиков» [3].

Созданное правительство Закавказья приступило к практическому осуществлению переговоров о мире с Турцией и, определив местом этих переговоров г. Трапезунд, решило 2 марта послать туда свою делегацию во главе с меньшевистским лидером А. Чхенкели.

Заключение Брестского мира не приостановило наступления турецкого империализма на Кавказ. Формально признавая Брест-

---

[1] Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии, стр. 60.

[2] Там же, стр. 62.

[3] Закавказский сейм. Стенографический отчет заседаний сейма. Заседание 10-е, стр. 2.

ский мир, турецкая военщина, подогреваемая своими хозяевами из Германии, продолжала переговоры с меньшевистско-буржуазно-националистическими главарями Закавказья.

Турецкая делегация, возглавляемая Рауф-беем, не спешила встретиться с делегацией Закавказского сейма в Трапезунде, и только 11 марта состоялось свидание договаривающихся сторон.

13 марта состоялось открытие Трапезундской «мирной конференции»[1]. На шести заседаниях и двух частных совещаниях выяснились «дружественные» намерения германо-турецких империалистов. Председатель турецкой делегации упорно настаивал, во-первых, на немедленной сдаче крепостей Ардагана, Карса и Батума; во-вторых, чтобы образование Закавказской республики соответствовало принципам международного права и было признано со стороны всеми другими державами[2].

Таким образом, турецкое правительство предложило закавказскому «правительству» признать право Турции на Карс, Ардаган и Батум и предлагало меньшевикам Закавказья официально обратиться к Германии, Австрии, Болгарии, Турции о признании «независимости» Закавказья и с просьбой об оказании военной поддержки ему против большевистской России.

Пока в Трапезунде шли переговоры, турецкая военщина захватила города Карс, Ардаган и Эрзинджан и начала наступать на Батум. Трапезунд, где проходила «мирная конференция», стал глубоким тылом турецкой наступающей армии.

На Трапезундской конференции продолжались бесплодные переговоры. В то же время на заседаниях Закавказского сейма происходили бесконечные споры вокруг признания Брестского мира и «независимости» Закавказья.

12 апреля командующий Турецким фронтом предъявил ультиматум — в 24 часа очистить Батум и сдать его турецким войскам[3]. Министр иностранных дел закавказского правительства и председатель закавказской делегации Чхенкели дал на это свое согласие. Закавказский сейм отозвал свою делегацию из Трапезунда. 22 апреля на заседании сейма с участием представителей всех фракций буржуазно-националистических партий — меньшевиков, муссаватистов, дашнаков, «мусульманского социалистического блока», меньшевистской группы «Гуммет»[4], «Иттихад», социал-федералистов и национал-демократов и представителей буржуазных националистов Северного Кавказа и Дагестана — было решено объявить Закавказье «независимым», просить правительство Четверного союза о признании этой «независимости» и

---

[1] Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии, стр. 108.

[2] Там же, стр. 109.

[3] Там же, стр. 145.

[4] Тифлисская группа «Гуммет» в отличие от бакинской большевистской группы «Гуммет» стояла на меньшевистской платформе.

возобновить переговоры с Турцией о мире [1]. Новым местом для переговоров был назначен город Батум, оккупированный турецкой армией.

Дагестанская и северокавказская буржуазия, буржуазно-националистические лидеры еще в марте 1918 г. убедились в своем бессилии бороться с триумфальным ходом Октябрьской революции и Советской власти и решили искать поддержки извне.

Представители буржуазно-националистических элементов Северного Кавказа и Дагестана всячески искали возможности отделиться от Советской России. Многие буржуазно-националистические представители Северного Кавказа и особенно Дагестана видели спасение своего господствующего положения в присоединении к «независимому» Закавказью.

Выступая на том же заседании, 22 апреля 1918 г., по вопросу об объявлении «независимости» Закавказья, представитель «Республики Северного Кавказа», член сейма, член мусульманского социалистического блока А. Кантемиров с пеной у рта кричал: «Я хотел здесь указать на то, что в будущем ориентироваться на Россию нам не приходится... поэтому фракция, которую я представляю, присоединяется также к тому мнению, что Закавказье и даже Кавказ должны быть независимыми; мы не сомневаемся, что к идее независимости присоединятся Дагестан и Северный Кавказ. Мы должны отмежеваться от посягательств на свободу и с оружием в руках защищать свою независимость» [2].

Выступая по этому же вопросу, другой представитель Дагестана — Магомед-бек на заседании сейма 22 апреля заявил: «До последнего момента Дагестан всегда мыслился в сфере влияния Закавказья и в области правления административного и в области правления народного просвещения; во всех этих областях управления Дагестан числился в Закавказье... мы глубоко убеждены, что Закавказский сейм при решении вопроса о независимости Закавказья непременно будет мыслить, что Дагестан входит в состав Закавказья и в будущей концепции, как материальный субстрат, непременно будет входить и территория Дагестана. Вот почему я, как представитель партии «Иттихад», вполне присоединяюсь к высказанному мнению о независимости Закавказья» [3].

Центральный комитет Союза горцев, входивший формально в состав Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, командировал в Тифлис делегацию для установления тесной связи с Закавказским сеймом. Делегация должна была затем просить поддержки Турции и через нее — Германии против Советской власти. Добившись признания Союза

---

[1] Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии, стр. 145.

[2] Закавказский сейм. Стенографический отчет заседаний сейма. Заседание 22-е, стр. 38—39.

[3] Там же, стр. 39.

объединенных горцев Дагестана и Северного Кавказа Закавказским сеймом, делегация отправилась в Стамбул на поклон к турецким империалистам. Турецкая правящая верхушка заверила главу делегации Бамматова, что она поддержит отделение Дагестана и Северного Кавказа от Советской России и их «независимость».

Еще в середине апреля 1918 г. дагестанские областные «милли» и исполнительные комитеты — последние оплоты контрреволюции на Северном Кавказе, цеплявшиеся за Темир-Хан-Шуру, — потерпели полное поражение. Решительные удары советских красногвардейцев Порт-Петровского ревкома рассеяли последние надежды помещичье-клерикальной знати и буржуазии на возврат к старому. Члены ЦК Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана быстро перекочевали в Грузию, под крылышко меньшевистского Закавказского сейма. Горская делегация в Стамбуле, получив весть о поражении своих собратьев в Дагестане, стала просить Энвер-пашу и германский штаб в Турции об ускорении помощи «горскому народу» против «большевистских притеснений». Убежавшие в Грузию представители дагестанской и северокавказской контрреволюции по дороге, еще до приезда в Тифлис наспех состряпали обращение к державам Четверного союза о признании ими «независимости» так называемой «горской республики» на Северном Кавказе, куда входил и Дагестан.

28 апреля 1918 г. главнокомандующий Кавказским фронтом Вехиб-Махмуд-паша телеграфировал на имя председателя закавказского правительства:

«1. Императорское оттоманское правительство признало независимость закавказского правительства и сообщило об этом своим союзникам.

2. Оттоманская делегация выедет через несколько дней из Константинополя. Его превосходительство министр юстиции Халилбей и я принимаем участие в императорской делегации.

3. Сообразно с Вашим желанием императорское правительство принимает Батум в качестве места переговоров.

4. Северный Кавказ объявил свою независимость и нотифицировал ее перед императорским правительством и другими державами. Делегаты Северного Кавказа, находящиеся в Константинополе, выедут в Батум вместе с Оттоманской делегацией и предпримут шаги к объединению их страны с Закавказьем» [1].

Таким образом, почва для наступления не только в Закавказье, но и на Дагестан и Северный Кавказ была подготовлена совместным сговором буржуазно-националистических предателей Кавказа с германо-турецкими интервентами.

9 мая 1918 г., по ходатайству Гайдара Бамматова — представителя «правительства Северного Кавказа и Дагестана», — были

[1] Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии, стр. 253.

допущены к участию в Батумской конференции «члены правительства туземных народов Северного Кавказа и Дагестана... а именно: Зубаир Темирханов, Абдулмеджид (Тапа) Чермоев, Гайдар Бамматов и представитель правительства при Закавказье член сейма Али-хан Кантемиров» [1].

Немецкие империалистические хищники быстро нашли общий язык с буржуазно-националистической контрреволюцией Дагестана и Северного Кавказа. Немецкий генерал фон Лоссов, специально командированный на Кавказ, поставил в Батуме вопрос об образовании правительства Северного Кавказа и Дагестана с последующим признанием его Четверным союзом.

«Если было бы установлено, что эти представители (речь идет о представителях контрреволюции, убежавших из Северного Кавказа и Дагестана, где установилась Советская власть. — **Н. Э.**) не в состоянии доказать, — говорил фон Лоссов, — что они представляют правительство или группу правительств, правильно организованных, они не могут по мнению моему участвовать в переговорах иначе как в качестве сторонних лиц до тех пор, пока они не докажут, что выше изъясненные условия выполнены, т. е. что государство или союз государств образовался на Северном Кавказе, что он объявил свою независимость и что он просит о признании со стороны правительств, собравшихся здесь на конференцию» [2].

Враги народа — буржуазные националисты, изгнанные своим же народом из Дагестана и Северного Кавказа, — обосновывали юридическую законность самостоятельности «республики объединенных горцев» и выхода из РСФСР тем, что «Союз горцев Кавказа» образовался еще в мае — сентябре 1917 г., а Юго-Восточный союз горцев Кавказа, казачьих войск и вольных народов степей, куда входил и Дагестан, — за 4 дня до победы Октябрьской социалистической революции.

«...Накануне победы Октябрьской революции, свергшей правительство Керенского, связанные с этим правительством кучки авантюристов собрались, оказывается, во Владикавказе, объявили себя «полномочными» правительствами, а юг России — отделенным от последней, причем они не потрудились даже спросить согласия на то населения. Конечно, в свободной стране, вроде России, никому не возбраняется предаваться сепаратистским мечтаниям, причем легко понять, что за авантюристскими заявлениями мечтателей, с которыми ни на иоту не связаны народы юга России, Советская власть не могла и не должна была гнаться. Мы не сомневаемся, что если бы Германия предоставила гражданам такую же свободу, какой пользуются ныне в России, то Познань, Эльзас-Лотарингия, Польша, Курляндия, Эстляндия и пр.

---

[1] Государственный архив Октябрьской революции МВД Грузинской ССР, фонд 13, дело 99, лист 25.

[2] Там же, лист 28.

покрылись бы сетью национальных правительств, имеющих гораздо больше оснований называться правительствами, чем изгнанные своими же народами и находящиеся теперь в эмиграции Богаевские и Красновы, Бамматовы и Чермоевы...

Такова картина возникновения мифических «правительств» юга России»[1].

Образование правительства республики горцев Кавказа в Тифлисе — «горского правительства»

Буржуазно-националистические враги народа, разбитые и изгнанные из пределов Северного Кавказа и Дагестана, наспех восстановили в двух номерах тифлисской гостиницы «Ориант» деятельность давно забытого ими же самими «правительства» — Центрального комитета Союза объединенных горцев Кавказа. Это эмигрантское «правительство» почти в прежнем составе, слегка переименовавшись, выступило на Батумской конференции от имени дагестанцев, осетин, кабардинцев, черкесов и других народов Северного Кавказа, которые установили у себя Советскую власть и изгнали чермоевых, бамматовых, кантемировых, коцевых и других, пытавшихся продать Северный Кавказ и Дагестан немецко-турецким империалистам.

Совет народных комиссаров РСФСР в своем ответе на наглое обращение германского правительства, требовавшего признания Советским правительством «независимости» Закавказья и отторжения его от России, 15 мая 1918 г. вручил германскому дипломатическому представителю в Москве графу Мирбаху ноту протеста, в которой говорилось:

«Народный Комиссариат считает своим долгом указать на то, что во многих местах Закавказья власть так называемого Закавказского правительства отрицается вовсе и в Закавказье вообще против него высказываются широкие народные массы. В Тифлисской и Кутаисской губерниях селением выносится ряд протестов против отделения от России: в Сухуме, Поти, Кутаисе, Гори, Тифлисе, Душете и пр. городах и местечках на громадных митингах вносятся резолюции, обвиняющие Сейм в узурпации, и настоятельно требуют референдума. Армянские города и деревни с еще большей настойчивостью требуют референдума, настаивая на уходе своих делегатов из Сейма.

Многие грузинские и армянские делегаты из Сейма ушли. Баку объявил кучку сеймовцев узурпаторами; в таком же смысле высказались Ленкорань, Алят, Дербент, Петровск, Аджи-Кабул, Кюрдемир»[2].

Германо-турецкие интервенты в осуществлении своих грабительских планов на Кавказе не останавливались ни перед чем.

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 106—107.

[2] Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии, стр. 291—292.

Немецкие войска полностью оккупировали Грузию. Немецкие и турецкие войска дошли до северной и восточной границ Грузии. Грузинское меньшевистское правительство торжественно заявило главе германской «мирной» делегации генералу фон Лоссову, что оно готово «...принять соответствующие мероприятия, чтобы германские войска продолжали свой путь на Северный Кавказ и настолько приблизились к границам Грузии, чтобы можно было с ним заключить контакт и обеспечить Грузию от опасности извне»[1].

28 мая 1918 г. германский генерал фон Лоссов подписал соглашение с грузинскими меньшевиками, по которому германские войска допускались к беспрепятственному пользованию железными дорогами Грузии[2]. Вместе с тем турецко-германская военщина добилась беспрепятственного пользования железными дорогами — якобы из-за необходимости переброски войск в Северный Иран для борьбы против «английской опасности» от азербайджанского муссаватистского правительства, образовавшегося в Елизаветполе (ныне Кировабаде).

Все предприятия, находившиеся на территории меньшевистско-муссаватистско-дашнакского правительства, перешли под контроль германских империалистов. Германскими и союзными с ними турецкими империалистами была осуществлена на деле полная оккупация Грузии, Армении, Елизаветпольской губернии, Азербайджана.

Германия создала специальные «имперские комиссии» для выкачивания из Закавказья марганца, меди, хлеба, скота и других богатств.

Немецким империалистическим хищникам представилась возможность вплотную подойти к советским районам — Азербайджану, Дагестану, Терской, Кубанской областям.

Под видом «защиты прав горского правительства» они хотели оккупировать весь Кавказ и вооружить для борьбы с Советской властью юго-восточную контрреволюцию. Это дало бы возможность кайзеровским империалистам объединиться с атаманом Красновым, Украинской радой, привлечь уральское казачество, войска Дутова, а затем двигаться в Туркестан.

Для осуществления этого обширного плана германское правительство признало «правительство Союза горцев Кавказа». Допустив участие представителей этого правительства в Батумской конференции, германское правительство поставило через своего посла в Москве графа Мирбаха официально перед правительством Российской Советской Федеративной Социалистической Республики вопрос о признании «независимости» и отделении Северного Кавказа и Дагестана от России.

---

[1] Г. В. Хачапуридзе. Борьба за пролетарскую революцию в Грузии, стр. 129. Тбилиси. 1936.

[2] Там же, стр. 132

Советское правительство еще 16 мая 1918 г. заявило в своем решительном протесте следующее:

«По поводу переданной вчера Народному Комиссариату по иностранным делам германским дипломатическим представителем радиограммы, заключающей в себе заявление так называемого правительства союза горцев Кавказа о том, что этот союз объявил себя самостоятельным государством, простирающимся от Черного моря до Каспийского моря, Народный Комиссариат считает долгом указать, что народы и племена Черноморского побережья, Кубани, Терека и Дагестана давно уже высказались на своих демократических организационных съездах за неразрывную связь с Российской федерацией. Против попытки небольшой кучки попрать волю широких слоев своего народа, а также узурпации власти этой кучкой, Российская советская власть будет выступать самым решительным образом»[1].

Свободолюбивые народы Азербайджана, Армении, Грузии, Дагестана и Северного Кавказа еще задолго до этого заклеймили предательскую и опасную игру закавказских меньшевиков, дашнаков, муссаватистов и северокавказских буржуазных националистов, продавшихся германо-турецким империалистическим хищникам и незаконно объявивших себя «представителями народов».

Еще 18 января 1918 г. в Баку, в районе Балаханы, состоялось собрание рабочих всех национальностей, работавших на промыслах нефтепромышленников мирзоевых, а также на соседних промыслах. Собрание происходило под руководством товарища Микояна и рабочего-лезгинца — большевика Муктадира Айдинбекова (Маленького Мамеда). Рабочие — азербайджанцы, армяне, грузины, дагестанцы и русские, — объявив свой категорический протест против контрреволюционно-предательской политики закавказских социал-предателей, заявили:

«Мы, рабочие промыслов Мирзоевых и соседних фирм, заслушав доклады тт. Микояна на русском и армянском языке, Муктадира на лезгинском языке о создавшемся положении на Кавказе и задачах интернационального пролетариата у нас, всей душой протестуем против всей шовинистической, по существу контрреволюционной политики Закавказского комиссариата, требуем немедленного роспуска его и передачи всей власти во всем крае Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые должны подчиниться и работать рука об руку с Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов и немедленно проводить в жизнь декреты Совета Народных Комиссаров.

Протестуя против шовинистической политики кавказских правящих партий, обостряющих национальные отношения и распыляющих силы революционной демократии на Кавказе, громогласно

[1] Государственный архив Октябрьской революции МВД Грузинской ССР, фонд 13, дело 4, лист 36.

заявляем, что мы, рабочие — мусульмане, лезгины, грузины, армяне, русские, — мы все братья. Мы не поддадимся провокации имущих классов и националистов и не подымем своей руки против друг друга»[1].

Расчищая немецким оккупантам путь к Советскому Баку, этому источнику нефтяного богатства молодой Советской республики, турецкая агентура — азербайджанские муссаватисты — еще в марте 1918 г. подняла мятеж против Советской власти в Баку. Этот мятеж был подготовлен по указке германо-турецких империалистов, начавших наступление на Советский Азербайджан. Но бакинский интернациональный пролетариат понимал, что «...заговор муссавата, вооруженный набег муссаватистов — не простая авантюра, не случайная «ошибка» и не забава... это определенный курс и план, это открытый, наглый набег на революционную Россию, открытое выявление планов германо-турецкого штаба»[2]. В мартовских боях мятежники были разбиты, и контрреволюционный мятеж муссаватистов был ликвидирован.

Трудящиеся Северного Кавказа и Дагестана под руководством партии большевиков организовали массовые митинги протеста против предателей, выступавших под крылышком германо-турецких интервентов. С оружием в руках и с помощью великого русского народа трудящиеся Северного Кавказа и Дагестана выступили против «правительств» Союза горцев Кавказа и Юго-Восточного союза, терско-дагестанского «правительства» и национальных контрреволюционных советов Чечни, Ингушетии, Осетии и Дагестана.

Терский народный совет 9 мая 1918 г. вынес протест против действий самозванцев.

«Терскому народному Совету из телеграмм стало известно, будто делегаты Северного Кавказа, находящиеся в Константинополе, объявили независимость Северного Кавказа и нотифицировали ее перед императорским турецким правительством и другими державами.

Терский народный Совет в составе фракций: чеченской, кабардинской, осетинской, ингушской, казачьей и иногородней удостоверяет, что народы Терского края никогда, никого и никуда для указанной выше цели не делегировали, что если отдельные лица, находящиеся ныне в Константинополе, выдают себя за делегатов народов Терского края и действуют от имени этих народов, то это является с их стороны не чем иным, как самозванством и авантюрой.

Терский народный Совет выражает свое удивление политической близорукости и наивности турецкого правительства, которое могли ввести в заблуждение проходимцы.

---

[1] «Бакинский рабочий» от 21 января 1918 года.

[2] «Бюллетень Комитета революционной обороны Баку и его районов» № 3 от 24 марта 1918 года.

Терский народный Совет в составе перечисленных фракций заявляет, что народы Терского края составляют неотъемлемую часть Российской Федеративной Республики.

Терский народный Совет протестует против втягивания Северного Кавказа закавказским правительством в акт объявления независимости Закавказья» [1].

Трудящиеся горцы Северного Кавказа и Дагестана, руководимые большевистской партией, с помощью героического русского пролетариата установившие у себя Советскую власть, убеждались, что подлинное самоопределение и окончательное освобождение от вековых угнетателей они могут получить только лишь в составе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Это было прекрасно выражено в словах одного из руководителей горской бедноты — Асланбека Шарипова, приведенных в работе И. В. Сталина «О Донщине и Северном Кавказе»:

«Благодаря великой русской революции мы получили ту прекрасную свободу, за которую столетия бились наши предки и кидались на штыки побежденные. Теперь, когда мы получили гарантию права на самоопределение, это право народ никогда никому не отдаст» [2].

Трудящиеся Дагестана, объявившие смертельную войну остаткам банд бывшего Союза горцев и дагестанских белогвардейцев в горах Дагестана, обратились к центральному Советскому правительству об утверждении Советской республики Дагестана и включении ее в состав Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

22 мая 1918 г. Совет народных комиссаров утвердил Советскую свободную республику Дагестана, и Дагестан навсегда вошел в состав РСФСР [3].

Буржуазно-националистические предатели Северного Кавказа и Дагестана и азербайджанские муссаватисты задолго до Батумской конференции вели переговоры с турецкими империалистами. Они заявляли Турции о «готовности» мусульманских народов Кавказа принять подданство единоверной Турции и требовали помощи против большевистской власти, утвердившейся в Бакинской губернии, Дагестанской и Терской областях.

Германо-турецкие империалисты руками азербайджанских муссаватистов, грузинских меньшевиков, буржуазно-националистических элементов Северного Кавказа и Дагестана стали осуществлять свои планы раздела территории Кавказа. Об этом разделе Кавказа германо-турецкие захватчики проболтались в своей печати. В турецкой газете «Ати» часто опубликовывались статьи, в которых заявлялось, что Черное море должно стать турецким внутренним морем, а прибрежные государства должны находиться под протекторатом Оттоманской империи. Зная, что за Турцией

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 112—113.
[2] Там же, стр. 114.
[3] «Ишчи-Халк» от 22 мая 1918 года.

стоит более сильная Германия, и учитывая, что к Кавказу проявляет также интерес и союзническое австро-венгерское королевство, «Ати» часто подчеркивала, что в качестве главы государства в Азербайджане намечается турецкий паша, в Грузии — германский принц, в Армении — австрийский эрцгерцог.

Глава германской военной миссии на Кавказе генерал фон Кресс и глава дипломатической миссии Шулленбург старались подготовить почву для «мирного» отделения Северного Кавказа от Советской России. Но, с одной стороны, наличие Брестского мирного договора, против нарушения которого Германией Советское правительство неоднократно протестовало, а с другой стороны, неуверенность в казачестве Северного Кавказа заставили немцев быть сдержанными в решении этого вопроса. Немцы оккупировали Донскую область. Атаманом был поставлен наемный агент генерал Краснов. Немцы рассчитывали с помощью контрреволюционной казачьей верхушки Кубани и Терека стать хозяевами на Северном Кавказе. Но эти верхи имели тяготение к Алексееву и Деникину. Противоречия между горскими народами и казачеством, то обстоятельство, что верхушка горцев продалась Оттоманской Турции, осложняли вооруженное вмешательство немцев в дела Северного Кавказа и Дагестана. Вот по этой причине активная помощь Турции эмигрантскому горскому правительству не нашла открытой поддержки со стороны германских оккупантов в Закавказье. Кроме того, были особые противоречия между турецкими и германскими оккупантами по вопросу экономического освоения завоеванной территории на Кавказе.

Турки имели свои захватнические цели, помимо общих с немцами военных целей. Турки до некоторой степени мешали немцам безраздельно грабить богатства Кавказа. Немцы считали, что турецкая армия на Кавказе должна целиком подчиняться германскому генеральному штабу и содействовать выполнению их планов, прежде всего в вывозе нефти, скота, руды, леса, хлеба, хлопка в Германию. В обязанность турецкой армии, по плану немцев, входило лишь установление порядка и очищение пути на Баку, Северный Кавказ и в Иран. Поэтому германский генерал-квартирмейстер Людендорф с особым раздражением писал в своих воспоминаниях:

«Я одобрительно относился к турецким мероприятиям, поскольку они отвечали интересам общего развития войны. Но они не должны были отвлекать Турцию от ее прямых военных задач или затруднять нам вывоз сырья с Кавказа, который, как мы ожидали, должен был дать нам существенное облегчение. Задачей Энвера являлась борьба с Англией, и прежде всего на палестинском фронте. Я постоянно ясно указывал ему на это по телеграфу. Теперь представлялся также случай нанести удар англичанам в северной Персии... В северной Персии турки могли иметь превосходство над англичанами. Если бы при этом удалось поднять против Англии население Азербейджана, то это сыграло бы

большую роль. Я бы охотно оказал поддержку всему, что могло бы привести к такому результату. Но Энвер и турецкое правительство больше думали о своих панисламистских целях на Кавказе, чем о войне с Англией... В виду этого мы поневоле оказались в противоречии с целями, которые преследовали турки»[1].

Германские оккупанты во главе с Крессом, Лоссовым и Шулленбургом, обеспокоенные распространением влияния турецкой армии на Кавказе, начали принимать особые меры. 5 июня 1918 г. начальник германской военной миссии указал в секретном отношении военному министру Грузии «...об отдаче немедленного и категорического распоряжения военнотранспортным железнодорожным учреждениям (г-ну полковнику Такайшвили, г-ну полковнику Михайловскому, военным коммерсантам станции и т. п.) не сообщать прибывшим турецким офицерам и их агентам никаких сведений о военных и технических вопросах на железных дорогах, а направлять господ по адресу начальника германской военной миссии в Грузии, который даст им необходимые справки»[2].

Германская военщина в Закавказье стремилась играть ведущую роль в организации контрреволюции на Кавказе вообще. Представители германских оккупантов в Закавказье упрекали представителей эмигрантского «горского правительства» в попытках одностороннего разрешения северокавказского вопроса, т. е. совместно с одной Турцией. Премьер горского правительства Пшемахо Коцев сообщал министру иностранных дел своего правительства Гайдару Бамматову, что командование немецких оккупантов не раз указывало на странное поведение делегации горского правительства, которая ведет переговоры с одними турками, и что, если так будет продолжаться, ничего из переговоров не выйдет.

Германский дипломатический представитель на Кавказе граф Шулленбург официально заявил председателю делегации министру горского правительства Гайдару Бамматову, что он, германская военная миссия и вся германская армия в Закавказье не просто командированы для помощи грузинскому правительству, но что они уполномочены проводить и защищать интересы Германии во всех государствах Кавказа. Поэтому Шулленбург изъявил готовность германской миссии на Кавказе вести переговоры с уже образовавшимся правительством республики горцев Кавказа, т. е. с горским правительством.

В середине июня 1918 г. буржуазно-националистические предатели из Северного Кавказа и Дагестана заключили военное соглашение с кайзеровским императорским правительством. В этом договоре главный пункт гласил:

---

[1] Э. Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. II, стр. 187—188. Москва. 1924.

[2] «Германские оккупанты в Грузии в 1918 году». Сборник материалов и документов, стр. 55—56. Тбилиси. 1942.

«Имперское германское правительство обязуется притти на помощь правительству республики горских народов Кавказа вооруженной силой, если последнее правительство этого попросит для обеспечения мира и спокойствия в своей стране.

Примечание: Представление указанной вооруженной силы количеством до двух батальонов должно последовать, если этого потребуют обстоятельства и до ратификации настоящего договора»[1].

Заключение этого договора и непосредственное германское вооруженное вмешательство в дела Дагестана и Северного Кавказа, помимо указанных целей (не допустить Турцию овладеть Дагестаном и Северным Кавказом), имели и другие причины, исходившие из условий борьбы против Советской власти в России. Германские империалистические хищники ясно видели мощь Советской власти и необходимость объединения всех сил, заинтересованных в свержении Советской власти.

Таким образом, «условия борьбы с Советской властью диктовали объединение обеих антисоветских сил, иностранной и внутренней. И это объединение сложилось в первой половине 1918 года»[2].

Подготовка к наступлению германо-турецких интервентов на Дагестан и Северный Кавказ

Начало наступления германо-турецких интервентов на Дагестан и Северный Кавказ совпало с тяжелым моментом в жизни молодой Советской республики. Вокруг нее сжималось кольцо внутренней контрреволюции и внешней интервенции.

Это было время мятежа чехословаков, усиления интервенции Антанты на Севере и Дальнем Востоке. Немецкие интервенты, захватив огромные территории от Балтийского до Черного моря, пытались утвердиться на Каспийском море, в Закавказье.

«Прикрываясь Украинской радой, — писал товарищ Сталин, — немцы двинулись вперед «на основании Брестского договора» (о, конечно!) и заняли Украину. Но теперь Украина как ширма, как прикрытие, видимо, исчерпала себя, между тем как немцам нужно новое продвижение. Отсюда спрос на новое прикрытие, на новую ширму. А так как спрос рождает предложение, то Красновы и Богаевские, Чермоевы и Бамматовы не замедлили предстать, предлагая свои услуги. И нет ничего невероятного в том, что в ближайшее время Красновы и Богаевские, руководимые и снаб-

[1] Дагестанский краеведческий музей. Фонд истории гражданской войны, опись 4, дело 7, лист 95.

[2] История ВКП(б). Краткий курс стр. 216.

жаемые немцами, двинутся на Россию, на «освобождение» Дона, причем немцы постараются лишний раз поклясться в верности Брестскому договору. То же самое нужно сказать о Кубани, Тереке и т. д.

В этом вся суть!» [1].

Английская газета «Таймс» писала о планах германского империализма в России в 1918 году:

«...Германские усилия в России в настоящее время направлены по трем руслам: в направлении Мурманского берега в сотрудничестве с финнами; в Южной России, в долине Дона, к Волге и на Кавказе — в направлении к Баку, по западному берегу Каспийского моря. Во всех этих областях германцы преследуют как экономические, так и военные цели... В Южной России германские цели по преимуществу экономического характера. В последнее время они тут имели быстрый успех. Им много помогал генерал Краснов, ставший во главе сепаратистического движения в области Дона и оказавший содействие германцам. Теперь германцы занимают всю долину Дона вплоть до Воронежа и Воронежской области. Тут они в недалеком расстоянии от Волги с ее необыкновенно богатыми запасами зерна и других продуктов. Целью германцев в настоящий момент является, вероятно, Царицын. Из Царицына легок транспорт к Дону, и отсюда продукты могут легко быть перевезены к Черному морю и до Дуная.

На Кавказе германцы еще не достигли города Баку, который в настоящее время находится еще в руках соединенных сил армян и большевиков. По всей вероятности, они не смогут оказать серьезного сопротивления германцам, хотя силы германцев тут и невелики; но армяне окажут отчаянное сопротивление всякому турецкому движению, а такое движение, вероятно, и составляет часть германских намерений»[2].

В осуществлении немцами этого плана крупную роль играл генерал Краснов, ставший с помощью немцев атаманом Донского казачьего войска. Краснов обратился к германскому кайзеру Вильгельму II с просьбой официально признать образуемую им, Красновым, новую «федерацию Доно-Кавказского союза».

Краснов в своем письме Вильгельму II писал:

«Молодому государственному организму, каковым в настоящее время является Донское войско, трудно существовать одному, и поэтому оно заключило тесный союз с главами Астраханского и Кубанского войск, полковником князем Тундутовым и полковником Филимоновым, с тем, чтобы по очищении земли Астраханского войска и Кубанской области от большевиков составить прочное государственное образование на началах федерации из Всевеликого войска Донского, Астраханского войска с калмыками,

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 115.

[2] «Разгром немецких захватчиков в 1918 году». Сборник материалов и документов, стр. 242—243. Госполитиздат. 1943.

Ставропольской губернии, Кубанского войска, а впоследствии, по мере освобождения, — и Терского войска, а также народов Северного Кавказа...

Атаман Зимовой станицы нашей при дворе вашего императорского величества уполномочен мной просить ваше императорское величество признать право Всевеликого войска Донского на самостоятельное существование, а по мере освобождения последних Кубанского, Астраханского и Терского войск и Северного Кавказа, право на самостоятельное существование и всей федерации под именем Доно-Кавказского союза»[1].

Империалистическая Германия не довольствовалась оккупацией Украины и Дона. Немецкое командование стало особенно заботиться о том, чтобы продвинуть турок на Баку, руками турецких солдат завладеть богатейшими нефтяными богатствами Советской республики, — это приблизило бы немцев к осуществлению их планов завоеваний на Востоке. Командующий австро-венгерскими войсками на Украине генерал Краус в своем отчете начальнику австрийского генштаба писал:

«Германия преследует на Украине определенную хозяйственно-политическую цель. Она хочет... навсегда закрепить за собой самый безопасный путь на Месопотамию и Аравию, через Баку и Персию. Эта возможность особенно заманчива для германцев сейчас, когда они оккупировали Украину»[2].

Для выполнения этой программы немецкая военщина направила турецкую армию на Советский Баку для захвата всего Азербайджана. Успех этой операции сулил дальнейшее продвижение турок на Дагестан и Северный Кавказ с юга. 26 мая 1918 г. глава турецкой миссии на Кавказском фронте, министр юстиции и председатель государственного совета Турции Халил-бей опубликовал в Батуме новую ноту по поводу того, что якобы сотни тысяч тюрков и мусульман терпят «ужасы» в Баку и в окрестностях от революционеров, и заявил, что через 72 часа турецкая армия на Кавказе приступит к созданию «спокойствия»[3].

Немецкие оккупанты направили на Кавказ брата Энвера Нури-пашу, Мурсал-пашу, Казим-бея, Осман-бея и ряд других турецких офицеров, окончивших Берлинскую академию германского генерального штаба. Нури-паша, один из заядлых иттихадистов, панисламистов и германофилов, был назначен главнокомандующим турецкой армией, названной «Мусульманской армией на Кавказе».

27 мая 1918 г. с помощью предателей, объявивших «независимость» азербайджанского муссаватистского правительства, штаб

---

[1] «Разгром немецких захватчиков в 1918 году». Сборник материалов и документов, стр. 247—248.

[2] Там же, стр. 289—290.

[3] Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии, стр. 292.

турецкой армии во главе с генералом Нури-пашой обосновался в Елизаветполе (Гандже) [1].

5 июня в Ганджу вступила турецкая армия, в состав которой входила одна из лучших частей турецкой имперской армии — 5-я Чанак-калинская дивизия под командованием бригадного генерала Мурсал-бея.

Муссаватисты Азербайджана и ганджинский блок буржуазии и помещиков, создавший азербайджанское муссаватистское правительство, торжественно заявляли, как об этом говорил Азизбеков на заседании Бакинского совета 7 июня: «Пусть лучше Турция властвует над Закавказьем, лишь бы только не иметь ничего общего с большевиками» [2].

Усилив турецкую армию германскими инструкторами, немецкая военщина приступила руками турецкой армии к завоеванию Баку. 5-й Чанак-калинской и 15-й дивизиями Нури-паша начал наступление против Кавказской Красной Армии.

В ответ на решительный протест Советского правительства против наступления турецкой армии германское правительство сослалось на полное «незнание» положения дел на Кавказе. Оно пыталось доказать, что на Советский Баку наступают «неведомые» Германии какие-то бандитские отряды.

С возникновением азербайджанского муссаватистского правительства и наступлением «Мусульманской армии на Кавказе» на Баку началось и наступление германо-турецких интервентов на Дагестан.

В Дагестане Гоцинский вел в горах панисламистскую и пантюркистскую агитацию. Он призывал алимов, шейхов [3], всех уздений [4] помочь ему в «освобождении» всех верующих мусульман от «обид» Советской власти. Он призывал всех сынов Магомета, без различия сект, объединиться под общим флагом ислама и защищать мусульман от «противников» ислама — большевиков.

Германо-турецких интервентов приветствовали буржуазно-националистическая интеллигенция и все кулацко-мульские и зажиточные элементы Дагестана. Младотурецкая партия «Иттихад ве Таракки» развернула деятельность в горах Дагестана. Кулацко-мульские элементы создавали ячейки «Иттихад» и записывались в партию иттихадистов. Иттихадисты призывали всех истинных мусульман, способных носить оружие, к борьбе против тех, кто выступает против их единоверных «освободителей» — турок.

В начале июня в Стамбуле был создан специальный комитет «благотворителей и просветителей горцев Северного Кавказа и Дагестана», в руководящий состав которого входили видные члены «Иттихад ве Таракки». Этот комитет являлся руководящим

---

[1] Ныне Кировабад.

[2] «Известия Совета рабочих, красноармейских, матросских и крестьянских депутатов Бакинского района» № 111 за 1918 год.

[3] Шейх — религиозный глава мусульманской религиозной общины.

[4] Уздень — свободный, независимый, благородный.

центром «Иттихад» и распространителем пантюркизма среди мусульман Северного Кавказа. С помощью Стамбульского комитета дагестанские «иттихадисты» распространяли пантюркистскую литературу в горах.

Все светские школы, в которых преподавание велось на русском языке, закрылись. В горах возникли «начальные мужские школы», где преподавание велось на турецком языке. Почти во всех горных округах в кулацких и зажиточных домах стали вывешивать портреты Энвера, Талаата, Махмуд-Шевкета и других деятелей пантюркистов и «Иттихада». Все делопроизводство в окружных и сельских местностях было переведено на турецкий язык. Только шариатское судопроизводство велось на арабском языке.

Все было направлено к тому, чтобы поднять горцев-мусульман против «русского большевизма» и укрепить влияние Турции в горах Дагестана.

В конце мая 1918 г. руководители горского правительства добились назначения к ним турецкого бригадного генерала Юсуфа Изет-паши, выдававшего себя за сына горца-черкеса. Генерал Изет-паша с группой турецких офицеров, таких же «черкесов», как и он сам, возглавил подготовку интервенции турецких войск в Дагестане. Главнокомандующий «Мусульманской армией на Кавказе» Нури-паша вскоре назначил генерала Юсуфа Изет-пашу командующим «войсками правительства республики горцев». Нури-паша щедро обеспечивал штаб Юсуфа Изет-паши всеми видами вооружения и техникой: радио, телеграфом, телефоном и транспортными средствами.

По разработанному Изетом плану, в начале июня 1918 г. началось движение через Нуху и Салатавский перевал в Дагестан разведывательного отряда турок во главе с полковником Исмаилом Хакки-беем. С этим отрядом двигался также целый штат турецких и туркизировавшихся каймакамов [1] из военных чинов турецкой армии, членов горского правительства и других буржуазно-националистических главарей, бежавших от Советской власти в Дагестане.

Отряд Исмаила Хакки-бея ставил себе следующие задачи: 1) руководить борьбой дагестанской белогвардейщины и шариатского главы Гоцинского против советских частей; 2) приостановить движение дагестанских советских войск в глубь дагестанских гор; 3) установить в зоне действий дагестанской белогвардейщины турецкое каймакамство; 4) поднять восстание всех мусульман-горцев против всего большевистско-русского с помощью реакционного мусульманского духовенства, Гоцинского и иттихадистов.

---

[1] Каймакам — временно исполняющий обязанности начальника уезда, округа.

В течение мая и июня 1918 г. в горные округа Дагестана, все еще занятые белыми бандами, стекались турецкие «мирные» эмиссары, носители мусульманской «культуры», «просветители» и прочие. В июне штабу Исмаила Хакки-бея удалось наладить связь со всеми округами, не занятыми дагестанскими советскими войсками.

В наиболее «неблагонадежных» округах были назначены каймакамы из числа турецких военных чинов. К таким округам относились Самурский, Казикумухский округа и часть Кюринского и Кайтаго-Табасаранского округов. В Аварском и Андийском округах, где находились основные силы дагестанской белогвардейщины, установилась власть местных каймакамов. Всем каймакамством руководил штаб Исмаила Хакки-бея из Кумуха.

Офицерско-инструкторский отряд турецких интервентов активно поддерживал дагестанскую белогвардейщину и подготовлял приход турецкой оккупационной армии в Дагестан; последняя армия была занята очищением пути для продвижения немцев на Баку и борьбой против Кавказской Красной Армии.

Такие же разведывательные отряды и военную помощь германо-турецкие интервенты посылали и в другие районы Северного Кавказа. С помощью грузинского меньшевистского правительства и по соглашению с германским командованием в Грузии через Мцхет шли на Владикавказ турецкие отряды, обозы и военное снаряжение. Они шли на помощь Чеченскому и Ингушскому национальным советам, во главе которых стояли лидер чеченских буржуазных националистов Ибрагим Чуликов и член парламента «горского правительства» Вассан-Гирей Джабагиев. Германо-турецкие интервенты двигались на Дагестан и Северный Кавказ под флагом «спасения» народов Северного Кавказа, против которых якобы собираются «большие силы большевиков».

Глава IV

ГЕРМАНО-ТУРЕЦКИЕ ИНТЕРВЕНТЫ В ДАГЕСТАНЕ И БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ ПРОТИВ НИХ

Начало наступления германо-турецких войск на Дагестан и Северный Кавказ

Как уже было сказано, наступление германо-турецких интервентов на Дагестан в основном зависело от успеха «Мусульманской армии на Кавказе» на Бакинском фронте. Дагестанский областной военно-революционный комитет входил в сферу руководства чрезвычайного комиссара по делам Кавказа — Шаумяна. Баку являлся опорным пунктом Советской власти на Кавказе. Еще в марте 1918 г., когда стали известны захватнические намерения империалистической султанской Турции, ее планы наступления на Советский Баку и стремления интервентов поднять мятеж против Советской власти, бакинские большевики во главе с Шаумяном, Джапаридзе, Азизбековым, Микояном приняли решение о том, что «необходимо создать реальную силу вокруг Совета и, опираясь на российскую революционную власть и на советы Северного Кавказа, оборонять себя и распространить свое влияние и свою мощь на всю территорию Закавказья»[1].

Наступление турецких интервентов на Баку и на Северный Кавказ преследовало пантюркистские цели, даже до некоторой степени независимо от целей империалистической Германии. Несомненно, что в случае успеха турецкой армии Баку, эту богатейшую нефтяную базу молодой Российской Советской Республики, прибрала бы к рукам кайзеровская Германия. Но империалистическая Турция имела также и свои грандиозные замыслы на Востоке: она мечтала подчинить себе и затем присоединить все мусульманские районы Кавказа, захватить Среднюю Азию, выйти к Туркестану и расширить новое «Османское государство» до Афганистана и Китая.

Наступление турецкой армии на Советский Баку поставило перед большевиками Баку задачу создания вооруженных сил, способных отразить натиски турецких войск, банд азербайджанских муссаватистов, активно поддерживаемых германскими империалистами, ставшими к этому времени хозяевами положения в Грузии.

---

[1] Э. Бурджалов. Двадцать шесть бакинских комиссаров, стр. 41. Госполитиздат. 1938.

Начали создавать Кавказскую Красную Армию. В создании Красной Армии и в дальнейшем руководстве ею выдающуюся роль играл один из крупных большевистских организаторов на Кавказском фронте — Корганов. Большую помощь Корганову в организации Красной Армии оказал руководитель петровских и грозненских большевиков в годы революции 1905—1907 гг. Малыгин.

Бакинские большевики организовали отпор наступавшим частям турецкой армии, бандам азербайджанских муссаватистов. В состав создавшейся Красной Армии вошли русские рабочие, рабочие-азербайджанцы, армяне, грузины, дагестанцы и другие.

26 мая 1918 г. С. Шаумян, выступая на первом съезде Советов крестьянских депутатов Бакинского уезда, призывал крестьянскую бедноту «объединиться для защиты советской власти вместе с рабочими и армянскими крестьянами. Как единая семья, как единая армия, вы вооруженной силой должны защищать рабоче-крестьянское правительство против беков и ханов и против их защитницы Турции» [1].

По призыву Бакинского совета народных комиссаров «...с оружием в руках изгнать из нашей страны турецкие и немецкие банды» [2] Кавказская Красная Армия под командованием Корганова отбросила разведывательный отряд турецких интервентов и многочисленные банды азербайджанских ханов, беков и других муссаватистских лакеев султанской Турции. Кавказская Красная Армия, не давая опомниться турецко-муссаватистским бандам, успешно продвигалась вперед и к 12 июня заняла станцию и город Кюрдамир.

Наступление Кавказской Красной Армии расстроило планы не только муссаватистских правителей «независимого Азербайджана», но также и германо-турецкие планы. Наступление турецких частей вначале было представлено как «поддержка» наступающим войскам «азербайджанского правительства» для освобождения Баку и его губернии.

Получив отпор со стороны Красной Армии, турки усилили свою армию новыми дивизиями. В состав наступавшей турецкой армии входили отдельные «национальные отряды» азербайджанских беков, разбитые пролетариатом еще в мартовском наступлении муссаватистов и растрепанные полки бывшей царской «Дикой дивизии». Обеспокоенные отпором Кавказской Красной Армии, немецкие империалисты назначили своих, германских, офицеров на командные посты турецких войск.

Существовавший мирный Брестский договор между Германией и Советским правительством не останавливал враждебных действий германских империалистов. Позицию империалистической

---

[1] С. Г. Шаумян. Статьи и речи 1917—1918 гг., стр. 165.

[2] «Известия Совета рабочих, красноармейских, матросских и крестьянских депутатов Бакинского района» № 132 за 1918 год.

Германии и Турции определил В. И. Ленин на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета от 14 мая 1918 года. «Германии и Турции, как подсобному государству, — говорил Ленин, — возможно поэтому было двигаться и двигаться, ни на что не отвечая, ни на что не обращая внимания, заявляя: мы возьмем то, что сможем взять, мы не нарушаем Брестского мира, потому что закавказская армия его не признает, потому что Кавказ независим.

От кого независимо правительство Гегечкори? От Советской Республики оно независимо, но от немецкого империализма оно немножечко зависимо, и это естественно» [1].

Все протесты Советского правительства, напоминавшие о нарушении Брестского мира со стороны Германии и ее союзницы Турции, Турция обходила полным молчанием. Немецкие хищники нагло сваливали это явное нарушение Брестского мира на какие-то «неизвестные» немцам банды и отряды, не входившие в союзническую турецкую армию. Германская военщина, внешне сохраняя лойяльность в отношении Брестского мира, на деле пыталась захватить побольше территорий Советской республики.

В своих основных расчетах завоевания Советской России, в обход Брестскому миру, немцы с циничной откровенностью писали в своих газетах:

«Мы можем свергнуть большевизм, не пуская в ход германских войск, не создавая ненависти, связанной с новой войной на востоке, и не вызывая разрыва с Советским правительством» [2].

Для выполнения этих наглых планов немецкие империалистические хищники действовали на Кавказе через Турцию, на Украине — через скоропадских и К°, на Дону — через Краснова. Германские империалисты, кроме того, опирались на помощь эсеров и меньшевиков.

Эта линия империалистической Германии — чужими руками задушить Советскую власть, расчеты на внутреннюю открытую и скрытую контрреволюцию отразились на ходе событий во время наступления германо-турецких интервентов на Баку и Дагестан.

Немцы всячески оттягивали вопрос о посылке вооруженных сил в Дагестан и на Северный Кавказ. Министр иностранных дел горского правительства Бамматов пытался убедить германского посла в Турции графа Бернсдорфа в необходимости вооруженного немецкого вмешательства в дела Дагестана и Терека, но немецкая военщина из тактических соображений не спешила. Под видом нежелания «нарушать» Брестский мир с Советским правительством Бернсдорф заявил, что его правительство ни под каким видом не может дать горскому правительству военную помощь

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XXIII, стр. 12.
[2] «Известия» от 6 ноября 1918 года.

в данный момент — в июне — июле 1918 года. Немецкие империалистические хищники на самом деле в этот период не могли оторвать ни одного лишнего батальона с Западного фронта, где положение немецких армий было тяжелым.

Чтобы доказать немцам необходимость их вооруженного вмешательства, чтобы доказать, что горское правительство является действительно правительством горских народов Дагестана и Северного Кавказа, чтобы доказать, как выразился Бамматов, что «...наше население с нами», нужно было занять с помощью Ингушского национального совета и ингушского полка бывшей «Дикой дивизии» Владикавказ.

Взятие Владикавказа горскими и турецкими частями, с одной стороны, и захват Баку германо-турецкими интервентами — с другой, могли ослабить сопротивление советских войск Дагестанского областного военно-революционного комитета и предрешить успех турецких интервентов и дагестанской белогвардейщины. Занятие Владикавказа, по мнению Бамматова, «...поставило бы германское командование перед совершившимся фактом»[1]. Советские войска можно было бы уничтожить совместными вооруженными силами германских, турецких интервентов и горской белогвардейщины.

Бамматов, находившийся почти все время в Константинополе, через турецких корреспондентов берлинских газет помещал в немецких газетах статьи о «восстании горцев против большевиков на Тереке», о «занятии Владикавказа частями горского правительства» и многие другие. Подобного рода сообщения об «исторических победах» горского правительства направлялись им в швейцарские и датские газеты.

Но все попытки контрреволюции были тщетны.

На помощь терским большевикам, боровшимся против бичераховского белоказачьего мятежа, с одной стороны, и против проникновения на Терек германских и турецких войск, грузинских и горских белогвардейцев — с другой, прибыл один из славных сынов большевистской партии — Серго Орджоникидзе.

Серго Орджоникидзе сплотил трудящихся Северного Кавказа — горскую бедноту и трудовое казачество — вокруг большевистской партии. Антисоветская деятельность Чеченского и Ингушского национальных советов была пресечена. Контрреволюционный мятеж, подготовлявшийся Джабагиевым, Чуликовым, шпионами и агентами горского правительства и штабом Юсуфа Изет-паши, не нашел достаточной почвы среди трудящихся Терека.

Летом 1918 г. Турция решила усилить свое вооруженное вмешательство в Дагестане и на Северном Кавказе. Около 3 тыс. инструкторов из состава германо-турецкой армии было подготов-

---

[1] Материалы секретариата главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», фонд VII тома, дело 1617А, стр. 8.

лено для «содействия» горскому правительству. По распоряжению Энвер-паши, было отпущено 10 тыс. лир (150 тыс. рублей по курсу 1917 г.) на его нужды.

Ввиду провала плана мятежа в Терской области германо-турецкие интервенты решили усилить свое наступление в Дагестане. На бакинском направлении еще продолжались ожесточенные бои между германо-турецкими оккупантами и Кавказской Красной Армией. Горское правительство ставило перед германским генеральным штабом вопрос об ускорении действий германских войск на территории Дагестана и Терека. По расчетам горского правительства и его хозяев — турецкой военщины — занятие Дагестана и Терской области «войсками» горского правительства дало бы возможность союзникам поставить категорически перед Советским правительством вопрос о признании «независимости» Дагестана и Терека и отделении их от России. Германское командование официально сообщило Бамматову, что Турция пока неофициально будет посылать в Дагестан горскому правительству средства, оружие и инструкторов [1].

Все внимание горского правительства и штаба Юсуфа Изетпаши было обращено на борьбу оставшихся в горах Аварии белогвардейских отрядов Гоцинского, Узун-Гаджи, Арацханова и других против советских войск Дагестанского областного военно-революционного комитета.

После Гунибского съезда представителей дагестанской белогвардейщины все руководство операциями против Советской власти было сосредоточено в руках Арацханова. Однако в стане дагестанской белогвардейщины были противоречия, ослаблявшие силы дагестанской контрреволюции.

В Хунзахском районе действовал один из видных белогвардейцев, считавшийся испытанным контрреволюционером и лучшим военспецом — полковник Кайтмас Алиханов. После Гунибского съезда он также приступил к пополнению своего отряда, состоявшего из остатков 1-го Дагестанского полка бывшей царской «Дикой дивизии» и белых офицеров. Пополнение это происходило помимо Гоцинского, Арацханова и других руководителей Гунибского съезда.

В самом Гунибе находился другой царский офицер, считавшийся среди белогвардейцев влиятельным военспецом, — полковник Джафаров, который так же, как Алиханов, считал ниже своего достоинства подчиняться Арацханову, самочинно присвоившему себе чин генерала.

Среди боровшихся против Советской власти буржуазно-националистических элементов были люди, пытавшиеся примирить противоречия в стане дагестанской белогвардейщины, ликвидировать разлад между Гоцинским и Арацхановым, с одной стороны, и не-

[1] Материалы секретариата главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», фонд VII тома, дело 1617А, стр. 11.

которыми офицерами — с другой. Наиболее реальной силой, которая могла бы повлиять на ту и другую сторону, были представители турецкой интервенции и горского правительства. Руководители Гунибского съезда решили отправиться на поиски турецкого штаба Исмаила Хакки-бея и горского правительства. Штаб турецких войск находился в Кази-Кумухе.

Штаб турецких войск во главе с Исмаилом Хакки-беем немедленно приступил к расстановке контрреволюционных сил, боровшихся против советских войск Дагестана, приняв на себя общее руководство всеми операциями. Центральным фронтом турки считали Араканский фронт и командующим этим фронтом утвердили новоявленного генерала Арацханова. Почти все турецкие офицеры были сосредоточены на этом фронте. Считая араканское направление стратегически более выгодным для наступления на Темир-Хан-Шуру, Исмаил Хакки-бей прикрепил главные отряды полчища Гоцинского, действовавшего попрежнему почти самостоятельно, именно к этому фронту.

Кроме центрального фронта для борьбы с большевиками, штаб Исмаила Хакки-бея организовал фронт черкеевского направления, где командующим был назначен полковник Джафаров, действовавший с большим отрядом, набранным из всадников 2-го Дагестанского конного полка бывшей царской «Дикой дивизии» и новобранцев из Андийского округа. Джафаров, таким образом, под руководством турецких интервентов нашел теперь общий язык с главарями Гунибского съезда и вел борьбу с Красной Армией и дагестанскими партизанскими отрядами. Черкеевское направление также считалось удобным для наступления на Темир-Хан-Шуру с северо-запада.

Было создано также чир-юрт — хасав-юртское направление, где действовали сначала отряды Тарковского, затем кумыкских князей Рашидхановых и отдельные отряды из полчищ Гоцинского и Узун-Гаджи. Задача этого фронта заключалась в том, чтобы отвлечь внимание советских войск, не допустить их соединения с грозненскими рабочими батальонами и не дать советским войскам возможности оказать поддержку трудящимся Терской области в борьбе против антисоветского бичераховского белоказачьего мятежа.

В организации фронтов против советских отрядов большую помощь оказывал штаб турецкого генерала Юсуфа Изет-паши, беспрерывно обеспечивавшего турецкими военными инструкторами, немецким вооружением и боеприпасами своего полковника Исмаила Хакки-бея.

Помимо трех вышеуказанных направлений, турецкие интервенты организовали в горных округах — Кайтаго-Табасаранском и Кюринском — штабы, состоявшие исключительно из турецких офицеров-инструкторов.

После укрепления и туркизации фронтов центральный штаб Исмаила Хакки-бея начал наступление против Советской власти в Дагестане.

Борьба трудящихся Дагестана и Красной Армии против дагестанской белогвардейщины и турецких интервентов в горах

Группировка белогвардейских отрядов в горах Дагестана, договоренность буржуазно-националистических элементов Северного Кавказа и Дагестана с германо-турецкими интервентами, создание эмигрантского «правительства республики горцев Кавказа» и, наконец, организация турецкого штаба при этом правительстве и продвижение в Дагестан турецких войск и германского вооружения создавали серьезную угрозу для Советской власти в Дагестане. Распыленные, разрозненные, одиночные отряды красногвардейцев были не в силах оказать сопротивление общему наступлению внутренней дагестанской и внешней турецкой контрреволюции.

В конце мая 1918 г. силы контрреволюции стали постепенно сжимать отряды Дагестанского военно-революционного комитета.

В одно и то же время с севера и северо-запада — со стороны Чир-Юрта и Черкея, с запада — со стороны Караная и юго-запада — со стороны Аракан враги направили главный удар на областной центр Темир-Хан-Шуру. Занять сначала Темир-Хан-Шуру, затем всеми силами двинуться на Порт-Петровск, связывающий Дагестан с Астраханью и Баку, — таковы были планы контрреволюционеров.

Одновременно агенты Гоцинского и горского правительства, а также турецкие эмиссары подняли в Аварском, Андийском, Казикумухском, Кайтаго-Табасаранском и Кюринском округах кулацко-мульский мятеж.

Дагестанские большевики приступили к организации Дагестанской Красной Армии. По распоряжению военного комиссара Дахадаева, все лучшие, боеспособные воинские части и рабочие дружины Порт-Петровска и краснопартизанские части, собранные в Темир-Хан-Шуре, по их просьбе были зачислены в ряды Красной Армии. Ядром этой новой Красной Армии являлся Астраханский интернациональный отряд под командованием Ляхова, преобразованный в коммунистический отряд, затем в 1-й Дагестанский пехотный советский полк. Этот отряд состоял из русских рабочих и крестьян, татарской молодежи Астрахани, рабочих Порт-Петровска и горцев Дагестана. Реорганизованный в пехотный полк, он являлся образцом революционной дисциплины и оставил неизгладимый след в истории гражданской войны в Дагестане. Более половины его командного состава составляли коммунисты.

Призывая горцев к борьбе против нависшей опасности, Батырмурзаев еще в конце мая 1918 г. отмечал:

«Враги народа всеми средствами пытаются раздавить созданную в Дагестане молодую Советскую республику. Для этого они ищут всякие пути и средства, запугивают население мнимым могуществом турецкой армии, идущей на Дагестан, и т. п...

Товарищи рабочие и крестьяне! Не верьте паникерам и распространителям всяких версий!» [1].

Далее, обращаясь к горцам, втянутым Гоцинским в его полчища, Батырмурзаев писал:

«Бедный дагестанский народ! Сколько из вас погибло в рядах армии Наджмутдина, сами не сознавая, за что! Давал ли хоть однодневную помощь бедноте он (Гоцинский.—**Н. Э.**), который был причиной бесчисленных народных бедствий, который с толстым брюхом снова хочет насмеяться над трудящимися? Давал ли он хоть одну рубаху, когда вы, горцы, замерзали от холода?..

Товарищи! Чтобы не быть порабощенными угнетателями, нужно дать врагам военно-революционный отпор. Нужно всех, кто мешает рабочему и бедняку в эти трудные дни, заслуженно наказать.

Всякий, кто не хочет стать рабом, кто в силе помочь бедноте, тот пусть запишется в ряды Красной Армии...

Лучше умереть узденем, чем жить рабом-пленником.

Да здравствует Революционная Армия! Да здравствует диктатура рабочих и крестьян!» [2].

Основным местом формирования Дагестанской Красной Армии был Порт-Петровск, где председателем городского Совета оставался Буйнакский.

11 июня 1918 г. военный отдел Порт-Петровского совета разослал всем Советам и ревкомам следующее воззвание к рабочим, солдатам и горцам Дагестана:

«В переживаемый тяжелый момент, когда смертельная опасность грозит не только всем завоеваниям революции, всем завоеванным потоками крови рабочих и крестьян свободам и праву на личную жизнь, но и самому нашему существованию здесь, жизни и имуществу вас и ваших семей, все, кто способен носить оружие и имеет достаточно нравственной силы нести высоко священное Красное знамя рабоче-крестьянской революции, не марая его грусостью, мародерством и хулиганством, жертвуя самым дорогим для человека — своей жизнью, спешите в ряды вновь формируемой в гор. Петровске добровольческой Советской Красной Армии.

Враг революции не дремлет!

Все к оружию!» [3].

Все взрослые, способные носить оружие, шли в ряды Красной Армии. Каждый красноармеец, согласно декрету центрального Советского правительства, получал жалованье.

---

[1] «Ишчи-Халк» от 9 июня 1918 года.

[2] Там же.

[3] «Известия Порт-Петровского Совета рабочих и крестьянских депутатов» от 11 июня 1918 года.

В ряды Дагестанской Советской Красной Армии принимали только трудящихся, проверенных и преданных делу Советской власти людей и только с соответствующей характеристикой от профессиональных и партийных организаций.

Дагестанская Советская Красная Армия входила в состав Кавказской Красной Армии, руководимой Коргановым из Баку.

Дахадаев рассылал по округам и аулам Дагестана тысячи экземпляров воззвания с призывом вступать в Революционную рабоче-крестьянскую армию.

«Мы не должны, — говорилось в воззвании, — усыпить свою бдительность полученной свободой и правами. Если мы будем проводить время праздно, в радости, то наши внутренние враги, богачи, князья, помещики будут подготовляться к отместке. Они, улучив удобный момент, с разинутыми пастями хотят проглотить нашу молодую республику. Мы стремимся к тому, чтобы вырвать с корнем из нашей среды этих крокодилов. Для того, чтобы предохранить нашу молодую республику от отравления этими ядовитыми змеями, нужно нам собрать большую силу. Сегодня наш долг организовать эту силу» [1].

В Темир-Хан-Шуре Дахадаев объединил аульские и окружные отряды, назначил командиров из наиболее популярных горцев и авторитетных русских командиров. В городах Порт-Петровске и Темир-Хан-Шуре успешно шло обучение молодых красноармейцев. Мало-мальски обученные отряды немедленно отправлялись на фронт, главным образом на араканское и черкеевское направления.

В Дагестанскую Советскую Красную Армию, кроме 1-го Дагестанского пехотного полка Ляхова, входили 1-й Дагестанский конный полк Тимошина, отряды Казбекова и Авербуха и революционных аулов.

Усиленно шла организация революционных сил в Южном Дагестане. В июне 1918 г. в Дербенте организовался новый Совдеп, председателем которого был один из первых большевиков-дагестанцев Кази-Магомед Агасиев. Долгая, бесстрашная борьба Кази-Магомеда против царизма и революционная деятельность среди трудящихся против горских контрреволюционных верхов создали ему большую популярность среди горцев Южного Дагестана.

Мероприятия Дербентского совдепа по обеспечению крестьянской бедноты, по конфискации помещичьих земель, обращение в общественную собственность всего имущества помещиков и крупных богачей и торговцев еще выше подняли авторитет Агасиева.

Во время наступления дагестанской белогвардейщины, возглавляемой турецкими интервентами и агентами горского правительства, Дербентский совдеп организовал крупный отряд из рабочих города, трудящихся азербайджанцев, русских, евреев, армян, татов и горцев (в основном из лезгин и табасаранцев). Этот интернацио-

[1] И. Разгон и А. Мельчин. Борьба за власть Советов в Дагестане (1917—1921 гг.), стр. 37—38.

нальный отряд, превратившийся затем в Дербентский полк, вошел в состав Дагестанской Советской Красной Армии. В создании отрядов и в проведении мероприятий Советской власти среди городского населения и горцев Южного Дагестана огромную помощь Кази-Магомеду оказывали рабочие-большевики Таги-заде, Пугин, Г. Мурсалов и другие.

В июне 1918 г., во время вторжения турецких интервентов в горные округа Дагестана, южные лезгинские округа первыми попали под иго турецких интервентов и горского правительства. Установившееся в этих округах турецкое каймакамство организовало из мульско-муссаватистских и кулацких элементов бандитские отряды. Эти отряды, в большинстве своем под командованием турецких инструкторов-офицеров, нападали на революционные аулы, громили Советы, убивали и арестовывали всех, кто подозревался в сочувствии Советской власти и большевикам.

Нужно было вести соответствующую работу среди лезгинской бедноты, поднять знамя борьбы против незваных гостей — турецких интервентов и горского правительства. Кази-Магомед организовал в Дербенте группу агитаторов из передовых и популярных рабочих-большевиков. Среди них наиболее популярным был Гасан Мурсалов — бывший бакинский рабочий-нефтяник, один из лучших помощников Кази-Магомеда по работе среди дагестанских рабочих Баку и трудящихся лезгин в Дагестане.

Контрреволюция беспощадно расправлялась с большевистскими агитаторами, появлявшимися в аулах и округах. В июне 1918 г. группа агитаторов во главе с Мурсаловым и Рахмановым, посланная в Сумурский и Кюринский округа для работы среди трудящихся лезгин, была схвачена отрядом кюринского каймакама под руководством турецкого офицера Такюдин-бея и зверски расстреляна около селения Мамраш.

Дербентские большевики и городской Совдеп проводили широкую разъяснительную работу среди трудящихся Южного Дагестана, укрепляли отряды Красной Армии и органы Советской власти в Дербенте и Дербентском районе, вели ожесточенную борьбу против муссаватистских бандитских шаек в Дербенте, организованных на деньги турецких интервентов, руководимых из гор.

По директиве штаба Исмаила Хакки-бея дагестанская белогвардейщина с помощью турецких инструкторов-офицеров начала наступление на Темир-Хан-Шуру. Чтобы привлечь горцев на сторону «защитников народов Магомеда» от «порабощения» со стороны «немусульман-большевиков», в первых рядах наступающих частей шли отряды «имама» Гоцинского.

18 июня отряды Гоцинского и Узун-Гаджи, занимавшие районы селения Апши (южнее Темир-Хан-Шуры), сошли с Аркасских гор и заняли самое селение Апши; затем двинулись и основные части центрального фронта под командованием Арацханова [1].

[1] «Известия Совета рабочих, красноармейских, матросских и крестьянских депутатов Бакинского района» от 19 июня 1918 года.

В бою у этого селения отряд Гоцинского был разбит наголову и рассеян частями Ляхова и красных партизан. Большой урон понесли также наступающие части Арацханова. Потеряв почти всю артиллерию и более тысячи убитыми, белая банда вынуждена была отступить за Аркасский хребет.

Контрреволюционное офицерство, Гоцинский и Узун-Гаджи готовили удары против Красной Армии и с северной стороны. Многочисленные банды Гоцинского, отряды князей Тарковского, Капланових, чтобы отвлечь главные силы советских войск на себя и этим дать возможность активизации военных действий на центральном Араканском фронте, в середине июня повели наступление на Чир-Юрт.

Взятие Чир-Юрта белобандитами могло прервать связь Кавказской Красной Армии и Баку с севером и сорвать ее снабжение продовольствием и угрожало станции Шамхал, связывающей дагестанские советские части Темир-Хан-Шуры и Порт-Петровска.

По распоряжению Дахадаева, Чир-Юртский фронт, которым командовал Авербух, при политическом комиссаре Казбекове, был укреплен батальоном рабочих и дополнительным отрядом, прибывшим из Астрахани.

Неприятельские отряды имели вначале переменный успех. Банды Гоцинского и Тарковского захватили чир-юртские паромы через реку Сулак и начали атаковать Чир-Юрт. Героически отражая бешеный натиск врага, отряды Авербуха и Казбекова перешли в контрнаступление и разбили контрреволюционные банды [1]. Потеряв десятки утонувшими в реке Сулаке и сотни убитыми, белые банды вынуждены были отступить и на этот раз.

«Контрнаступлением банды были разбиты, — говорится в донесении Авербуха в Баку в штаб Кавказской Красной Армии Корганову, — потеряв убитыми и ранеными до четырехсот человек. Хутор Нуорек, где расположен штаб неприятеля, взят. Наши потери — один убитый, один утонувший в Сулаке» [2].

Отряды Авербуха и Казбекова освободили почти весь Хасав-Юртский округ до реки Аксая. Советские отряды освободили от белых банд Андрей-аул и ряд кумыкских и аварских аулов. В освобожденных от белых банд аулах трудящиеся радостно встречали красные отряды и представителей Советской власти.

В своей радиограмме от 19 июня 1918 г., адресованной в Москву — Высшему военному совету, в Баку — Корганову и в Астрахань — Военному совету, Авербух сообщал:

«Отряд прибыл благополучно в Петровск 15 в 6 часов дня. Сегодня в час дня кавалерийский взвод и часть пулеметчиков отправились на позиции Чир-Юрт. В 6 часов дня остальной отряд под командой Дьякова отправился в Темир-Хан-Шуру. Бои у Чир-Юрта развивались весьма успешно и победоносно для нас. В 12 аулах

[1] «Бакинский рабочий» от 19 июня 1918 года.
[2] Там же.

Терской и Дагестанской областей у границ Сулака признали Советскую власть и образовали Красную Армию в числе 600 всадников, которые сражаются в наших рядах... Наши потери ничтожны. Взяты пленные... На Джангутайском фронте события нарастают и близки к развязке. С прибытием новых свежих сил победа за советскими войсками почти обеспечена» [1].

Князь Тарковский, потеряв более половины своего отряда, состоявшего из солдат и офицеров 2-го Дагестанского конного полка бывшей царской «Дикой дивизии», ушел в горы.

После поражения белых банд на центральном Араканском и Чир-Юртском фронтах наиболее близким к Темир-Хан-Шуре и угрожаемым участком оказалось черкеевское направление. Турецкий штаб полковника Исмаила Хакки-бея и Гоцинский сосредоточили на этом направлении наиболее «надежные» боевые единицы и укрепили фронт отборными отрядами из частей, потерпевших поражение на Аркассах. Черкеевским направлением командовал полковник Джафаров. Штаб Джафарова был также подкреплен турецкими офицерами-«инструкторами» и влиятельными гоцинскими «алимами».

В конце июня, по согласованному с турками и Гоцинским плану, Джафаров с горными орудиями, андийским кавалерийским отрядом, особым отрядом пулеметчиков и многочисленными пешими отрядами перешел в наступление. Неприятель угрожал Темир-Хан-Шуре.

1-й конный полк под командованием Дахадаева перешел в контрнаступление. Банды Джафарова стали отступать. Преследуя отступающего противника, отряд Дахадаева шел вверх по Андийскому Койсу. За несколько дней отряд, очистив еще раз аул Верхний Каранай и обезвредив левый фланг, начал наступление на Черкей, где находился штаб Джафарова, и после трехдневного боя занял аул. Дахадаев двинулся дальше на аул Гимры, ставший в это время опорным пунктом контрреволюции.

Необходимо отметить все более возраставшую популярность среди горцев Махача Дахадаева. Его знал каждый партизан, каждый боец. Беднота аулов отождествляла Махача с родной для нее Советской властью. Когда представители Дагестанской советской республики появлялись в аулах, беднота радостно заявляла «Приехали наши Махачи» [2]. Он подбадривал бойцов и партизан в бою. Личной храбростью он привлекал к себе всеобщее уважение горцев-партизан, командиров Красной Армии и ее бойцов. С приближением отряда Махача Дахадаева беднота аулов сама вступала в рукопашные схватки с бандами и соединялась с «махачевцами».

Пополнив свои отряды хорошо знавшими местную горную обстановку красными партизанами, Махач начал штурм Гимр. Аул

---

[1] «Бакинский рабочий» от 19 июня 1918 года.
[2] «Известия ВЦИК» от 31 декабря 1918 года.

Гимры — естественная крепость — был сильно укреплен неприятелем. После пятидневного упорного сопротивления неприятель был выбит из аула и отступил по Аварскому Койсу в Унцукуль, пытаясь задержать далеко вклинившийся отряд Махача.

Аул Унцукуль, родина Дахадаева, был занят отрядами Джафарова и бандами из полчищ Гоцинского. Враги, зная симпатии унцукульцев к Махачу Дахадаеву, окружили аул и, укрепляя подступы к нему, пытались помешать бедноте выйти навстречу советскому отряду. Население аула, узнав, что пришел Махач, сбило заграждение Гоцинского и вышло навстречу любимому односельчанину. В Унцукуле был создан отряд, присоединившийся к Махачу. С этими силами Махач, не дожидаясь подкрепления, которое готовилось в Темир-Хан-Шуре, подошел к Хунзахскому плато. Махач направил теперь все силы по Аварскому Койсу на Араканы.

Весть о продвижении отряда Дахадаева дошла в Гуниб до Гоцинского и в Кумух до штаба Исмаила Хакки-бея. Центральный штаб белогвардейцев, по предписанию Исмаила Хакки-бея и Гоцинского, укрепил отряд Джафарова еще одним андийским отрядом в 300 всадников под начальством Хадисова и приказал начать контрнаступление с Аракан. В Араканы был направлен из Гуниба и отряд Арацханова. Но силы командовавшего Араканским фронтом Арацханова состояли в большинстве из насильственно набранных, необученных, небоеспособных и недисциплинированных орд.

«Так как отряд был небоеспособен, — признавался полковник Джафаров, — то он бежал при первых же выстрелах большевистских пушек. Остатки его не решались уже больше вступать в бой. Вскоре населению надоела постоянная посылка продовольствия на фронт, и оно прекратило его снабжать. Не получая продовольствия, отряд совсем распался» [1].

Последняя надежда контрреволюции была на отряд Джафарова. Джафаров, получив подкрепление — отряд Хадисова и 400 пеших, набранных Гоцинским, — начал контрнаступление с Бетельского плато в сторону Унцукуля. Силы контрреволюции, подкрепленные еще отрядом полковника Алиханова, до сих пор не тратившего своих сил, не вступавшего в бой с большевиками, значительно превосходили советские силы. Поэтому Дахадаев, оставив на центральном Араканском фронте прикрытие, чтобы задержать наступление противника на Темир-Хан-Шуру, отступил в сторону Эрпели через Унцукуль. Неприятель, накопивший большие силы на унцукульском направлении, решил покончить с отрядом Махача. В этом направлении должен был также выступить полковник Алиханов, имевший свыше тысячи всадников. Но позиция полковника Джафарова настолько казалась прочной, что Алиханов был уверен в безусловном успехе отряда Джафарова и поэтому решил остаться в Хунзахе, ограничившись посылкой одного батальона.

[1] Материалы секретариата главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», фонд VII тома, папка 3, дело 1, стр. 102—104.

Продвижение Джафарова на Унцукуль было на несколько дней приостановлено пикетами Махача и самими унцукульцами, не признавшими власти Гоцинского и турецких интервентов. Махач Дахадаев отступил с отрядом из Унцукуля, а унцукульцы все еще не пускали Джафарова. Неприятель, окруживший со всех сторон Унцукуль, предъявил обществу ультиматум и предложил немедленно сдаться на милость «победителя», но общество продолжало сопротивляться превосходящим во много раз силам противника и героически отстаивало свою свободу.

Обществу Унцукуль было предъявлено требование прислать 25 человек конных для пополнения отряда и продовольствие на весь отряд. Унцукульцам был дан срок, в течение которого они должны были выполнить требование. К этому сроку они требование не выполнили. Тогда был дан залп по унцукульским хуторам. Аул выбросил белый флаг, а через некоторое время явились делегаты от общества. На Унцукуль наложили контрибуцию.

Контрреволюционный отряд Джафарова разгромил аул. Сторонники Советской власти частью были убиты, частью арестованы и отправлены в тыл — в Гуниб. Отряд Джафарова решил не оставаться в революционном ауле, боясь народной мести.

Неприятельский отряд, овеянный «победами» над мирными и слабо вооруженными аулами, решил догнать Махача и навсегда покончить с ним. Получив известие о том, что отряд Махача находится в ауле Ишкарты, Джафаров решил захватить аул и, уничтожив красный отряд, взять Махача в плен. С этой целью в местности Герей-Аулак Джафаров расположил банду на горе Шапшаг, между Эрпели и Ишкарты, и готовился к штурму.

Расположив свои части на позициях и сделав все распоряжения для ночевки, Джафаров сам отправился в Каранай на гулянку.

Дахадаев, точно разузнав расположение контрреволюционного отряда и его намерения, подготовил свой отряд к ночной атаке. Несмотря на усталость, этот отряд, измученный беспрерывными в течение месяца схватками с врагами, блестяще закончил приготовления до полуночи. В 2 часа ночи отряд начал обстрел неприятеля и подошел к аулу Эрпели.

Расчленив отряд на две части, Махач атаковал одновременно и Эрпели, где аул обороняли 300 всадников Хадисова, и расположение главных сил неприятеля.

Неожиданный стремительный натиск малочисленного красного отряда вызвал переполох и смятение в рядах противника. К середине следующего дня, не выдержав стремительных атак с двух сторон, противник стал отступать. В 3 часа дня, потеряв много убитыми и ранеными, противник обратился в беспорядочное бегство.

С остатком разбитого отряда Джафаров убежал на Гимринский перевал, сделав его попрежнему своим контрреволюционным гнездом, и приступил к пополнению своей банды.

Оставив некоторое прикрытие в районе Эрпели и Ишкарты, отряд Махача Дахадаева вернулся в город Темир-Хан-Шуру.

Турецкий штаб в горах Дагестана, получив новое подкрепление из Закавказья, готовил еще большее наступление на Темир-Хан-Шуру и решил привлечь для этого наступления и отряды Алиханова. Наступление и в этот раз было назначено на араканском направлении, где попрежнему командовал Арацханов, сформировавший в это время новый отряд. По предписанию турецкого командования и Гоцинского, Алиханов с отрядом в 600 человек прибыл в Араканы и расположился на высотах. Сюда также были стянуты силы Джафарова, пополнившего свой отряд и имевшего в это время около тысячи человек.

Таким образом, контрреволюционные главари и руководители из турецкого штаба накопили в Араканах: 600 человек Алиханова с орудиями и пулеметами, губинский отряд Арацханова в 500 человек, около 1 000 человек из отряда Джафарова и более 3 000 из банд Гоцинского и Узун-Гаджи под командованием турецких офицеров. Кроме всего этого, на этот фронт был послан самостоятельно турецкий отряд.

Для решающих боев с контрреволюцией Дагестанская советская республика мобилизовала свои лучшие боевые силы: 1-й и 2-й Дагестанские советские конные полки Ляхова, Тимошина, пулеметную команду Авербуха, партизанские отряды Мама-Гаджи, героический Даргинский отряд Алибека Богатырева, Мусы Карабудакова и других. Командование всеми силами Махач Дахадаев принял на себя.

Махач Дахадаев прощупал все слабые участки противника и искусно воспользовался трениями и несогласованностью в стане контрреволюции.

Алиханов, кавалер многих царских орденов, полковник царской армии, не мог помириться с тем, что ни турки, ни Гоцинский не доверили командование ему и назначили командующим общими силами против большевиков Арацханова, получившего чин полковника намного позже, чем он. Идя по зову турецкого штаба и Гоцинского на Араканский фронт, Алиханов был уверен, что теперь командовать фронтом будет он, а не Арацханов, щеголявший перед ним в генеральских погонах.

Алиханов, узнав, что и на этот раз он обойден, подойдя к Араканам, расположился на высотах и бездействовал.

Махач Дахадаев, подойдя к Араканам, воспользовался этими раздорами в стане контрреволюции. Он немедленно отправил к Алиханову делегацию с письмом, в котором писал, что Советская власть не желает воевать с теми, кто не поддерживает турецких интервентов, Гоцинского и самочинного генерала Арацханова. Махач писал, что он будет воевать против Арацханова, и просил Алиханова не мешать ему и уйти в Хунзах.

Прекрасное знание характера горцев и обстановки дагестанской жизни помогло Махачу и в этот ответственный момент. Махач знал, что отряд Алиханова являлся наиболее боеспособным из всех других отрядов контрреволюции и что уход с фронта автори-

тетного среди аварской верхушки Алиханова вызовет суматоху в лагере противника. Алиханов прогнал делегатов, посланных Махачем, но через несколько дней все-таки покинул позицию и ушел с фронта.

Уход Алиханова с фронта, как предугадывал Дахадаев, расстроил планы турецких интервентов и дагестанской белогвардейщины. За отрядом Алиханова ушли многие аульские отряды, ссылаясь на уборку урожая и разгар сельскохозяйственных работ. В боях, происходивших в течение нескольких дней, турецкие интервенты и внутридагестанская контрреволюция не достигли желанных успехов; большие потери, понесенные ими, не давали им возможности собраться с крупными силами и перейти в наступление против Дагестанской Советской Красной Армии. Противник вынужден был отложить свое наступление против Советской власти до прихода регулярных турецких войск в Дагестан.

Надо отметить, что неоднократные поражения, которые терпели дагестанская белогвардейщина и турецкие интервенты, и успехи малочисленных и слабовооруженных отрядов Дагестанской Советской Красной Армии определялись прежде всего тем, что основная масса горской бедноты не поддерживала ни «священного главы» Гоцинского, ни горских офицеров. Среди горской бедноты не нашел также поддержки и турецкий штаб Исмаила Хакки-бея. Поддержка турок помещиками и кулачеством с первых же дней их прихода в горы, преследования, которым подвергались со стороны турок народные представители, и другие мероприятия, проводившиеся турками, вызвали открытый протест горской бедноты против турецких «единоверцев». Кроме этой основной причины, слабость дагестанской контрреволюции заключалась еще в том, что внутри самой контрреволюции имелись трения между полковником Алихановым и Гоцинским и между Алихановым и Арацхановым. Гоцинский, зная об авторитете Алиханова среди дагестанского офицерства, боялся его самостоятельности и не выдвигал его. Властолюбивый полковник Алиханов со своей стороны был противником Гоцинского, не признававшего никакой другой власти в Дагестане, кроме военно-клерикальной. Нужно еще отметить и тот факт, что большинство горцев, насильно мобилизованных в ряды белогвардейцев, не хотело воевать против Советской власти и при первых же встречах с советскими отрядами бросало оружие и бежало с фронта.

Немалую роль сыграло и то, что значительная часть турецкого отряда и турецких инструкторов была отозвана обратно в Закавказье для решающего удара против большевистского Баку.

Борьба за укрепление и упрочение Советской власти в Дагестане

Провал наступления контрреволюции на Темир-Хан-Шуру и плана подавления Советской власти в центре Дагестанской советской республики не прекратил действий турецких интервен-

тов в Дагестане. Они засылали шпионов, диверсантов в города и села, из-за угла убивали руководящих партийных и советских работников. Благоприятную почву турецкая агентура находила среди торговцев, крупных садовладельцев и других буржуазных элементов Дербента и Южного Дагестана.

Турецкие интервенты в Южном Дагестане поставили перед своими шпионами и диверсантами задачу — во что бы то ни стало убить руководителя дербентских большевиков Кази-Магомеда Агасиева и ряд других партийных и советских работников и подготовить мятеж против Советской власти. Турецкие интервенты рассчитывали поднять всех мусульман против большевиков-«русских». Крупные садовладельцы и торговцы в Дербенте подготовляли этот мятеж. Были организованы террористические группы для убийства Кази-Магомеда и других большевиков. Убийство Агасиева было ими возложено на Самедова—крупного кулака и торговца мануфактурой.

Кумыкские князья и помещики во главе с Каплановым, в союзе с контрреволюционной казачьей верхушкой, в контакте с бандами дагестанской белогвардейщины готовили наступление на чир-юртском направлении. Это наступление должно было отвлечь силы Дагестанской Советской Красной Армии, чем могла воспользоваться дагестанская белогвардейщина, засевшая в горах. Положение Дагестанской республики было трудное: нехватало оружия, боеприпасов. Штаб Кавказской Красной Армии, руководивший операциями в Дагестане, не был в состоянии обеспечить всем необходимым Дагестанскую Красную Армию для борьбы против внутренней и внешней контрреволюции.

6 июля 1918 г. в Дербенте, во дворе Джума-мечети, был созван многолюдный митинг. Выступивший на митинге Агасиев разъяснил трудящимся города причины тяжелого положения республики, сложившегося в результате наступления германо-турецких интервентов и горского буржуазно-националистического правительства. Он говорил о подрывной контрреволюционной деятельности турецкой агентуры и шпионов и призывал трудящихся и рабочих города всемерно укреплять рабочие дружины и Дербентский интернациональный полк.

Во время доклада предательский выстрел из-за угла прервал речь большевистского оратора. Враги революции ранили выдающегося большевика, бесстрашного борца против царизма, активного революционера-подпольщика и организатора Советской власти в Южном Дагестане, питомца товарища Сталина — Кази-Магомеда Агасиева.

Председатель Бакинского совнаркома Шаумян сообщил в телеграмме от 9 июля В. И. Ленину и товарищу Сталину в Царицын:

«Председатель военного отдела Темир-Хан-Шуры Дахадаев телеграфирует, что для того, чтобы покончить с бандами Гоцинского и приобщить Дагестан к Советской власти, необходимо за-

вершить организацию местной Красной армии, для этого требуется вооружение, броневики и притом спешно.

Положение на Чирюртинском направлении серьезное, успех зависит от технических преимуществ (аэроплана)... В Дербенте окончательного успокоения еще не наступило, хотя уже избран и функционирует Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 6 июля предательским выстрелом ранен один из лучших наших старых товарищей и организаторов местной Советской власти Кази-Мамед» [1].

Неоценимую помощь трудящимся Дагестанской советской республики оказывал товарищ Сталин, героически оборонявший в то время Царицын. По указанию И. В. Сталина, в Дагестан, через Астрахань, поступали оружие, боеприпасы и стягивались отряды русских бойцов, которые героически сражались на Чир-Юртском фронте за интересы трудящихся Дагестана. Товарищ Сталин интересовался борьбой трудящихся Дагестана против внутренней контрреволюции и турецких интервентов, лично руководил этой борьбой из Царицына.

Еще в июне 1918 г. из Царицына приехал матрос Лапин, привезший от товарища Сталина директивы и деньги для дагестанских большевиков.

Товарищ Сталин поставил перед большевиками Дагестана задачи: укрепить Советскую власть в Дагестане, усилить борьбу против банд внутренней контрреволюции и германо-турецких интервентов, укрепить оборону Порт-Петровска — важного стратегического пункта, связывающего Россию с Баку и Северным Кавказом, и восстановить разрушенную бандами чеченцев и антисоветских белоказачьих мятежников железную дорогу от Порт-Петровска до Кизляра [2].

Уллубий Буйнакский и Махач Дахадаев вместе с посланцем товарища Сталина объездили все фронты и аулы, подготовляя горцев к окружным и аульским съездам крестьян, к избранию делегатов на областной съезд трудящихся Дагестана.

Дагестанский областной военно-революционный комитет совместно с Советом рабочих и земледельческих депутатов города Темир-Хан-Шуры 15 июня 1918 г. вынес решение о созыве в округах и аулах съездов и совещаний трудящихся горцев [3].

На съездах ставились вопросы о проведении в жизнь декрета Совета Народных Комиссаров о земле, о создании и укреплении крестьянских окружных и аульских Советов. Съезды и совещания округов и аулов приветствовали партию большевиков и Совет Народных Комиссаров.

---

[1] «Красный архив» № 4—5 за 1938 год, стр. 21.

[2] И. Разгон и А. Мельчин. Борьба за власть Советов в Дагестане (1917—1921 гг.), стр. 51.

[3] Государственный архив МВД Дагестанской АССР, фонд 58, дело 6, лист 5.

В начале июня 1918 г. в районе Теркеме, Кайтаго-Табасаранского округа, был созван съезд крестьян. Съездом руководил председатель Дербентского совдепа Кази-Магомед Агасиев.

Съезд приветствовал партию большевиков, чрезвычайного комиссара Кавказа Шаумяна и героический бакинский пролетариат.

«От лица крестьянского съезда Теркеме приветствую в Вашем лице бакинский пролетариат, — писал Агасиев в телеграмме на имя Шаумяна в Баку, — который является революционным ядром на Кавказе. Также приветствую партию большевиков, которая первая выдвинула лозунг: «Вся власть и все богатство трудящимся». Председатель съезда Кази-Магомед» [1].

По указаниям товарища Сталина из Царицына и Шаумяна из Баку, в середине июня 1918 г. в Дербенте под руководством Кази-Магомеда Агасиева и Гайдара Таги-заде был созван объединенный съезд коммунистов и «гумметистов». Съезд призывал всех трудящихся Дербентского района и всего Южного Дагестана сплотиться вокруг большевистской партии и дать решительный отпор внутренней контрреволюции и германо-турецким интервентам, которые, играя на религиозных чувствах горцев, вели борьбу против Советской власти и против большевиков. В телеграмме Бакинскому комитету большевиков съезд писал:

«Съезд коммунистов и гумметистов Дербентского района приветствует бакинский пролетариат, революционный авангард на Кавказе, и бакинскую организацию нашей партии и выражает твердую уверенность, что с их помощью удастся в скором времени вызвать в Дагестане революционный пожар, в котором сгорят все пережитки старого мира, исчезнет национальная рознь и создастся новый пролетарский строй» [2].

Съезды крестьян созывались и в ряде других районов, где большевики призывали трудящихся к дружному отпору контрреволюции.

В июле 1918 г. в помощь трудящимся Дагестана из Астрахани прибыл еще один отряд под командованием Круглова. Этот отряд был направлен на наиболее опасный и угрожаемый участок фронта. На этот отряд была возложена задача — очистить железнодорожную линию, занятую отрядами кумыкских князей и Бичерахова, и выполнить задание товарища Сталина по переброске хлеба из Терской области на Астрахань в Россию через Каспийское море.

Дахадаев и уполномоченный товарища Сталина — Лапин обратились к главарям контрреволюции на чир-юртско — хасав-юртском направлении с предложением прекратить разрушение железной дороги и очистить линию от Чир-Юрта до Кизляра. Дахадаеву удалось созвать на занятой бандами территории, в ауле Карлан-Юрте, съезд представителей трудовых крестьян и поставить вопрос о признании Советской власти, о борьбе против

[1] «Бакинский рабочий» № 110 за 1918 год.
[2] «Бакинский рабочий» от 19 июня 1918 года.

князей и бичераховщины и об очищении железной дороги от банд. Однако контрреволюционные княжеско-мульские элементы из чеченцев и кумыков сорвали работу съезда.

Мирным путем разрешить вопрос было невозможно. По указанию Дахадаева, штаб Чир-Юртского фронта с помощью отряда Круглова решил силой оружия очистить железнодорожные линии. Но продвижение на Дагестан частей английского наймита полковника Лазаря Бичерахова отвлекло почти все войска Дагестанской Советской Красной Армии на себя.

Между тем совместный натиск дагестанской белогвардейщины и активно помогавшей ей германо-турецкой интервенции стал усиливаться. Стало очевидно, что вскоре неприятель снова будет штурмовать Дагестанскую советскую республику. Это положение ставило перед большевиками Дагестана новую задачу — укрепить Порт-Петровск — важный военно-стратегический пункт, связывающий с одной стороны Баку с Россией и с другой — Дагестан с Астраханью. Укрепление Порт-Петровска стало одной из основных задач обороны Советской власти в Дагестане.

С западной стороны Порт-Петровска — со стороны горы Таркитау — всегда можно было ожидать нападения дагестанской белогвардейщины и банд турецких интервентов. Защитить город с этой стороны могла бы только железная дорога. Проходившая вдоль берега Каспийского моря единственная железнодорожная магистраль не была в состоянии оборонять город, следовательно, обстоятельства вынуждали провести линию вокруг города и обеспечить ее бронепоездами.

В тяжелой обстановке, при отсутствии средств и строительных материалов, Порт-Петровский ревком выделил 70 тыс. рублей на постройку дороги. Героические железнодорожники под руководством Лагоды, ставшего одним из боевых командиров Дагестанской Советской Красной Армии, разыскали строительные материалы и в очень короткий срок опоясали город железнодорожной веткой, по которой к началу августа 1918 г. уже курсировал красный бронепоезд, состоявший из нескольких товарных вагонов и угольных платформ с высокими железными бортами, на которых устанавливались трехдюймовые орудия и пулеметы.

Для укрепления Советской власти в Дагестане и проведения оборонных мероприятий нехватало средств.

В июле 1918 г. нужда в средствах достигла крайних пределов. Перед большевиками Дагестана возникла необходимость командировать делегацию в Москву к Ленину и Свердлову и в Царицын к Сталину для организации помощи молодой Советской республике. Но помощь требовалась срочно. Несмотря на тяжелое положение Советского Баку, к которому приближались германо-турецкие интервенты и полчища азербайджанских муссаватистов под командованием царских генералов Мехмендарова и Али-Ага Шихлинского, Дагестанский областной военно-революционный комитет вынужден был еще раз обратиться к Шаумяну за помощью.

«...Местные советы просят... отпустить минимум от 5 до 10 миллионов. Сумма, на первый взгляд, очень крупная, но сейчас это крайне необходимо. Отпустите, хоть заимообразно, а когда создастся областной центр (областной съезд созываю 20 июля) посылаю в Москву и Царицын целую делегацию... с тем, чтобы связать с центром и дать возможность укрепиться здесь советской власти.

Тяжело Бакинскому Совету, но это необходимо, этого требуют интересы борьбы с контр-революцией, интересы Советской власти. Потому посылаю в Баку трех делегатов Габиева и Гоголева (члены Исполн. Комитета города Темир-Хан-Шуры) и Буйнакского (председатель Петровского Совета Р. Красн. и Крест. Депутатов)...»[1].

В конце июля 1918 г. в городе Темир-Хан-Шуре был созван первый съезд Советов Дагестана. На съезде были представители сельских и окружных Советов крестьянских депутатов и городских Советов. Это была яркая демонстрация преданности горцев Дагестана Советской власти. Горцы свободно обсуждали свои нужды, меры защиты Советской власти и освобождения занятой контрреволюцией и турецкими интервентами части Дагестана.

Одним из основных вопросов на съезде был земельный вопрос. Вокруг помещичьих, княжеских, чанкских и других крупных землевладельческих имений в аулах шла ожесточенная борьба. В некоторых аулах горская беднота еще до установления Советской власти «самовольно» захватила «государственные» и бекские земли и с весны запахивала их. Во многих же аулах землевладельцы и кулачество попрежнему держали в своих руках крупные земельные угодья. Им помогали духовенство и националистические элементы, пропагандировавшие родовые традиции и «священные» законы шариата о «неприкосновенности священной собственности». Земельный вопрос, таким образом, вызвал ожесточенную классовую борьбу в дагестанских аулах. Нужно было практически осуществить решения центрального Советского правительства о ликвидации помещичьей, монастырской и всякой другой собственности на землю и дать отпор духовенству и националистическим защитникам помещичье-кулацкой собственности.

На съезде было вынесено решение о социализации всех земель, лесов, пастбищ Дагестана и национализации бекских, чанкских и кулацких земель и садов.

Первый съезд Советов Дагестана рассмотрел также вопрос о строительстве Советской власти в Дагестане, национализации всех промышленных предприятий, отделении церкви от государства, оживлении и расширении городской промышленности, национализации крупных рыбных промыслов.

Еще в первые дни установления Советской власти в Дагестане Порт-Петровский ревком, как уже говорилось, национализировал

---

[1] Сур. Шаумян. Бакинская коммуна стр. 97—98. Баку. 1927.

текстильную фабрику Тагиева, бондарный завод Наумова, холодильник, пивоваренный завод и поставил во главе их коллегии из рабочих. Но хозяйство этих предприятий было разрушено и расхищено их старыми хозяевами и приказчиками. Надо было восстановить их работу, расширить производство. Особая нужда ощущалась в увеличении выпуска продукции текстильной фабрики: в ее изделиях нуждалось не только население, но и Красная Армия.

Рыбные предприятия Дагестана, имевшие первостепенное значение для молодой Советской республики (все овцеводческие районы Дагестана были заняты контрреволюцией и турецкими интервентами), попрежнему находились в руках князя Тарковского, астраханских крупных рыбопромышленников — Воробьева, Наумкина и других. Нужно было провести в законодательном порядке национализацию этой промышленности и оживить ее работу.

Все взоры трудящихся Дагестана были обращены на север, к центральному Советскому правительству. Всем было ясно, что спасение Советской власти в Дагестане, ее укрепление и освобождение ее территории от дагестанской белогвардейщины и германо-турецкой интервенции зависело от помощи великого русского пролетариата, от помощи центральной Советской власти.

Учитывая опасность со стороны приблизившихся к Кавказу английских интервентов и бешеный натиск германо-турецких интервентов, первый съезд Советов Дагестана решил командировать в Москву и Царицын к товарищу Сталину делегацию во главе с Буйнакским по вопросу о помощи Дагестану. Съезд единогласно избрал первый областной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в составе Уллубия Буйнакского, Махача Дахадаева, Тимошина, Гоголева, М. Хизроева, С. Габиева и других.

По решению съезда Советов, дагестанская делегация отправилась в Царицын. Учитывая обстановку в самом Царицыне, героически отражавшем яростные атаки вооруженных до зубов белоказачьих орд и германских интервентов, и невозможность организации здесь помощи Дагестану в необходимых размерах, Буйнакский, оставив делегацию в Царицыне, поехал в Москву.

Несмотря на трудное положение самого Царицынского фронта, нужды дагестанцев нашли здесь живой отклик. В начале августа была выделена партия оружия — пушки, пулеметы и снаряды — для отправки в Дагестан. Все это было погружено на баржу, которую буксировал небольшой пароход «Аврора». Но эта помощь, сыгравшая большую роль в дальнейшей борьбе в Дагестане, пришла туда только в начале 1919 года: контрреволюционное восстание в Астрахани (15 августа) и английский флот на Каспии не позволили отправить грузы морем, и они были отправлены лишь в декабре через степь на Кизляр.

Учитывая тяжелое положение трудящихся, пострадавших от ограбления и разорения бандами Гоцинского, Узун-Гаджи и других контрреволюционеров, исполком решил оказать им помощь за счет

движимого имущества, конфискуемого у крупных эксплоататоров и заядлых контрреволюционеров, бежавших от Советской власти.

4 августа 1918 г. Дагестанский областной исполком Совдепа, обсудив вопрос об оказании помощи потерпевшим и ограбленным бандой Гоцинского, постановил:

«1. Предложить Военному отделу представить список всех активных бежавших контрреволюционеров.

2. Всем потерпевшим предложить подать заявления о причиненных им убытках.

3. Всем Советам объявить, что недвижимое имущество контрреволюционеров национализируется в пользу общего достояния Дагестана, а движимое имущество распродать.

Исполнительному Комитету возместить убытки потерпевших за счет денег от продажи и доходов обложенного имущества контрреволюционеров» [1].

Решение съезда Советов Дагестана о национализации всех земель, конфискации имущества князей, беков, чанков и других крупных эксплоататорских элементов, а также заядлых контрреволюционеров привело к большому оживлению среди трудящихся горцев. Всюду окружные и сельские общества выносили на своих сходах решения о конфискации земель и имущества помещиков и крупных землевладельцев в организованном порядке.

5 августа, обсуждая решение Кадарского сельского общества о недопущении на жительство в свои аулы чанков и других эксплоататорских элементов, бежавших в горы совместно с контрреволюционерами и воюющих против Советской власти, Дагестанский областной исполком Совдепа постановил:

«Предложить обществу выселить всех мужчин (контрреволюционеров. — **Н. Э.**). Что касается имущества выселенных чанков, то таковое определить обществу, оставив семьям выселенных лишь по трудовой норме, а остальное имущество конфисковать в пользу общего достояния общества» [2].

Решение первого съезда Советов Дагестана и мероприятия по укреплению Советской власти в округах и аулах, а также по борьбе против внутренней контрреволюции и германо-турецкой интервенции еще не были выполнены, как на молодую Советскую республику Дагестана стали надвигаться полчища наймита английских интервентов — полковника Бичерахова, отвлекшие на себя все внимание и силы трудящихся области.

---

[1] Государственный архив МВД Дагестанской АССР, фонд 58, опись 2, дело 9, лист 1.

[2] Там же, лист 21.

Глава V

БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ ДАГЕСТАНА ПРОТИВ БИЧЕРАХОВЩИНЫ

Бичераховский антисоветский мятеж на Тереке и его угроза Дагестану

В продвижении германо-турецких полчищ на Баку и на Дагестан сыграли большую роль события, связанные с контрреволюционными выступлениями верхушки казачества на Тереке, возглавленной меньшевиком Георгием Бичераховым, и действиями отрядов английского наймита Лазаря Бичерахова—его родного брата.

После 2-й сессии съезда народов Терской области в Пятигорске, утвердившей Советскую власть на Тереке, в состав Терской советской республики вошли Пятигорский, Моздокский, Сунженский и Кизлярский казачьи отделы, а также Владикавказский, Грозненский, Хасав-Юртский и другие округа.

Во главе национальных Советов находились националистические верхушки горских народов, в казачьих отделах оставалось белоказачье офицерство. Контрреволюционная верхушка казачества хорошо знала, что Советская республика на Тереке не обладает достаточными вооруженными силами, и поэтому всеми мерами сохраняла до 10 хорошо вооруженных полков с целью ударить позже по Советской власти в крае. Такой же линии придерживались Чеченский и Ингушский национальные советы, также организовавшие вооруженные отряды для борьбы против Советов.

Горцы и трудящиеся городов созывали съезды и создавали свои органы власти. Был созван также съезд терских казаков. Казачий съезд открылся 10 апреля 1918 г. в городе Моздоке. На этом съезде верхушка казачества, объявившая себя «сторонницей» Советской власти, всячески заботилась о сохранении оружия и вооруженных сил для дальнейшей борьбы против Советской власти.

Еще в начале мая 1918 г. руководитель северокавказских большевиков, выдающийся организатор Советской власти на Тереке С. М. Киров предупреждал трудовое казачество и солдат-фронтовиков о возможности выступления контрреволюционной верхушки казачества против Советской власти и призывал их к отпору против мятежа.

«Смотрите, фронтовики, — говорил он, — чтобы офицеры не отняли у вас власть..! Офицеры с кулацкой частью станиц уже

начали организовываться, они могут вас оттеснить. Молодежь и фронтовое казачество весной неизбежно пойдет в поле и временно ослабит общественную и революционную работу. Этим офицерско-кулацкая группа может воспользоваться»[1].

В Терском областном совете образовались казачья и горские фракции. Казачья фракция состояла из бывших царских офицеров, впоследствии сыгравших руководящую роль в антисоветском мятеже на Тереке. Этому способствовало то обстоятельство, что трудовое казачество и крестьянство в связи с разгаром сельскохозяйственных работ было отвлечено и снизило свою политическую активность.

На всех отдельских и окружных съездах большевистская фракция вела за собой осетинскую, кабардинскую фракции и фракцию крестьянской бедноты.

22 мая 1918 г. в Грозном открылась 3-я сессия съезда народов Терской области. Контрреволюционная верхушка казачества организовала на съезде «казачье-крестьянскую фракцию», объединившую крестьян-кулаков с контрреволюционными элементами казачества. Меньшевики создали «социал-демократическую фракцию» в противовес большевистской и активно поддерживали контрреволюционную верхушку казачества. Эсеры вошли в состав «казачье-крестьянской фракции». Однако крестьянская беднота и трудовое казачество шли за большевиками.

По докладу военного комиссара Терской области Бутырина, съезд принял решение о принятии срочных мер к созданию советских военных сил, способных дать революционный отпор всем внешним и внутренним силам контрреволюции.

III съезд народов Терской области вынес решение о национализации всех земель, конфискации крупных помещичьих владений и о передаче их горской и казачьей бедноте. На съезде было решено передать горцам несколько казачьих станиц, вклинившихся далеко в земли, где жили малоземельные горцы. Однако разгоревшаяся вскоре гражданская война не дала возможности осуществить мероприятия, намеченные III съездом народов Терской области.

Контрреволюционная горская и казачья верхушка усиленно готовилась к борьбе против Советской власти. Основным гнездом контрреволюции стал город Моздок. Помимо существовавшего городского Совета рабочих и солдатских депутатов, на Моздокском съезде казачьего отдела был избран еще один народный совет моздокского отдела. В этот народный совет вошли казачье кулачество, офицерство и горская зажиточная верхушка. Председателем Моздокского народного совета был матерый двурушник меньшевик Г. Бичерахов — будущий руководитель и организатор контрреволюционного, антисоветского мятежа, ставший агентом

[1] И. Разгон. Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе 1917—1920 гг., стр. 135.

белогвардейского генерала Деникина, наступавшего на Северный Кавказ.

Контрреволюционной верхушкой казачества на Тереке был создан штаб для организации военных сил. Во главе каждого казачьего округа были назначены видные царские офицеры. Верхушку казачества поддерживали националистические горские главари.

В это время С. М. Киров, по решению партийной организации и Совета народных комиссаров Терской области, выехал в Москву для организации помощи Терской советской республике. После его отъезда положение на Тереке еще более осложнилось. Контрреволюции удалось расправиться с председателем Терского совнаркома — выдающимся большевистским организатором и руководителем трудящихся на Северном Кавказе Ноем Баучидзе. 20 июня Баучидзе был убит на митинге, на котором он призывал трудовое казачество к борьбе с контрреволюционными силами. За несколько дней до этого казачья фракция Терского народного совета выехала из Владикавказа в Моздок.

Контрреволюционные казачьи отряды, по приказу Бичерахова, напали на Моздок и разогнали Моздокский совет рабочих и красноармейских депутатов. В такой обстановке началось заседание Терского казачье-крестьянского съезда.

23 июня Моздокский съезд с участием казачьей фракции Терского областного совета, прибывшей из Владикавказа, образовал под председательством Г. Бичерахова Терский казачье-крестьянский совет. Передавая всю власть в Терской области казачье-крестьянскому совету, съезд объявил войну против Советской власти.

Положение Советской власти на Северном Кавказе усугублялось тем, что с юга ей угрожали грузинские меньшевики, которые действовали по заданиям немецких интервентов, оккупировавших Закавказье. Меньшевистские лидеры Грузии посылали на Северный Кавказ своих уполномоченных, шпионов и вооруженные отряды для подготовки свержения Советской власти на Тереке.

В начале июля 1918 г. мятежные войска Терского казачье-крестьянского совета выступили открыто против Советской власти на Тереке. Контрреволюционный казачье-крестьянский совет предъявил ультиматум Терскому областному совету разоружить отряды красноармейцев, возвратить оружие казачьим станицам и пр. Этот мятеж получил на Тереке название «бичераховщины».

Так на юге образовался новый очаг контрреволюции, который стал вскоре угрожать Владикавказу и Грозному. Кольцо вокруг Советского Дагестана сомкнулось. Дагестан был по существу отрезан от Советской России.

Положение на Тереке так же, как и в Дагестане, стало критическим. Казачьи генералы и контрреволюционное офицерство наступали широким фронтом и занимали станицу за станицей, город за городом. Северному Кавказу требовалась серьезная помощь из центра.

В эти тяжелые для Кавказа дни все руководство борьбой за Советскую власть на Северном Кавказе возглавил чрезвычайный комиссар на юге России, участник Октябрьского восстания в Петрограде, один из храбрейших пролетарских полководцев — Серго Орджоникидзе.

«Чрезвычайному комиссару Совета Народных Комиссаров, товарищу С. Орджоникидзе, поручается организовать под своим председательством временный Чрезвычайный комиссариат Южного района, объединяющий деятельность Крыма, Донской области, Терской области, Черноморской губернии, Черноморского флота и всего Северного Кавказа до Баку.

Цель комиссариата: неуклонное проведение директив центральной Советской власти на суше и на море, концентрированная борьба с буржуазной контрреволюцией, упрочение Советской власти в районе своей деятельности, поддерживание прямой связи областей с Советом Народных Комиссаров» [1].

Выполняя задание Ленина и Сталина, Орджоникидзе сплачивал вокруг большевиков все революционные силы Северного Кавказа. Он организовал горскую крестьянскую и казачью бедноту и направил ее против внутренних и внешних врагов.

9 апреля 1918 г. Серго Орджоникидзе выступил на I съезде Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов Дона. Съезд горячо приветствовал установление на Дону Советской власти и избрал исполком и Совет народных комиссаров Донской республики, в состав которого вошел и Орджоникидзе.

Он организовал оборону Советского Дона против вооруженной до зубов германской захватнической армии и затем выехал на Кубань. Серго Орджоникидзе организовал также борьбу трудящихся Ставропольской губернии.

28 мая 1918 г., выступая на III Чрезвычайном съезде Советов Кубано-Черноморской республики, Орджоникидзе призывал участников съезда к объединению раздробленных советских республик Северного Кавказа в единую Советскую республику Юга. По его предложению, съезд одобрил слияние Кубано-Черноморской республики и высказался за создание единой Северокавказской республики.

Товарищ Сталин, руководивший героической обороной Царицына, следил за событиями на Кавказе. О положении на Северном Кавказе И. В. Сталина информировал Серго Орджоникидзе. При участии Орджоникидзе в Екатеринодаре 5—7 июля 1918 г. проходил I Северокавказский съезд Советов, который признал, что «для организации успешной совместной борьбы с надвигающимися на Северный Кавказ бандами германских, турецких, грузинских и донских контрреволюционеров, — необходимо самое тесное

---

[1] XXXV Ленинский сборник, стр. 19.

объединение всех советских республик между собою и самая тесная связь их с центром» [1].

Придавая событиям на Северном Кавказе серьезное значение, товарищ Сталин 26 июля телеграфировал из Царицына в Москву:

«Положение всей кубанской армии отчаянно неприглядно, армия осталась без необходимых предметов вооружения, она отрезана, и гонят ее к морю. Если мы с севера не пробьемся и не соединимся с ними [в] ближайшие дни, то весь Северный Кавказ, закупленный хлеб и всю тамошнюю армию, созданную нечеловеческими усилиями, потеряем окончательно.

Своими собственными усилиями, мы... из Царицына пробиться к ним в ближайшие дни не сможем. Для ускорения и спасения дела необходима дивизия, отсюда неизбежная просьба как приехавших сюда товарищей, так и окружного Военсовета дать нам срочно дивизию. Я знаю, что вы с Военсоветом формируете дивизию для Баку, шлите ее нам срочно, и все будет спасено в несколько дней. В крайнем случае срочно соберите части, соедините вместе и шлите срочным порядком. Все факты, все данные, вся обстановка дела говорит о том, что спасение в присылке по крайней мере дивизии...

Ваш СТАЛИН» [2].

Вскоре Терская область была отрезана от станции Прохладная, от главных частей Северокавказской Красной Армии. Сама эта армия была разрезана на отдельные группировки. «Добровольческие» полки генерала Деникина заняли Кубань, Ставрополь, двигались к Тереку и Дагестану.

Серго Орджоникидзе продолжал тем не менее развертывать энергичную работу. 23 июля на IV съезде народов Терской области во Владикавказе он возглавил рабоче-крестьянскую и красноармейскую фракции съезда. Пытаясь захватить съезд, во Владикавказ в ночь с 5 на 6 августа ворвались контрреволюционные казачьи отряды полковника Беликова и полковника Соколова. Завязались уличные бои. Серго Орджоникидзе собрал все революционные элементы горцев, рабочих Владикавказа, «кермениcтов» из Северной Осетии и после 18 дней уличных боев разгромил контрреволюционные банды. Заседания прерванного IV съезда народов Терской области возобновились. Во Владикавказе в состав Совнаркома Терской республики прошли в подавляющем большинстве коммунисты.

Но контрреволюционные казачьи полки в это время крепким кольцом окружали города Грозный, Кизляр и угрожали Дагестану. Вся зажиточная часть осетин поддерживала своего соплеменника Бичерахова, вышедшего из среды осетинского дворянства, допущенного царизмом в ряды привилегированного казачества. Но трудящиеся Осетии слились в отряды «кермениcтов» и всецело

[1] «Известия Северокавказского ЦИК» от 30 июля 1918 года.

[2] Документы по истории гражданской войны в СССР, т. I, стр. 240. Госполитиздат. 1941.

поддерживали Советскую власть. Многие выдающиеся организаторы отрядов «Кермен» отдали свою жизнь за дело Советской власти в борьбе с бичераховской бандой во время августовских событий во Владикавказе.

Совет народных комиссаров Терской республики, по предложению Орджоникидзе, обратился к трудящимся осетинам с призывом всецело поддерживать все мероприятия Советской власти в борьбе против контрреволюции, за отдачу земли трудящимся.

О тяжелом положении на Тереке, об антисоветском мятеже в Терской области, об отрыве южных продовольственных районов от центра еще ярче было зафиксировано в письме товарища Сталина В. И. Ленину от 4 августа 1918 года.

«Я уже не говорю о том критическом положении, в которое попали Кизляр, Брянское, Баку, — писал товарищ Сталин в этом письме.—Англофильская ориентация окончательно провалена, но на фронте там дела обстоят более чем неблагополучно. Кизляр, Прохладная, Ново-Георгиевское, Ставрополь в руках восставших казаков. Только Брянское, Петровск, Минеральные Воды, Владикавказ, Пятигорск и, кажется, Екатеринодар пока еще держатся.

Создалось, таким образом, положение, при котором связи с югом, с его продовольственными районами прерваны, а сам Царицынский район, связывающий центр с Северным Кавказом, оторван, в свою очередь, или почти оторван от центра» [1].

Наступление «добровольческой армии» Деникина, прервавшее связь Северокавказской армии с Царицыным, с одной стороны, занятие войсками мятежников Бичерахова значительной части Терской области, окружение ими Грозного, Кизляра — с другой, не давали возможности перебросить большое количество хлеба, заготовленное на Тереке и Северном Кавказе, в Центральную Россию. Единственная пристань на Каспийском море — Брянская — была также отрезана окружающими город Кизляр бичераховцами.

«Положение с продовольствием после перерыва связей с Северным Кавказом стало безнадежно, — писал тогда товарищ Сталин В. И. Ленину. — Свыше семисот вагонов стоит на Северном Кавказе на колесах, свыше полутора миллиона пудов заготовлено, а вывезти весь этот груз не представляется никакой возможности, ввиду перерыва сношений как железной дорогой, так и морем (Кизляр, Брянское не в наших руках)...

В общем нужно сказать, что до восстановления связи с Северным Кавказом рассчитывать (особенно) на Царицынский участок (в продовольственном отношении) не приходится» [2].

Ленин, получив подробные сообщения товарища Сталина о критическом положении на Кавказе и учитывая тяжелую обстановку в Баку и серьезную угрозу захвата его со стороны германо-турецких интервентов и английских оккупантов, направил в Баку

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 123.
[2] Там же, стр. 124, 126.

срочным порядком пехотный полк своего имени. В. И. Ленин специальной телеграммой предупредил военкомов Саратова и Царицына: «Полк имени Ленина следует на Баку. Примите срочные меры к быстрому продвижению. За всякую задержку будете подлежать строгой ответственности. О времени прибытия и отбытия срочно уведомьте оперативный отдел Наркомвоена» [1].

К моменту прибытия полка имени Ленина в Царицын Баку был уже занят войсками английских интервентов, а Северный Кавказ отрезан от Советской России деникинскими бандами. Полк этот принял участие в обороне Царицына.

Отрезанный от Царицына Северный Кавказ, оторванная от Северокавказской армии Терская советская республика и сжатая почти со всех сторон Дагестанская советская республика находились в тяжелом положении. Серго Орджоникидзе сплачивал трудящихся Терской республики для борьбы против бичераховщины.

Несмотря на то что значительная часть трудового казачества была втянута в антисоветский мятеж Бичерахова, Орджоникидзе удалось организовать издание специальной газеты — «Терский трудовой казак». Она помогла отколоть трудовое казачество от его контрреволюционных казачье-помещичьих главарей. Орджоникидзе посылал в казацкие станицы казаков-агитаторов для отрыва бедноты от кулачества, втянутого в мятеж Бичерахова. После освобождения Владикавказа и окружающих станиц и аулов от бичераховщины Серго Орджоникидзе послал в казачьи станицы советских работников для предотвращения возможных эксцессов против семей казачьей бедноты и тех казаков, которые не участвовали в отрядах бичераховцев.

Большую помощь Серго Орджоникидзе в работе среди казачьей бедноты оказывала группа трудовых казаков во главе с Дьяковым. Орджоникидзе поддерживал эту маленькую группу, оставшуюся от казачьей фракции Терского совета. Эта группа создала Красную казачью дивизию из казачьей бедноты Сунженской линии и героически сражалась против бичераховцев на Тереке.

В результате проведенной Орджоникидзе настойчивой большевистской работы трудовое казачество стало переходить на сторону советских войск и сражаться против бичераховских банд.

Падение Советской власти в Баку и действия Л. Бичерахова — наймита английских интервентов

В самый разгар наступления германо-турецких интервентов на Советский Баку английские интервенты, находившиеся в Иране, также готовились протянуть свои империалистические лапы к Кавказу. Глава английских интервентов в Иране генерал Денстервилль, не имея достаточных военных сил для вторжения в Баку, стал подготавливать свержение Советской власти в Баку из Ира-

[1] XXXIV Ленинский сборник, стр. 39.

на. Большую помощь ему оказывали агенты империалистических хищников — бакинские эсеры, меньшевики и дашнаки. Имея целью утвердить свое господство на Кавказе и в Туркестане, захватить бакинскую нефть и туркестанский хлопок, английские интервенты ускорили свое движение на Кавказ.

Еще в ноябре 1917 г., когда русские войска стали уходить из Северного Ирана, англичане стали двигаться на Тегеран, Казвин, по направлению к Решту. Английская военная миссия во главе с генералом Денстервиллем завербовала полковника Лазаря Бичерахова, командовавшего отрядом казаков из состава русской армии, покидавшей Северный Иран. Бичерахов, который получил чин генерала английской службы, оказывал большую помощь английской военной миссии, не имевшей достаточной вооруженной силы.

Денстервилль заключил специальный договор с Бичераховым, обязывавший Бичерахова не выводить своих войск из Ирана, пока он, Денстервилль, не сумеет заменить их своими частями.

В этом договоре был следующий пункт, содержание которого известно по мемуарам Денстервилля: «Если Бичерахов окажет мне, — писал Денстервилль, — должное содействие в Персии, то мы совместно выработаем план действия на Кавказе, где моя помощь будет ему не менее ценна, чем его мне»[1].

Цель английской военной миссии заключалась в том, чтобы как можно быстрее добраться до Кавказа, захватить Баку и распространить английское влияние на весь Кавказ. Но, имея при себе лишь 12 офицеров, 30 солдат, 41 шофера и 2 писарей[2] в окружении враждебно настроенных иранцев, он без помощи Бичерахова и его войск выполнить эту задачу не мог.

Для достижения поставленной цели генерал Денстервилль пустил в дело имевшееся у него в неограниченном количестве английское золото и вошел в сношения с эсерами, меньшевиками и дашнаками, которые выразили согласие оказывать ему всяческую помощь в английских операциях на Кавказе и в Баку.

Договорившись с бакинскими эсерами и обещав им поддержку оружием и финансами для совершения контрреволюционного переворота в Баку, Денстервилль подготовил войска Бичерахова к высадке на Кавказ.

28 июня 1918 г. Денстервилль окончательно договорился с Бичераховым о своем плане кавказской операции.

«В Энзели мы прибыли 27-го июня и остановились в помещении рыбных промыслов, — пишет в своих мемуарах Денстервилль. — Два дня, 27-е и 28-е, были целиком посвящены обсуждению планов с Бичераховым»[3].

---

[1] Генерал-майор Денстервилль. Британский империализм в Баку и Персии 1917—1918 гг., стр. 67. Тифлис. 1925.

[2] Там же, стр. 73.

[3] Там же, стр. 146.

Бичерахов, по заданию Денстервилля, решил прикинуться сочувствующим Советской власти, так как он не видел другого способа добраться до Кавказа. «Об этом решении, — пишет Денстервилль, — он (Бичерахов. — Н. Э.) писал и телеграфировал Комитету большевиков, признаваясь чистосердечно, что только Советская власть (новое название большевистской власти) может спасти Россию» [1].

Бакинские большевики, осведомленные о связях Бичерахова с английской миссией в Иране, сначала отрицательно относились к заявлению Бичерахова. Однако эсеры, меньшевики и дашнаки всячески старались убедить Шаумяна и Бакинский совет в необходимости использования Бичерахова против наступавших на Баку войск германо-турецких интервентов. Пытаясь склонить на свою сторону массы, эсеры добились опубликования в бакинских газетах «патриотических» заявлений Бичерахова и стали превозносить его как героя, любящего отечество и готового спасти его от германо-турецкого ига.

Бичерахов использовал момент критического положения Кавказской Красной Армии: хорошо вооруженные регулярные армии германо-турецких интервентов заняли Александрополь и двигались дальше на Баку.

«Я не большевик и не меньшевик, — лицемерно писал он в Бакинский совет, — люблю свою родину, умею немного воевать и иду оказывать помощь Бакинскому Совету в защите города Баку от вторжения турок» [2].

Зная борьбу бакинских большевиков против эсеров, меньшевиков и дашнаков вокруг его предложения, Бичерахов еще лицемернее стал твердить о том, что он, Бичерахов, относится отрицательно к вопросу «...по поводу принятия англичан в Баку для совместного участия в действиях против Турции, отмечая при этом империалистические цели англичан» [3].

Английские интервенты обеспечили Бичерахова английскими офицерами, ротой бронированных автомобилей и щедро субсидировали золотом, но, отправляя Бичерахова на Кавказ, строго предупреждали его о необходимости соблюдать осторожность. Боясь, чтобы английское оружие и броневики не попали в руки большевиков, для высадки Бичерахова Денстервилль выбрал не Баку, а место близ станции Алят, южнее Баку, где железная дорога делает поворот на Тифлис. Высадка на Алят была мотивирована тем, что якобы этот пункт находится ближе к фронту.

1 июля Бичерахов высадился на Алят, и его отряд был включен в Кавказскую Красную Армию.

С первого же дня вступления в Красную Армию Бичерахов всячески старался ослабить фронт, дать возможность турецко-

---

[1] Генерал-майор Денстервилль. Британский империализм в Баку и Персии 1917—1918 гг., стр. 146.

[2] «Тифлисский листок» № 176 за 1918 год.

[3] Там же.

германским войскам значительно продвинуться вперед, сваливая всю вину на небоеспособность Красной Армии. Это давало ему возможность усилить панику в Баку, что было наруку эсеро-меньшевистским, дашнакским предателям. Эсеро-меньшевистская агентура с помощью Бичерахова распространяла в Баку слухи о небоеспособности и недисциплинированности Красной Армии и необходимости приглашения в Баку англичан для защиты от германо-турецких полчищ.

Войскам Бичерахова было приказано занять Евлахский мост и не дать германо-турецким и муссаватистским полчищам перейти реку Куру. Занятие этого единственного оставшегося моста на пути продвижения неприятеля надолго могло остановить его наступление, это дало бы возможность укрепиться Красной Армии на удобных позициях на западных подступах к Бакинскому району. Однако Бичерахов дал возможность врагу перейти Куру и продвигаться в пределы Бакинской губернии.

Английская военная миссия рассчитывала на быстрый успех Бичерахова и установила регулярную связь с бакинскими эсерами, меньшевиками, дашнаками, готовившими свержение Советской власти под предлогом неудач на фронте и необходимости приглашения в Баку англичан. Медлительность подрывной деятельности Бичерахова и его осторожность стали беспокоить Денстервилля.

«До сего времени я не получал никаких известий от Бичерахова, и, естественно, мне очень хотелось знать, — писал Денстервилль, — как развиваются его похождения. Возможность попасть нам в Баку, либо с его помощью, либо своими собственными средствами с каждым днем становилась все более вероятной. Связь с Баку у меня была налажена при посредстве почти ежедневных курьеров, и наши друзья, социал-революционеры, казалось, были в состоянии произвести в скором времени Coup d'Etat, т. е. свергнуть большевиков, установить новую форму правления в Баку и пригласить на помощь англичан. Для того, чтобы воспользоваться удобным моментом, могущим представиться каждый день, мне все еще нехватало сил» [1].

Чтобы ускорить действия Бичерахова и свержение Советской власти в Баку, английский генерал вызвал Бичерахова в Энзели и уточнил детали гнусного плана. «Мы пришли к полному соглашению относительно планов наших совместных действий, на которые я возлагаю большие надежды и о которых я здесь умолчу, — цинично писал Денстервилль. — ...Раз он (Бичерахов. — Н. Э.) только там утвердится, то дело будет в шляпе... Он в данный момент является нашей единственной надеждой» [2].

---

[1] Генерал-майор Денстервилль. Британский империализм в Баку и Персии 1917—1918 гг., стр. 159.

[2] Там же, стр. 164.

Все приведенные материалы о начале южной бичераховщины и циничная откровенность главы миссии английских оккупантов не оставляют ни тени сомнения в том, с какими заданиями Бичерахов стал двигаться дальше на Дагестан после падения Советской власти в Баку.

Свыше 12 тысяч хорошо вооруженных германо-турецких войск, среди которых около половины составляли банды азербайджанских муссаватистов, набранных генералом Али-Ага Шихлинским, начали наступление на Баку. Казачьи отряды Бичерахова, по сговору со своими хозяевами из Ирана, быстро отошли на северо-запад, чтобы предупредить помощь, которую Дагестан мог оказывать изнемогавшему Баку.

Положение Советского Баку стало критическим: он был окружен.

«Меньшевикам, эсерам и дашнакам действительно удалось посулами помощи англичан, — писал товарищ Микоян, — против осаждавших Баку турок запутать значительную часть бакинских рабочих.

Рабочие дрогнули. Не было хлеба: Баку уже был отрезан от Северного Кавказа казачьими бандами. Голод гулял по рабочим кварталам. Баку был отрезан от источника доброкачественной воды. Под стенами города скапливалось все больше и больше контрреволюционных полчищ. Гуд артиллерийского огня заглушал притихшие заводские гудки. Страх возможной расправы контрреволюции подтачивал силы рабочих. Пользуясь легальностью, эсеро-меньшевистские прохвосты безнаказанно отравляли сознание рабочих мыслью о том, что стоит им захотеть и несчетное количество «культурных» английских войск придет на помощь своим «братьям-союзникам» против турок, спасет город» [1].

Задуманный английскими интервентами и Бичераховым план осуществился. Эсеро-меньшевистско-дашнакские предатели предложили большевикам призвать «на помощь» в борьбе с турками и немцами английских интервентов из Ирана. Бичерахов предательски открыл врагу путь в Баку.

Бакинские большевики — Шаумян, Джапаридзе, Азизбеков, Микоян и другие — вели непримиримую борьбу против эсеров, дашнаков и меньшевиков. В этой борьбе бакинские большевики получали поддержку и руководство от В. И. Ленина и И. В. Сталина.

В Порт-Петровске, Астрахани, Екатеринодаре и других городах провокаторы распространяли слухи, будто большевики ввели в Баку английские войска и организовали оборону совместно с империалистами Антанты против наступавших германо-турецких

---

[1] «Красный архив» № 4—5 за 1938 год, стр. 6.

оккупантов. Цель этих слухов — дезорганизовать помощь, которая могла быть оказана истекавшему кровью Баку со стороны Северного Кавказа и из Астрахани. Бакинские большевики 23 июня опубликовали от имени Бакинского совнаркома и совдепа письмо совдепам Петровска, Екатеринодара, Астрахани, Царицына и Саратова: «В опровержение этих провокационных слухов заявляю, что никаких английских частей в Баку нет. Никакого соглашения у Бакинской Советской власти с англичанами о совместной обороне Баку нет и быть не может. Империалистические стремления, откуда бы они ни исходили, будут встречать всегда самый решительный отпор со стороны бакинского пролетариата и Кавказской Советской Красной армии. Председатель Бакинского совета народных комиссаров и чрезвычайный комиссар по делам Кавказа С. Шаумян. Председатель Бакинского совдепа А. Джапаридзе» [1].

И. В. Сталин 21 июля телеграфировал В. И. Ленину:

«По сообщению из Баку от Шаумяна эсеро-дашнаки в Совете требуют призвания англичан в Баку на помощь. Часть армии и флота, с'агитированная агентами англо-французов, требует того же. Шаумян требует от меня срочного официального сообщения о мнении Правительства. Я счел нужным послать в Баку следующую телеграмму: «По последним сведениям народнические фракции Бакинского Совдепа добиваются призвания варягов-англичан, якобы на помощь против турецких захватчиков. Принимая во внимание опыт такой помощи со стороны англо-французов на Мурмане и Дальнем Востоке, можно с уверенностью сказать, что народнические фракции, сами того не сознавая, подготовляют почву для оккупации Баку и его районов. Вместе с тем несомненно, что попытка народнических партий кустарным образом разрешить вопрос международной политики в то время, когда Пятый Всероссийский Съезд Советов определенно высказался за независимую политику Российской Советской республики, независимую как от немцев, так и от англичан; такая попытка народнических партий является грубым нарушением организованной воли России в угоду кучке англо-французских империалистов. Именем Всероссийского ЦИК и Совета Народных Комиссаров я требую от всего Бакинского Совета, от армии и флота, полного подчинения воле рабочих и крестьян всей России. Во исполнение решения Пятого Съезда Советов я требую от Бакинского Совнаркома безоговорочного проведения в жизнь независимой международной политики и решительной борьбы с агентами иноземного капитала, вплоть до ареста членов соответствующих комиссий» [2].

22 июля, по получении сообщения товарища Сталина, В. И. Ленин прислал Шаумяну телеграмму: «Могу только поддер-

---

[1] Э. Бурджалов. Двадцать шесть бакинских комиссаров, стр. 76.
[2] «Красный архив» № 4—5 за 1938 год, стр. 23.

жать вполне телеграмму Сталина против народнической фракции Бакинского совдепа и относительно воли Пятого Съезда советов»[1].

Эсеры, меньшевики и дашнаки все сильнее настаивали на своем предложении о передаче Советского Баку англичанам для «защиты» от германо-турецкого вторжения.

В. И. Ленин и И. В. Сталин, изыскивая меры спасения Баку от этого вторжения и господства англичан, распорядились подготовить и послать в Баку помощь из Астрахани. Но оперативный отдел Астраханского ревкома не сумел в кратчайший срок подготовить необходимую помощь.

Эсеро-меньшевистско-дашнакские фракции, зная о готовящейся для Баку помощи, категорически требовали от большевиков обсуждения их предложения в Бакинском совете, невзирая на телеграммы И. В. Сталина, настояния В. И. Ленина против сдачи Баку англичанам.

25 июля председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Свердлов еще раз напомнил Бакинскому совету: «Всякое выступление, расходящееся с решением верховного органа Советской республики, будет в интересах только империалистов и контрреволюционеров. Подтверждаем телеграмму Сталина, категорически требуем безусловного подчинения Бакинского Совета, всех рабочих, армии, флота решениям Съезда и указаниям ВЦИК и Совнаркома»[2].

25 июля эсерам, меньшевикам и дашнакам удалось поставить вопрос о приглашении англичан в Баку на заседание Бакинского совета. Большевистская фракция во главе с Шаумяном, Джапаридзе и другими предложила немедленно принять все меры для защиты Баку «своими революционными силами и силами революционной России и положить конец всякой растлевающей и дезорганизующей агитации за приглашение англичан»[3].

Но врагам Советской власти, предателям трудящихся, эсерам, меньшевикам и дашнакам большинством голосов удалось на этом заседании отклонить предложение большевиков, и 259 голосами против 226 Совет принял резолюцию о приглашении в Баку английских оккупантов и о создании нового правительства без большевиков.

Очутившись на Совете в меньшинстве, большевики сложили с себя ответственность, подав в отставку, чем воспользовались эсеры, меньшевики, дашнаки и другие англофилы и захватили власть в свои руки. «...Бакинские большевики, во главе с Шаумяном и Джапаридзе, оставшись в меньшинстве, сняли с себя полномочия и очистили поле для политических противников»[4], — писал об этом товарищ Сталин.

---

[1] «Красный архив» № 4—5 за 1938 год, стр. 23.
[2] Там же, стр. 25.
[3] Там же, стр. 25—26.
[4] И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 253.

Эсеры, меньшевики и дашнаки, захватив власть в свои руки, образовали в Баку правительство «диктатуры Центрокаспия» и пригласили англичан. План главы английской миссии в Иране генерала Денстервилля о захвате Баку, таким образом, был осуществлен бакинскими эсерами, меньшевиками, дашнаками и другими агентами Антанты.

«Большевики, — писал И. В. Сталин, — решили эвакуироваться в Петровск, ближайший пункт Советской власти, с согласия вновь образовавшейся тогда в Баку английско-эсеро-меньшевистской власти. Но по дороге в Петровск пароход с бакинскими большевиками и их семействами был обстрелян погнавшимися за ним английскими судами» [1].

Все оставшиеся верными Советской власти красноармейские части были разоружены и все руководители большевиков арестованы.

Наиболее близкая к Баку Советская республика—Дагестан—не могла организовать помощи Советскому Баку. Дагестанский областной совет сам вынужден был за две недели до этого обратиться в Баку за военной помощью. Бакинские большевики во главе с Шаумяном, учитывая безвыходность положения Советского Дагестана, выделили эшелон вооружения и боеприпасов и приготовили к отправке в Порт-Петровск, но предательство Бичерахова помешало получению так необходимого Дагестану оружия. Эшелон не дошел до Дагестана, он был захвачен Бичераховым на станции Баладжары.

Дагестанские большевики заклеймили бакинских предателей—эсеров, меньшевиков, дашнаков. 28 июля председатель Дербентского совета Кази-Магомед от имени дагестанских большевиков и трудящихся телеграфировал в Баку Шаумяну:

«Все те, кто против решения V съезда, — суть изменники Рабоче-Крестьянской России. Мы, как один, будем защищать Советскую Российскую республику. Позор изменникам!» [2].

Все арестованные руководители бакинских большевиков и ответственные советские работники были отданы на расправу английским «цивилизованным» и «гуманным» хищникам. Все 26 комиссаров — Степан Шаумян, Алеша Джапаридзе, Мешади Азизбеков, Григорий Корганов, Иван Фиолетов, Иван Малыгин, Павел Зевин, Петров, Басин и другие — были вывезены англичанами в Красноводск. 20 сентября 1918 г. еще до рассвета между станциями Ахча-Куйма и Перевал были зверски расстреляны англичанами и их лакеями — эсерами и меньшевиками — 26 бакинских комиссаров.

«В «цивилизованных» странах принято говорить о терроре и ужасах большевиков, — писал И. В. Сталин. — Причем англо-

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 253—254.

[2] «Известия Совета рабочих, красноармейских, матросских и крестьянских депутатов Бакинского района» от 30 июля 1918 года.

французских империалистов изображают обычно как врагов террора и расстрелов. Но разве не ясно, что никогда Советская власть не расправлялась со своими противниками так низко и подло, как «цивилизованные» и «гуманные» англичане, что только империалистические людоеды, насквозь прогнившие и потерявшие всякий моральный облик, могут нуждаться в ночных убийствах и разбойничьих нападениях на безоружных политических работников противоположного лагеря?» [1].

Борьба трудящихся Дагестана против Бичерахова и турецких интервентов

4 августа 1918 г. в Баку прибыл первый отряд англичан, торжественно встреченный эсерами, дашнаками, меньшевиками, купцами, нефтепромышленниками и всеми теми, кто скрыто, а в последнее время открыто вели борьбу против Советской власти. 17 августа в Баку прибыл еще один отряд англичан в количестве около 900 человек во главе с генералом Денстервиллем. Английские интервенты немедля прибрали к своим рукам Каспийский флот и стали выкачивать нефть.

Бакинские эсеры, дашнаки и меньшевики рассматривали приход англичан как серьезную помощь правительству «диктатуры Центрокаспия». Но англичане чувствовали себя хозяевами положения, они не хотели быть на положении «гостей» и властно диктовали свою волю эсерам, меньшевикам и другим «хозяевам» Баку.

«Приглашая англичан в Баку и предавая большевиков, — писал товарищ Сталин, — бакинские меньшевики и эсеры думали «использовать» английских «гостей» как силу, причем предполагалось, что хозяевами в стране останутся меньшевики и эсеры, «гости» же уедут во-свояси. На деле получилось обратное: «гости» стали неограниченными хозяевами, эсеры и меньшевики превратились в непременных участников злодейского и низкого убийства 26 большевистских комиссаров...» [2].

Став хозяевами положения в Баку, английские оккупанты стали развертывать широкие планы своей интервенции на юге России. В эти планы входила оккупация побережья Каспийского моря, блокада Астрахани и организация помощи чехословацкому мятежу на Волге и «Самарской учредилке». Это было попыткой организации общей блокады Российской Федеративной Советской Республики на юге. Осуществление этого широко задуманного плана лишало Советскую республику еще и грозненской нефти, каспийской рыбы, богатых продовольственных южных районов.

После установления в Баку «диктатуры Центрокаспия» Бичерахов, ставший в то время генералом английской службы, получил

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 254—255.
[2] Там же, стр. 255.

задание двигаться на север — на Советский Дагестан, захватить Порт-Петровск и Грозный, с тем чтобы соединиться со своим братом, поднявшим антисоветский белоказачий мятеж на Тереке.

Пополнив свои войска эсеро-дашнакскими элементами и захватив бронепоезда Кавказской Красной Армии, Бичерахов начал поход на Дагестан.

Новая обстановка вызвала необходимость создания в Дагестане Чрезвычайного военного совета. Чрезвычайный комиссар юга С. Орджоникидзе командировал в Дагестан Оскара Лещинского, одного из активных политработников Северокавказской Красной Армии, только что прибывшего из центра, с помощью для Советского Терека. По указанию товарища Сталина в Дагестан был также немедленно командирован начальник штаба советских войск в Астрахани — Н. Анисимов.

В состав Чрезвычайного военного совета Дагестана вошли: военный комиссар Дагестанского областного совета Махач Дахадаев, командир конного полка Тимошин, Лещинский, Анисимов и другие.

Первая задача Чрезвычайного военного совета заключалась в помощи Кизляру и Грозному, ликвидации там контрреволюционного белоказачьего мятежа, а затем организации совместно с терскими советскими частями и частями Красной Армии Астрахани революционного отпора надвигающемуся с юга генералу Бичерахову.

Чрезвычайный военный совет не успел еще отправить свои отряды на Кизляр и Грозный, как была получена весть о нападении войск Бичерахова на Дербент.

В середине августа 1918 г. в Южном Дагестане все районы были захвачены отрядами турецких интервентов и их лакеев из местных помещиков, буржуазии, пантюркистов и агентов горского правительства. Обложенный почти со всех сторон Советский Дербент отчаянно защищался от натиска многочисленных турецких и местных банд. Нападение Бичерахова создало критическое положение для Дербента. Военный комиссар Дахадаев во главе красноармейских частей отправился на помощь Дербентскому совету.

Дербентский совет оказывал героическое сопротивление Бичерахову. Но отряды Дербентского совета после упорного сопротивления частью вынуждены были отступить по железной дороге на север для соединения с отрядом Махача Дахадаева, частью погибли в неравных боях; небольшая часть под начальством Пугина попала в руки бичераховцев и была зверски расстреляна. Председатель Дербентского совета Кази-Магомед Агасиев с группой большевиков вынужден был уйти в подполье, но вскоре был схвачен бандитской шайкой наемников турецких интервентов и зверски замучен недалеко от Касумкента.

Чрезвычайный военный совет Дагестана перебросил главные силы на борьбу с Бичераховым, но преимущество было на стороне врага. Отряды Махача Дахадаева вынуждены были после ожe-

сточенных боев под древними стенами Дербента отступить к станции Манас.

Бичерахов обратился к Дагестанскому чрезвычайному военному совету с предложением пропустить его войска через Дагестан на Северный Кавказ, обещая не задержаться в Дагестане.

Дагестанские меньшевики, эсеры и буржуазные националисты во главе с Коркмасовым попытались повторить игру бакинских предателей: вступили в переговоры с Бичераховым и предложили Чрезвычайному военному совету беспрепятственно пропустить «мирный отряд» Бичерахова через Дагестан. Предатели даже послали к генералу услужливую делегацию для заключения договора, но Бичерахов арестовал делегатов и двинулся на станцию Манас.

Чрезвычайный военный совет мобилизовал все силы и решил дать отпор наступавшему врагу. Оскар Лещинский, как представитель Чрезвычайного комиссара юга России, мобилизовал рабочих Порт-Петровска и перебросил их к Манасу. К рабочим присоединился только что приехавший из Астрахани отряд в 150 человек. Перед отправкой на фронт рабочие и бойцы вынесли резолюцию: «Клянемся бороться с Бичераховым до последней капли крови».

В течение двух недель отряды Махача Дахадаева отражали бешеный натиск сил Бичерахова. За две недели советские части потерпели сильный урон. Отряды Советской Красной Армии, измученные в беспрерывных боях против турецких интервентов и банд дагестанской белогвардейщины, потерявшие почти половину своего состава, вынуждены были отступать. Махач Дахадаев с конным полком решил отойти за Порт-Петровск и продолжать обстрел подходивших к городу с горы Тарки-Тау войск Бичерахова. Другая часть советских войск ушла к Кизляру.

Большой урон понесли и бичераховские войска, подходившие к Порт-Петровску. Конный полк Тимошина, бойцы отряда Ляхова под командованием Махача Дахадаева с вершины Тарки-Тау открыли интенсивный огонь по подходившему к городу противнику. Махач лично корректировал огонь батарей. Десятки снарядов советских батарей попали в бичераховские эшелоны и пароходы.

«Меня поразил талант, обнаруженный инженером Дахадаевым при защите Петровска»[1], — говорил Бичерахов.

Трижды превосходивший по численности, оружию и технике, последний напор войск Бичерахова на Порт-Петровск разбил силы Дагестанской Красной Армии на отдельные группы. Вновь собрать эти рассеянные остатки войск и быстро сгруппировать их в одно целое оказалось невозможным.

2 сентября 1918 г. войско Бичерахова с помощью английской флотилии после упорного сопротивления советских войск заняло

---

[1] Материалы секретариата главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», фонд VII тома, папка 2, дело 3, стр. 3.

Порт-Петровск. Эсеры, дашнаки и меньшевики ликовали. О падении Порт-Петровска немедленно же было сообщено в Баку английским представителем при Бичерахове майором Роуландсоном.

В борьбе против многочисленных банд турецких интервентов и дагестанской белогвардейщины, с одной стороны, и против бронированных полчищ агента английских империалистов генерала Бичерахова — с другой, Дагестанский чрезвычайный военный совет мог рассчитывать только на те силы, которые имелись в Дагестане. В этой тяжелой обстановке Советская власть и трудящиеся Дагестана обращали свои взоры на север, только на Российскую Советскую Республику — на Царицын и на Астрахань. Но положение самой Российской Советской Республики было крайне тяжелым. Немецкие полчища, захватив всю Украину, весь Крым, часть Северного Кавказа, все яростнее стремились продвигаться в глубь нашей страны, японские хищники свирепствовали на Дальнем Востоке, английские империалисты блокировали страну из Мурманска и Архангельска, а восставшие по заданию английских империалистов чехословаки заняли Сибирь, Урал, часть Поволжья и угрожали Советской власти в центре. Организовать помощь Дагестану, оторвать с какого-нибудь участка фронта дивизию или полк было почти невозможно.

О тяжелом положении на Кавказе и в Баку и о невозможности организации серьезной помощи сообщил 23 августа В. И. Ленин Туркестанскому совнаркому.

«О Кавказе и Баку знаем мало. Сведения не проверены. На Северном Кавказе Советская власть. Ее войска отрезаны от Царицына, осаждаемого с юга казаками. В Баку высадились англичане, и положение там неустойчивое. Немцы согласны гарантировать ненаступление на Баку, если мы выгоним оттуда англичан. Неизвестно, как сложатся там дела. О военной помощи не знаем, где она» [1].

31 августа 1918 г. товарищ Сталин писал В. И. Ленину о ходе борьбы на Кавказе и за Каспий. Он просил направить из Балтийского флота военно-морские силы, чтобы использовать их в борьбе с английскими интервентами и Бичераховым.

Товарищ Сталин писал:

«Дорогой товарищ Ленин!

Идет борьба за юг и Каспий. Для оставления за собой всего этого района (а его **можно** оставить за собой!) необходимо иметь несколько миноносцев легкого типа и штуки две подводных лодок (подробнее спросите Артема). Умоляю Вас разбить все преграды и тем облегчить — двинуть вперед дело немедленного получения требуемого. Баку, Туркестан, Северный Кавказ будут (безусловно!) нашими, если немедля будут удовлетворены требования.

---

[1] XXXIV Ленинский сборник, стр. 41—42.

Наши дела на фронте идут хорошо. Не сомневаюсь, что пойдут еще лучше (казачество разлагается окончательно).

Жму руку моему дорогому и любимому Ильичу.

Ваш ***Сталин***»[1].

Тяжелое положение Центральной России, героическая оборона Красной Армии от многочисленных полчищ внешней, империалистической и внутренней, белогвардейской контрреволюции не давала возможности организовать и эти силы. Бичерахов, захватив Порт-Петровск, закрепил Дагестанское побережье Каспийского моря за собой.

Несмотря на тяжелое положение, разрозненные красноармейские части и красные партизаны не теряли революционного духа и бодрости. Махач Дахадаев отступил к Темир-Хан-Шуре, предполагая пробиться в горы для пополнения отряда. Красноармейский отряд и кумыкские партизаны, отступившие из Порт-Петровска в Чир-Юрт, созвали митинг, на котором красные командиры призывали трудящихся организовать достойный отпор Бичерахову. Выступая на этом митинге, представитель Красной Армии заявил: «Враги революции, все казачьи генералы, кумыкские князья и землевладельцы, чеченские шейхи, дагестанские князья и офицеры, сколько бы между собой ни враждовали, а против рабочих и крестьян всегда найдут средство бороться беспощадно. Поэтому мы должны быть на страже одинаково против каждого врага рабочих и крестьян. В данный момент они сговорились наступать на нас одновременно. Кумыкские князья на Чир-Юртском фронте, полковник Джафаров на Каранайском, имам на Аркасском, Нухбек Тарковский на Дженгутайском, Бичерахов на Петровском. Советская власть — защитница рабочих и крестьян от эксплоататоров, окружена со всех сторон врагами и мы должны употребить все усилия, чтобы избавиться от них. Нам нужно продержаться недолго. Скоро мы получим помощь из Астрахани. Северокавказские большевики тоже скоро начнут свое наступление на кумыкских князей со стороны Гудермеса»[2].

Весть о занятии Бичераховым Порт-Петровска активизировала турецкий штаб и главарей дагестанской белогвардейщины. Турецкое командование и руководители горского правительства, зная силу и вооружение Бичерахова, пытались заключить с ним союз, привлечь его на свою сторону, закрепить за собой Дагестан и повести наступление на Северный Кавказ. Но, зная Бичерахова и его преданность английским хозяевам, турецкие оккупанты и главари горского правительства боялись пойти с ним на открытые переговоры по этому вопросу и решили войти с ним в соглашение от имени «чисто дагестанского» штаба белогвардейцев.

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 127.

[2] Материалы секретариата главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», фонд VII тома, папка 2, дело 2, стр. 70.

Бичерахов боялся нападения с гор турецких войск и враждебных ему горцев Дагестана и поэтому тоже искал союзников в среде дагестанских белогвардейцев. Турецкий штаб и горское правительство решили не выступать против Бичерахова до занятия германо-турецкими войсками Баку и переброски основных сил турецко-мусульманской армии в Дагестан. С помощью Бичерахова турецкий штаб намеревался не допустить возвращения Красной Армии и восстановления Советской власти в Дагестане. Турецкие интервенты и дагестанские белогвардейцы надеялись склонить Бичерахова на свою сторону, сделать его германо-турецким агентом и освободить с его помощью обширную территорию горского правительства «от моря до моря». С этой целью штаб Исмаила Хакки-бея и представитель горского правительства Зубаир Темирханов — бывший член дагестанского буржуазного Временного областного исполнительного комитета — поручили князю Нухбеку Тарковскому, властолюбивому белогвардейскому полковнику, заключить договор с Бичераховым о совместной борьбе дагестанской белогвардейщины и бичераховских войск против Советской власти и о составлении независимого дагестанского правительства.

Тарковский быстро вошел в соглашение с Бичераховым. Бичерахов оставил за Тарковским горную и предгорную части страны и объявил его «диктатором Дагестана», поручил ему разбить отряд Махача и ликвидировать Советскую власть в Темир-Хан-Шуре. Тарковский, заранее назначенный турками и горским правительством командующим войсками в Дагестане, получил назначение «диктатора Дагестана» и от Бичерахова, спустился с гор с большим отрядом к Темир-Хан-Шуре, куда отступали остатки войск Махача Дахадаева.

Разбитый под Порт-Петровском, но не потерявший революционного духа, отряд Дахадаева и Тимошина героически отстаивал столицу Дагестана от натиска Бичерахова — со стороны Порт-Петровска, несмотря на превосходство сил врага. Темир-Хан-Шура была обложена почти со всех сторон неприятелем. Махач Дахадаев решил увести отряд в Даргинский округ, где его ждал партизанский отряд Богатырева и Карабудакова, и совместно с ним повести наступление на Бичерахова и Тарковского.

Еще одно обстоятельство осложнило положение советских войск в Темир-Хан-Шуре. Предатели дагестанского народа, бывшие «социалисты» Коркмасов, Тахо-Годи и другие, ссылаясь на безвыходность положения, предлагали Дахадаеву вступить в переговоры с турками, по указке которых Тарковский душил Советскую власть в Дагестане. Эти буржуазно-националистические предатели, ставшие агентами германо-турецких интервентов, пытались толкнуть Дахадаева на предательство для восстановления власти буржуазно-националистического горского правительства. И недаром, когда недальновидный Тарковский предложил Исмаил Хаккибею убить Махача и Коркмасова, тот, согласившись на убийство Дахадаева, сказал о Коркмасове, что знает его лично давно и счи-

тает его «весьма полезным и хорошим человеком, вполне достойным уважения, который стоит за те же задачи, что и турки».

Дахадаев со своим помощником Тимошиным рано утром 19 сентября 1918 г. собрал в Темир-Хан-Шуре командиров и политработников отряда, объяснил им план прорыва цепи врагов и отхода в Даргинский округ и приказал Тимошину вывести ночью отряд в аул Нижний Дженгутай, выехав сам туда же. Прибыв в Нижний Дженгутай, Махач созвал сельский ревком, обсудил план мобилизации трудящихся горцев для борьбы за освобождение Дагестана от Бичерахова и Тарковского. Из Нижнего Дженгутая Махач отправил в Чир-Юрт руководившему отрядом красноармейцев и партизан Казбекову письмо, в котором он предлагал: в случае наступления его, Махача, на Порт-Петровск не дать бичераховцам увести свои войска на Терек по железной дороге и в случае необходимости взорвать Хасав-юртский мост через реку Сулак.

Любопытно письмо Дахадаева, написанное в эту ночь на имя Бичерахова с требованием немедленно покинуть Дагестан. Махач писал:

«В штаб Бичерахова, Петровск-Порт.

Вы должны немедленно освободить наши пароходы, дабы мы могли беспрепятственно сноситься с Астраханью, Баку и др. местами, с нашими товарищами.

Сосредоточив в Дагестане... всякий сброд, не думайте, что вам удастся обмануть и закабалить английскими деньгами свободолюбивых горцев.

Предлагаю вам немедленно убрать ваши войска с территории Дагестана тем же путем, каким вы, проходимцы, пришли или иным путем. В случае, если вы откажетесь эвакуировать ваши войска, то свободные горные орлы Дагестана дадут вам достойный ответ дружным оружейным огнем» [1].

Отряд Дахадаева, готовившийся к походу на Дженгутай, внезапно был окружен ворвавшимися в Темир-Хан-Шуру совместными силами Бичерахова и Тарковского. В неравной схватке погибла значительная часть отряда. Оставшиеся командиры отряда во главе с Тимошиным были схвачены бичераховцами и затем расстреляны.

Получив весть о постигшей его отряд трагической участи, Махач Дахадаев решил один отправиться к даргинским партизанам, но по дороге, недалеко от Дженгутая, был схвачен засадой Тарковского и зверски убит.

Так дагестанская контрреволюция с помощью иностранных империалистических хищников расправилась с вождем дагестанской

---

[1] Материалы секретариата главной редакции «Истории гражданской войны в СССР». Документальный фонд IV тома, дело 1617А, лист 2, стр. 55—56.

бедноты Махачем Дахадаевым. Трагическая гибель Махача была ударом в спину трудящимся горцам. Революционные силы Дагестана после гибели Дахадаева и до возвращения из Москвы Уллубия Буйнакского оставались без должного руководства.

О гибели любимого вождя горской бедноты Дахадаева Орджоникидзе сообщил В. И. Ленину и И. В. Сталину в своей телеграмме из Владикавказа от 12 октября 1918 года:

«Бичерахов удерживает побережье Каспийского моря, включая Дербент и Петровск. Офицерскими бандами Бичерахова зверски замучен и убит популярнейший советский работник Дагестана инженер Дахадаев. Социалистический Дагестан понес тяжелую потерю» [1].

Диктаторство Тарковского, как было сказано выше, фактически оказалось союзом германо-турецких штыков и английского оружия против дагестанских рабочих и крестьян. Через Тарковского турецкие интервенты и главари горского правительства подготовили соответствующую почву для своего прихода в Темир-Хан-Шуру. Ни одно мероприятие диктатор Дагестана не проводил без предварительного согласования с начальником турецкого штаба в горах Исмаилом Хакки-беем.

Турецкий штаб Исмаила Хакки-бея, посылая Тарковского на сговор с Бичераховым, знал, что единственным разногласием между Бичераховым и Тарковским будет вопрос о присутствии турецких солдат и офицеров в Дагестане. Поэтому он предложил Тарковскому, чтобы последний обещал Бичерахову согласиться на отвод турок из близких к железной дороге районов, если он, Бичерахов, этого потребует.

Бичерахов действительно требовал только одного — отвода турок в почти месячный срок и даже больший на Гуниб-Хунзах-Ахты и далее в Кубинский уезд Бакинской губернии.

Отвод турок на Гуниб он считал обязательным условием для занятия Шуры войсками Тарковского и назначения его военным диктатором. С этим принципиально согласился и Исмаил Хакки-бей.

Занятие Бичераховым Дагестана сопровождалось зверской расправой над коммунистами, рабочими, красноармейцами и командирами. Лучшие командиры Ляхов и Пугин, организаторы рабочих дружин Лагода, Канделаки, Иван Котров, один из организаторов Советской власти в Дагестане рабочий-большевик Никита Ермошкин и другие были расстреляны. Тюрьмы переполнились. Расстреливали без суда и следствия. Находившиеся в бандах Бичерахова армянские дашнаки во главе с начальником разведки Бичерахова Джигитяном помогали иностранному наймиту зверски расстреливать ни в чем не повинных людей.

---

[1] Материалы Института Маркса—Энгельса—Ленина, фонд Г. К. Орджоникидзе.

«Поручик А. был на станции Мамед-Кала, видел, — писала газета «Дагестан», — как поймали и привели к коменданту станции четырех персиан-рабочих и одного лезгина. Тут же эти пять человек были обысканы и у одного из них был найден перочинный ножик, который послужил поводом к обвинению их всех в действиях против войск Бичерахова. Все пять человек были расстреляны, отведя их шагов на сто» [1].

В аулах Буйнак и Губден арестовали «около 270 человек мирных жителей, из которых до начальника Петровского гарнизона дошли только 7 человек, а остальные, по общему выражению начальника отряда, были «пущены в расход» [2].

42 человека, схваченных в Дербенте, сначала поместили в одну тюремную камеру, а потом, через три дня «...все они были помещены в обыкновенном товарном вагоне, где оставались еще нечистоты от содержавшегося там отрядного скота: предварительно у всех у них были отобраны их вещи и деньги, а у Казиева отобраны 420 рублей, золотые часы и другие ценные вещи. Закупоренных в таком положении в вагоне возили в течение трех суток между станциями Петровск-Кавказский и Тарки туда и сюда, не выпуская даже по естественным надобностям, не давая им ни есть, ни пить» [3].

Зверство оголтелого садиста Бичерахова и его помощника дашнака Джигитяна доходило до того, что они расстреливали каждого попавшегося им на глаза горца. 6 ноября из Порт-петровской тюрьмы были выведены 11 человек и недалеко от ворот тюрьмы расстреляны; 7 ноября начальник тюрьмы, придя ночью в 11 часов, спросил ротмистра Иорка и потребовал от него лиц, недовольных тюремным режимом; начальник тюрьмы назвал трех человек. Все трое были выведены за ворота и расстреляны.

Захватив Дагестан, Бичерахов приступил к дальнейшей организации контрреволюционных сил и блокады Российской Советской Федеративной Социалистической Республики с юга. Он стал осуществлять согласованные с английскими хозяевами планы. В эти планы входило: создание «объединения больших районов России», окружение плотным контрреволюционным кольцом молодого Советского государства и восстановление буржуазно-помещичьего строя в России.

Заняв Порт-Петровск, Лазарь Бичерахов установил в первую очередь радиосвязь со своим братом в Моздоке Георгием Бичераховым, поднявшим контрреволюционный мятеж на Тереке. Генерал Бичерахов предложил своему брату Георгию Бичерахову обеспечить «объединение отдельных частей Кавказа и жителей Каспийского моря» и установить временно, впредь до созыва Всероссий-

---

[1] Газета «Дагестан» от 17 ноября 1918 года.
[2] Там же.
[3] Там же.

ского Учредительного собрания, высшую краевую власть — так называемое «Кавказско-каспийское народное управление» [1].

Дальнейшей своей задачей Бичерахов ставил установление связей с русскими белогвардейцами.

Контрреволюционеры быстро сговорились. Вскоре было решено объединить Дагестан и Терскую область и подчинить объединенный край интересам «добровольческой армии» генералов Алексеева и Деникина, двигавшейся на Северный Кавказ с севера. Генерал Лазарь Бичерахов получил по этому поводу от своего брата из Моздока следующую радиограмму:

«Верхи казачества тяготеют к Алексееву. Я не вижу разницы между задачами твоего отряда и отряда Алексеева. Между тем идет глухая, упорная борьба в смысле скопления к Алексееву. Я считаю, что ...необходимо немедленно снестись с Алексеевским отрядом, чтобы разрешить назревший вопрос» [2].

Трудящиеся Дагестана, сохранившие твердую веру в Советскую власть и большевистскую партию, оказывали всевозможное сопротивление как английскому наймиту, новоявленному организатору южной контрреволюции белоказачьему генералу Бичерахову, так и германо-турецкому агенту — Нухбеку Тарковскому.

Не ограничившись занятием Дербента, Порт-Петровска и узкой полосы железной дороги, Бичерахов пытался распространить свою власть на дагестанские аулы, расширить свои плацдармы и проникнуть в глубь гор. Первый поход он организовал в аулы Губден и Утамиш. Однако трудящиеся этих аулов, вооружившись от мала до велика, неожиданно напали на отряд незваных гостей и разбили его. Даргинские партизаны, руководимые Карабудаковым и Богатыревым, часто нападали на отряды Бичерахова, на его поезда, разрушали железную дорогу и мосты, связывающие Порт-Петровск с Дербентом.

Трудящиеся кумыки, руководимые Батырмурзаевым и Казбековым, организовали в своих аулах отряды партизан, куда входили отдельные русские красноармейцы, отставшие от отступавших из Порт-Петровска на Астрахань отрядов. Кумыкские партизанские отряды не давали Бичерахову возможности соединиться с его братом на Тереке, оказать помощь белоказачьим полчищам, осаждавшим Грозный и Кизляр. Они также подрывали железнодорожную линию, шедшую от Порт-Петровска на север, уничтожали эшелоны и взрывали железнодорожные мосты в Хасав-Юртском округе.

«Диктатор Дагестана» князь Тарковский, заняв Темир-Хан-Шуру, приступил к согласованному с Бичераховым «управлению» страной и решил пополнить свои отряды. Он объявил мобилизацию аульской молодежи и призвал горцев в армию «диктатора». Трудящиеся горцы Дагестана категорически отказывали

---

[1] «Тифлисский листок» от 3 ноября 1918 года.

[2] Там же.

отдавать своих сыновей в солдаты. Тарковский послал своих представителей в Верхний Дженгутай, Нижний Дженгутай, Буглен и другие аулы для проведения в жизнь намеченной мобилизации — вербовки горской молодежи в армию. Однако горские трудящиеся оказывали сопротивление отрядам Тарковского, вступали в бои с ними и не пускали представителей в аулы. Особенно открыто выступало против такой мобилизации общество аула Нижний Дженгутай.

Тарковский решил сам заняться нижнедженгутаевцами. В середине сентября он выехал с отрядом в аул и предложил обществу немедленно выдать всех большевиков и выделить молодежь для зачисления в конный полк; в противном случае князь угрожал разгромить аул. Однако общество не дрогнуло. Дженгутаевцы наотрез отказались выполнить требования Тарковского и, несмотря на все его угрозы, ответили: «Заставить нас итти вместе с вами вы не можете. Уходите, и мы потом сами решим, как нам быть»[1].

Отряды и уполномоченные «диктатора» отовсюду возвращались ни с чем. Горцы, ожидавшие скорой помощи от Советской власти, знать не хотели ни Бичерахова, ни Тарковского.

Уллубий Буйнакский, находившийся в то время в Москве, услышав о зверском расстреле Дахадаева и других дагестанских большевиков, поставил об этом в известность Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет.

«Итак, — писал Уллубий Буйнакский в газете «Известия ВЦИК», — сейчас в свободолюбивом Дагестане, благодаря оторванности его от центра, господствуют два полковника: диктатор Дагестана (как он именуется) князь Нухбек Тарковский и главнокомандующий сухопутными и морскими силами, изменник и контрреволюционер, наймит Бичерахов. Советский Дагестан поистине понес большие потери, достоверно известно о расстреле казаками на Терском берегу одного из лучших и первых петровских организаторов рабочих, бондаря Никиты Ермошкина, о самоубийстве молодого энергичного и самоотверженного Ивана Котрова; ничего достоверного, но масса толков о судьбе Захарочкина и Тутышкина, Эрлиха и Канделаки — последние два товарища считаются растерзанными бакинскими дашнаками, прибывшими в Дербент с Бичераховым...

Если подтвердится известие о гибели Дахадаева, — продолжал Буйнакский, — можно будет определенно сказать: в одном отдаленном, чрезвычайно обездоленном уголке трудовые элементы гор лишились руководителей, лишились подлинных вождей...

Я еще не верю, не хочется верить этому тягостному сообщению, но предполагаю, что это возможно, ибо часть советских работников Дагестана, окруженная со всех сторон врагами: с

[1] Материалы секретариата главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», фонд VII тома, папка 3, дело 1, лист 143.

гор — имамовцы и турецкие агенты, со стороны Петровска — Бичерахов, и только одна отдушина — в Кумыкскую плоскость, откуда возможен приход товарищей с севера, затем совместный натиск и уничтожение врагов, — не могла долго держаться еще, повидимому, и потому, что некоторые оказались соглашателями. Своевременная помощь советскими отрядами, теперь скрывающимися в горах и в ожидании движения со стороны Кизляра и Грозного, есть залог утверждения Советов от Самура до Кубани, а затем и освобождения Баку; своевременная помощь дагестанскому крестьянину есть цементирование отсталого и заброшенного Дагестана с Советской Россией... Будет совершена большая ошибка, если промедлится движение на Терек и дальше на Петровск — Шуру солидного, увесистого, революционного «кулака». Я уверен, что выражу чаяния и интересы дагестанской бедноты, если скажу: «Побольше внимания Дагестану. Советская Россия не может и не должна нас забывать, мы ждем скорой и решительной поддержки» [1].

Английскому наймиту Бичерахову недолго довелось хозяйничать в Дагестане. Ему так и не удалось соединиться со своим братом, поднявшим антисоветский мятеж на Тереке и ожидавшим отряда с английской техникой. План «соединения больших районов России» лопнул. Задание английских интервентов оказалось невыполненным.

15 сентября 1918 г. германо-турецкие интервенты заняли Баку. Германские империалистические хищники, отрицавшие свое участие в нападении на Баку, немедленно сообщили в газеты о командировании в Баку военно-хозяйственной и технической делегации во главе с доктором Пфаффом и о планировавшейся немецкой эксплоатации нефтяных промыслов и «восстановлении керосинопровода в течение трех недель»[2].

Занятие Баку развязывало руки германо-турецким интервентам, обеспокоенным захватом Бичераховым Дагестана.

В конце августа 1918 г. германский генеральный штаб дал распоряжение отпустить горскому правительству военную помощь следующим вооружением:

винтовок драгунских	10 000
винтовок пехотных	5 000
карабинов	3 000
револьверов	2 000
пулеметов	192
орудий трехдюймовых	30
орудий трехдюймовых горных	18
орудий гаубиц 4,2	4
орудий шестидюймовых	4
броневых автомобилей	6
аэропланов	6[3]

[1] «Известия» от 31 октября 1918 года.

[2] «Тифлисский листок» от 13 сентября 1918 года.

[3] Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанской Базы Академии наук СССР, дело 144, стр. 208.

Часть этих вооружений была отпущена горскому правительству генералом фон Крессом в конце августа 1918 г., остальная была получена, когда турецкие регулярные части стали наступать на Дагестан.

После занятия Баку со стороны Азербайджана на Дагестан стали наступать основные силы турецких империалистов, имевших при своем штабе несколько немецких офицеров-советчиков. Это были регулярные части — дивизия бригадного генерала Юсуфа Изет-паши, штаб которого был прикреплен к горскому правительству. С турецкими войсками в Дагестан шли и главари горского правительства и горские офицеры, ютившиеся в Тифлисе под крылышком германо-турецких империалистов и грузинских меньшевиков.

6 октября 1918 г. войска Изет-паши неожиданно напали на Дербент и натиском с двух сторон — со стороны гор и с юга по железной дороге — вытеснили бичераховцев на север. Турецкие и местные контрреволюционные войска под общим командованием генерала Изет-паши открыли широкие военные действия против Бичерахова.

Главари горского правительства обратились теперь к казачьему генералу — английскому наймиту Бичерахову с просьбой соединиться вместе, вести борьбу против Советской власти и продвигаться на Северный Кавказ — против большевиков на Тереке.

Глава горского правительства Тапа Чермоев в середине октября отправил Бичерахову письмо, в котором умолял генерала слиться с «горскими» частями.

«Вы очистили Дагестан от большевиков, — говорилось в этом письме, — давайте очистим и Терскую область, Ставропольскую губернию, где живут члены нашего союза, ногайцы, туркмены, также, если до сих пор не кончено, то и Кубанскую область, где наши черкесы бок о бок с ген. Алексеевым бились с самого начала и бьются до сих пор с большевиками. То, что возможно между ген. Алексеевым и одним из членов нашего союза — черкесами, легко возможно и между нами» [1].

Однако генерал Бичерахов, агент империалистов-англичан, не мог согласиться на союз с германо-турецкими интервентами, которым стала изменять судьба на Западноевропейском фронте.

24 октября 1918 г. турецкие войска и отряды дагестанской белогвардейщины ворвались в Темир-Хан-Шуру. Диктаторству Тарковского пришел конец. Тарковский добровольно уступил власть «законным хозяевам» — горскому правительству, перекочевавшему из Тифлиса при помощи германо-турецких штыков.

Турецкие части 8 ноября очистили от Бичерахова последний его опорный пункт — Порт-Петровск. Бичерахов с огромным бо-

---

[1] Государственный архив при МВД Северо-Осетинской АССР, фонд историко-революционного значения, 1917—1918 гг., папка 3, листы 65—66.

гатством, награбленным в Дагестане, отступил и морем направился обратно к своим хозяевам — англичанам. Пресловутое горское правительство объявило в Дагестане свою власть.

«Это было тогда, когда так называемое горское правительство (или правительство гост. «Ориант»), продав Вехиб-паше Северный Кавказ договором «мира и дружбы», штыками турецких аскеров, направленных против революционного Дагестана, водворялось в Шуре, идя по трупам горцев-революционеров, возглавляемых тов. Дахадаевым», — писал С. М. Киров, — когда горцы Северного Кавказа «в Терском Народном Совете громко заявили всему миру свой решительный протест против наглости палачей, авантюристов и политических спекулянтов из так называемого горского правительства» [1].

Главари горского правительства ликовали. По всему Кавказу кричали они об установлении в Дагестане «истинно демократической» власти, об осуществлении высоких идеалов горцев Дагестана и Северного Кавказа. Демократические и социалистические лозунги были их оружием для обмана горского крестьянства. Чеченский крупный нефтепромышленник и капиталист Тапа Чермоев, кабардинский коннозаводчик и помещик Пшемахо Коцев, дагестанский князь Нухбек Тарковский, кумыкский помещик Гайдарбей Балматов и крупный барановод, глава реакционного мусульманского духовенства, Наджмутдин Гоцинский называли себя «борцами» за дело трудящихся горцев и «защитниками свободы» и горской бедноты.

Вся эта буржуазно-помещичья и националистическая свора обещала золотые горы трудящимся горцам.

Горская беднота Дагестана и Северного Кавказа слишком хорошо знала, кто скрывается под «демократическими» масками.

Трудящиеся горцы не верили демагогическим выступлениям своих вековых угнетателей. Они с ненавистью отворачивались от этих «защитников свободы» и их хозяев из единоверной султанской Турции.

«Мы их узнали, — писал С. М. Киров об этих ядовитых змеях, — мы узнали по их делам, кто они. Как бы ни наряжались они в демократические и социалистические мантии: все они из мира палачей революции...

Психология этих авантюристов горцам должна быть достаточно уже известна. Под флагом демократизма они ищут власти над горцами и защиты своих буржуазных и экономических выгод» [2].

---

[1] «Пролетарская революция» № 2 за 1940 год, стр. 205—206.
[2] Там же, стр. 208.

Глава VI

НОВЫЙ ЭТАП БОРЬБЫ ТРУДЯЩИХСЯ ДАГЕСТАНА ПРОТИВ ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ И ВНУТРЕННЕЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ 1918—1919 ГОДОВ

Господство горского правительства в Дагестане и его попытки проникновения на Северный Кавказ

После занятия Дагестана турецкими войсками горское правительство, перекочевавшее из Тифлиса в Темир-Хан-Шуру, поспешило приступить к осуществлению «великого» плана создания «горской республики» Северного Кавказа и Дагестана — «от моря до моря». Одна из «горских республик», Дагестан, оказалась под пятой турецких захватчиков, агентов германского разбойничьего империализма. Главари марионеточного горского правительства, считавшие турецкие войска своей «наемной армией», торжествовали, придя в Темир-Хан-Шуру. Одна задача — выход к Каспийскому морю, — казалось, была выполнена. Но от Каспийского моря до Черного трудящиеся советских национальных республик беспощадно вели борьбу против всяких контрреволюционных, антисоветских банд. Трудящиеся этих республик боролись с русской контрреволюцией — деникинщиной и с буржуазно-националистической контрреволюцией, пытавшейся с помощью иностранных интервентов восстановить свое господство.

Главари горского правительства и их хозяева — германская и турецкая военщина — рассчитывали на занятие Грозного, Чечни, Ингушетии и Северной Осетии турецкими войсками с юго-востока, т. е. через Дагестан. Но для быстрого продвижения на Терек, где трудящиеся Терской советской республики и советские части вели ожесточенные бои с остатками антисоветского мятежа, нужно было «подготовить» мусульманские народы Терека и ждать их выступления против Советской власти.

Огромную помощь турецкой военщине и главарям горского правительства оказывали Чеченский и Ингушский национальные советы во главе с чеченским богачом Ибрагимом Чуликовым и ставшим впоследствии министром финансов горского правительства главой Ингушского национального совета Вассан-гиреем Джабагиевым. Джабагиев и Чуликов поставили перед собой задачу поднять в Чечне и Ингушетии антисоветское восстание, собрать и привести в боевой порядок Ингушский полк, входивший до револю-

ции в состав царской «Дикой дивизии». Национальный Ингушский полк распался после приезда на место формирования — в Терскую область, — но отдельные части его разгуливали еще в Ингушетии, устраивая вооруженные бандитские налеты на мирные русские и осетинские селения. Но чтобы привести Ингушский полк в боевой порядок, направить его против Советской власти на Тереке, потребовались средства, вооружение и боеприпасы. Местное население не поддерживало полк как часть царской армии.

Известно, что царское правительство не привлекало горцев Северного Кавказа и Дагестана, как и народы Средней Азии, к воинской повинности.

«Дикая дивизия» и ее национальные полки формировались, как добровольческая наемная сила. Вполне понятно, что в эти полки шли деклассированные и часть бандитских элементов в погоне за легкой жизнью и наживой.

Предатели трудящихся во главе с Джабагиевым неоднократно направляли представителей Ингушского полка в Терский совнарком, пытаясь представить этот полк как защитника трудового народа и тем самым получить необходимые средства для подготовки выступления полка против Советской власти в помощь турецким частям, собравшимся в поход на Терек после занятия ими Дагестана. Неоднократно представители Ингушского полка, подстрекаемые Джабагиевым, обращались к военному комиссару Терского совнаркома Бутырину и чрезвычайному комиссару юга России Орджоникидзе с требованием «возместить им обиду и материальный ущерб, понесенные ими на империалистической войне». Орджоникидзе и Терский совнарком предлагали Ингушскому национальному совету распустить эти антисоветские войсковые единицы.

Небезынтересно привести ответ Орджоникидзе на обращение представителя Ингушского полка Читамирова, требовавшего от Орджоникидзе уплаты Ингушскому полку жалованья за службу царизму и угрожавшего в противном случае выступлением полка. Орджоникидзе, приехавший на съезд в Назрань 12 октября 1918 г., ответил на требование Читамирова:

«...Бывшего Ингушского полка не боимся, как не боялись и войск Николая II... Я заявляю вам, что мы работаем не для генералов и полковников, мы работаем для народа. И было бы непростительно, если бы мы обидели вас как трудовой народ. Ваш полк был организован великим князем Николаем Николаевичем [1], а за генералов, князей мы не отвечаем. Они вас гнали на бойню. Вы тогда дрались не за бедный народ, а за полковников и генералов. Мы были против этой войны, и нас за это гоняли на каторгу. Этого правительства нет теперь и нет его долгов. Вы знаете, что

[1] Николай Николаевич — дядя Николая II, наместник Кавказа и командующий Кавказским военным округом.

теперешняя власть — народная власть, и она за долги генералов и помещиков не отвечает. Я еще раз заявляю вам, что мы ваши требования исполним постольку, поскольку вы представители трудового народа, но как войско Николая II вы ничего не получите от нас. Честным борцам трудового народа советская власть отдаст все до последней рубашки, но любителям легкой наживы—ничего»[1].

Ингушский полк распадался. Многие его офицеры поступили на службу к горскому правительству, а часть офицеров служила палачу Деникину, как раньше царю, принимая активное участие в истреблении горцев — сторонников Советской власти.

Расчет турецкой военщины и горского правительства на продвижение в Терскую область через Дагестан считался наиболее реальным и весьма успешно осуществимым. Кроме этого плана, у турецкой военщины и горского правительства был еще план продвижения на Северный Кавказ с помощью Краснова, с подчинением мятежников Бичерахова и «добровольческой армии» Алексеева и Деникина общегерманскому плану борьбы против Советской России. Этот расчет осенью 1918 года, когда перевес в мировой войне явно склонялся на сторону Антанты, был менее реальным. «Добровольческая армия» Алексеева и Деникина была связана с Красновым и немцами постольку, поскольку они вели борьбу против Советской власти. Но «добровольческая армия» и бичераховцы вовсе не хотели порвать с Антантой и подчиниться интересам германской военщины.

Пока шли переговоры главарей горских помещиков и буржуазии из горского правительства с Красновым об объединении всех контрреволюционных сил Северного Кавказа для борьбы с Советской властью, руководители горского правительства и агенты турецкой военщины готовили наступление на Терек через Дагестан. Горское правительство и его уполномоченные — Ибрагим Чуликов в Чечне, Вассан-гирей Джабагиев в Ингушетии, Гаппо Баев в Осетии, Серебряков в Кабарде — создавали отряды, готовили торжественные встречи турецким интервентам.

Чеченский национальный совет открыто выступил против Грозненского совета рабочих, крестьянских и военных депутатов и Терского совета народных комиссаров в тот момент, когда городу Грозному угрожали мятежники Бичерахова. Чеченский национальный совет послал ультиматум грозненскому пролетариату и его Совдепу, требуя очистить территорию Чечни. Глава Чеченского национального совета Чуликов угрожал, в случае непринятия его ультиматума, итти войной против Советской власти.

Только благодаря деятельности Орджоникидзе как чрезвычайного комиссара юга России трудящиеся горцы и трудовое казачество, сплотившиеся в единую революционную силу, успешно вы-

---

[1] Г. К. Орджоникидзе. Избранные статьи и речи 1911—1937 гг., стр. 43. Госполитиздат. 1939.

ступили против германо-турецких интервентов и горского правительства.

Трудящиеся Терской области с участием представителей трудящихся горцев Дагестана выразили свое отношение к горскому правительству и его намерениям.

«Принимая во внимание, что так называемое правительство союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, бежавшее из пределов Терской области в февральские дни в Тифлис, ныне перекочевавшее из Тифлиса в Темир-Хан-Шуру, стремится оттуда распространить свою власть на народы Терской республики, Общегорский съезд Терской республики... на своем объединенном заседании, состоявшемся 25 ноября 1918 г., постановил:

1. Признать, что стремления этого горского самозванного правительства идут явно в разрез с интересами трудового русского населения, что несомненно зажжет пожар национальной войны, в ужасах которой могут погибнуть все завоевания Октябрьской революции.

2. Признать, что создание независимой от России горской республики в настоящее время неосуществимо ни по культурным данным, ни по экономическому положению горских народов.

3. Признать, что образовавшаяся в крае советская власть, предоставляющая каждой народности в крае полное право на самоопределение, приступившая к передаче земли трудовому народу без всякого выкупа на началах уравнительного землепользования, утверждающая каждой народности равенство трудовых масс, признающая, что слоем паразитическим являются богачи и помещики, эту власть будут поддерживать горские трудовые массы всеми силами против всех врагов, откуда бы они ни шли, а особенно против самозванного горского правительства, против чермоевщины... Против чермоевской компании мы будем действовать одинаково, чтобы не было больше посягательств на нашу свободу» [1].

В последних числах ноября 1918 г. во Владикавказе состоялся V съезд народов Терека. На этот раз на съезде были и представители трудящихся Дагестана. Съезд обсуждал вопрос о горском правительстве, которое с помощью германо-турецких интервентов собиралось в поход на Терек со стороны Дагестана. На этом съезде большое место занимала также делегация трудового казачества. Выступая на этом съезде, Серго Орджоникидзе констатировал поворот казачества к Советской власти, поворот большинства осетин, кабардинцев к борьбе против контрреволюции и призывал бросить все силы против горского правительства и германо-турецких интервентов.

---

[1] «Революционный горец» от 26 ноября 1918 года. Владикавказ.

Орджоникидзе отметил в своем выступлении:

«Три месяца тому назад, только что приехав сюда, я приветствовал четвертый народный съезд, это же приветствие я приношу и этому съезду от центральной власти. В тот момент, когда открывался четвертый съезд, в нашей среде еще не было представителей трудового казачества. Бичерахов вовлек казачество в контрреволюционную авантюру под видом борьбы с Красной Армией. Все наши попытки уладить все миром не увенчались успехом. Я тогда обращался направо, где сидели как будто бы казаки, но мои слова не были ими услышаны. Теперь вы видите здесь только представителей казачества (аплодисменты). Они теперь представители красного знамени, которое вместе с красноармейцами высоко подняли, ведя войну с Бичераховым... Вы слышали приветствие от командира шариатской дивизии, покорившего Моздок, — это казак. Нет еще пока между нами дорогого товарища Дьякова, который тоже бил контрреволюционеров. Теперь само казачество сознало, что ему нечего итти против трудового народа и советской власти, и сами теперь идут под красным знаменем с оружием в руках...

Если среди осетинских масс не все были с нами, то теперь можно сказать — Осетия вся с нами. То же было в Большой и Малой Кабарде. Большая часть кабардинских князей сбежала в горы, другая нами арестована. Но теперь надвигается опасность не со стороны казачьего Бичерахова, а чеченского и ингушского — Джабагиева и Чермоева, которые, переселившись в Тифлис, создали горское правительство и, под видом независимых горцев, двигаются сейчас совместно с разбитыми турками на Петровск и Чечню. Чермоев идет, чтобы вновь забрать свои промыслы и имения...

Перед вами стоит задача так же защищаться от чермоевской контрреволюции, как защищались от казачьей. Настоящий съезд говорит о том, что того ужаса, который был в области, нет, но нужно бороться против нового ужаса со стороны Чермоева. Главным образом, обращаюсь к вам, горские фракции — допустить или не допустить Чермоева? Вам достаточно сказать: не смей сюда вступать, и он не вступит.

Да здравствует социалистическая Советская Россия!

Да здравствуют трудящиеся массы Терской области!» [1].

По предложению С. Орджоникидзе, на этом съезде была создана фракция горских коммунистов и сочувствующих, которая стала застрельщицей борьбы против горского правительства, а затем против наступавшего на Северный Кавказ Деникина.

На V съезде трудового народа Терека, руководимом С. Орджоникидзе, горский революционер Шерипов ясно выразил отношение трудящихся горцев к попытке германо-турецких интервентов

[1] Документы по истории гражданской войны в СССР, т. I, стр. 407—409.

и их агентуры из горского правительства пробраться на Северный Кавказ.

«Я буду краток, — говорил Шерипов, — но скажу суть всего. Много в последнее время говорят о турках, о Джабагиеве и других. Говорят, что они турецким империализмом хотят от чего-то спасти нас. Лживые языки уже успели распустить слухи о том, что турки уже в Чечне и восстанавливают порядок. Не верьте этому. Я здесь перед вами свидетельствую, что нет ни одного турецкого солдата в Чечне, кроме военнопленных нищих...

...Кучка авантюристов заключает бумажные договоры; пусть они погибнут в бесплодных мечтаниях... нашего порабощения они не достигнут. Пусть они бредут с белыми, а мы закрепим свою революцию, добытую кровью лучшего элемента российских народностей. Пусть бесплодная агитация мулл останется с ними, ибо народ верит тем, кто на своих исхудалых плечах несет свободу, равенство и братство...» [1].

Серго Орджоникидзе, руководивший борьбой трудящихся Северного Кавказа за власть Советов, за освобождение их от контрреволюционного белоказачества и буржуазно-националистической горской верхушки, заявил в своем докладе на том же съезде:

«Мы всегда говорим, чтобы трудовые народы сами устраивали свою жизнь. Многие из тех, кто не верит в мудрость народа, ищут порядка за Кавказским хребтом. Я в прошлый раз говорил, что многие лица в Тифлисе именуют себя вашими представителями. Они зовут сюда немцев и турок для восстановления порядка. Я и тогда говорил, что спасение в руках самого народа и что никакая посторонняя сила не восстановит порядка помимо народа» [2].

Все попытки горского правительства утвердить свое господство на Тереке штыками германо-турецких интервентов терпели поражение благодаря кипучей деятельности Серго Орджоникидзе. После занятия турками Дагестана горское правительство, благодаря крепкой обороне Терского края, не сумело двинуть турецкое войско на Северный Кавказ. В своем докладе Совету Народных Комиссаров «Год гражданской войны на Северном Кавказе» С. Орджоникидзе писал о горском правительстве:

«Это было правительство, созданное турецкими агентами, и все время его местопребыванием была гостиница «Ориант» в Тифлисе; ни один из членов этого правительства не смел появляться на Северном Кавказе.

Это правительство, имеющее своей территорией несколько номеров в гостинице, было в союзе с Грузинским правительством и всячески снабжалось им. Только после занятия Петровска и Баку турками оно осмелилось перекочевать в Темир-Хан-Шуру, но не смело двигаться дальше» [3].

---

[1] «Народная власть» от 17 и 18 октября 1918 года. Владикавказ.
[2] Г. К. Орджоникидзе. Избранные статьи и речи 1911—1937 гг., стр. 41.
[3] Там же, стр. 68.

Чтобы ликвидировать контрреволюцию на Тереке и не допустить проникновения германо-турецких интервентов на Терек через Дагестан, нужно было мобилизовать все силы трудящихся на окончательный разгром бичераховского белоказачьего мятежа. Контрреволюционные белоказачьи отряды, руководимые Бичераховым из Моздока, почти два месяца держали город Кизляр в осаде. Красноармейские части, героические партизаны и трудящиеся Кизляра, несмотря на неимоверные трудности — отсутствие продовольствия, боеприпасов, — отбивали яростные атаки бичераховцев. Еще более яркие страницы вписали в историю Кавказа трудящиеся Грозного, героически отражавшие в течение ста дней бешеные натиски бичераховцев.

Серго Орджоникидзе с присущей ему большевистской энергией удалось объединить для борьбы против бичераховцев не только горцев и русских, но и трудовое казачество во главе с Дьяковым. Огромную роль в ликвидации бичераховщины сыграло создание в тылу мятежников красных казачьих отрядов из трудового казачества.

Объединенными усилиями красноармейцев и красных казачьих отрядов в первых числах ноября 1918 г. мятежники были наголову разбиты под Кизляром. 10 ноября горцы, красные казаки, красноармейцы и грозненские рабочие освободили от бичераховцев город-станцию Прохладная. После ожесточенных боев прорвали они вражеское кольцо, охватившее Грозный. «Стодневные» бои в Грозном кончились разгромом бичераховщины. Красноармейский отряд, состоявший в большинстве из трудящихся горцев, под командованием казака-большевика Мироненко очищал от бичераховских контрреволюционных банд район Пятигорска и двигался на Ставрополь. 22 ноября отряд Мироненко, получивший название «шариатская колонна», в связи с участием в нем большого количества горцев-мусульман, разгромил основное гнездо терского белоказачества — город Моздок. Вожди белогвардейского казачье-крестьянского совета и временного народного правительства вместе с Бичераховым спаслись бегством.

15 ноября 1918 г., еще до освобождения Моздока, Орджоникидзе телеграфировал в Москву В. И. Ленину:

«Среди казаков полное разложение. Полковник, руководивший операциями контрреволюционных банд, застрелился. Другие офицеры бежали. Трудовое казачество встречало советские войска красным знаменем и хлебом с солью.

Среди Терского казачества решительный перелом. Продолжаем дальнейшее развитие наших операций... В связи с победами в Владикавказе были митинги и манифестации. Настроение Красной армии великолепное. Казаки массами записываются в Красную армию» [1].

---

[1] «Красный архив» № 5 за 1936 год, стр. 6.

Между тем «единоверные мусульмане» — горцы Дагестана и трудящиеся Азербайджана — в тылу турок подняли восстание. Образовавшиеся в горах отряды горских партизан перерезали коммуникации турецких оккупантов, громили мелкие отряды турок. Горцы категорически отказывали турецким офицерам в поставке аскеров (солдат), лошадей и провианта. На все оккупационные мероприятия турецкой военщины горцы Дагестана стали отвечать дружным отпором. Не могли спасти положение турецких интервентов в Дагестане ни турецкие миссионеры, ни местные иттихадисты. Горцы Дагестана всюду стали разоружать турецкие отряды. Особенно большой урон стали причинять турецким интервентам в Южном Дагестане руководимые бакинскими рабочими-большевиками отряды самурцев и кюринцев и трудящиеся Даргинского, Казикумухского и Кайтаго-Табасаранского округов. От турецких оккупантов стали отворачиваться даже такие видные военные деятели националистических правительств Азербайджана и Дагестана, как бывшие царские генералы — герои русско-японской войны, докатившиеся до организаторов контрреволюционных отрядов азербайджанского муссаватистского правительства,—генерал Али-Ага Шихлинский, получивший от турецкого командования за свою преданность султанской Турции и муссаватистской контрреволюции титул «паши», и военный министр муссаватистского правительства генерал Мехмандаров, военный министр горского правительства генерал Халилов и его помощник полковник князь Тарковский и другие.

Лишенное поддержки местных «единоверных» мусульманских народностей на Кавказе, турецкое войско стало быстро разлагаться; дезертирство в них дошло до огромных размеров. Иногда отдельные турецкие части, убедившись в безвыходности своего положения и бесплодности германо-турецких притязаний, стали самовольно уходить с фронта. Многим таким отрядам не пришлось унести с Кавказа не только мешки, набитые награбленным имуществом у трудящихся «единоверных мусульман», но даже и собственное оружие. Их обезоруживали горцы Дагестана и трудящиеся Азербайджана.

Всюду в самой Турции происходили восстания крестьян и революционные выступления трудящихся.

Внутриполитическое положение самой Турции заставило турецкое правительство принять экстренные меры. Находясь накануне поражения, оно всячески стало добиваться выхода из военного союза с Германией и перемирия с Антантой. Вскоре в Турции произошла реорганизация правительства: военный министр Энвер и министр иностранных дел Талаат вынуждены были покинуть свои посты.

«Каждый день и час радио приносит сведения, — говорил С. Орджоникидзе в одном из своих выступлений, опубликованном в газете «Народная власть» в октябре 1918 г., — что все народности, все нации восстают против своих притеснителей. Вчера мы по-

лучили сообщение по радио о падении турецкого кабинета. Мы получили сведения, что под Константинополем дерутся революционные войска с султанскими. Те германские войска, которые были призваны на Украину для борьбы с крестьянством и для восстановления «попранных» революцией прав помещиков, теперь подняли знамя восстания.

Турецкие и германские войска покидают опекаемое ими Закавказье. Шамхорские татары [1] обезоруживают отступающие армии империалистов. Все маленькие народности, христиане и мусульмане, тонувшие в собственной крови из-за национальной розни, теперь забывают старую вражду и братски подают друг другу руки, зовя на борьбу против общих врагов — капиталистов» [2].

Еще до 20 сентября 1918 г. нотой народного комиссара по иностранным делам РСФСР Брест-Литовский договор с Турцией был аннулирован. В этой ноте Советское правительство еще раз напоминало турецкому правительству, что, несмотря на все протесты Советского правительства, оттоманское правительство беспрерывно нарушало Брестский договор между Россией и Турцией: «Правительство Российской Федеративной Советской Республики принуждено признать, что действия Оттоманского Правительства фактически отменили устанавливавший мирные отношения между Россией и Турцией Брест-Литовский договор между этими двумя государствами» [3].

30 октября 1918 г. на борту английского крейсера в Эгейском море турецкое правительство подписало позорное для Турции перемирие. Оттоманская Турция перестала быть союзницей кайзеровской Германии. Турция вышла побежденной из империалистической войны.

Но турецкая армия все еще оставалась на Кавказе.

Назревали события и в Германии. 9 ноября династии Гогенцоллернов пришел конец. 11 ноября Германия капитулировала, по условиям перемирия ее войска оставались на территории советских республик до замены их войсками Антанты.

13 ноября 1918 г. постановлением Всероссийского Центрального исполнительного комитета был аннулирован Брестский договор с Германией. Советская республика освободила себя от тяжелого бремени германского хищнического империализма. Все включенные в Брестский договор обязательства — уплата контрибуции, уступки территории — Советское правительство объявило недействительными.

Началось изгнание германских оккупантов из Советской страны. Под ударами Красной Армии, действий красных партизан в тылу немцы откатывались на Запад.

Чувствуя бессилие турецкой армии, главари горского правительства пытались установить более тесный союз с азербайджан-

[1] Речь идет о трудящихся Азербайджана.
[2] Г. К. Орджоникидзе. Избранные статьи и речи 1911—1937 гг., стр. 40.
[3] «Известия» от 21 сентября 1918 года.

скими муссаватистами. В конце сентября 1918 г. лидеры горского правительства заключили договор с азербайджанским муссаватистским правительством. В предварительном договоре указывалось, что вооруженными силами горского и азербайджанского правительств должно руководить одно общее министерство с подчинением его турецкому командованию и что все расходы на содержание армии берут на себя обе договаривающиеся стороны. Характерно, что даже в этих переговорах было признано необходимым избрать одно религиозное управление, а религиозным главой обе договаривающиеся стороны единогласно признали турецкого султана, объявившего себя священным халифом — преемником пророка Магомета.

Но борьба трудящихся против интервентов и крах Турции не дали возможности азербайджанским муссаватистам и буржуазно-националистическим главарям из горского правительства отторгнуть Азербайджан, Дагестан и Северный Кавказ от Советской России и подчинить свои народы протекторату Оттоманской Турции.

В результате победы Антанты турецкие войска вынуждены были спешно — в 48 часов — покинуть пределы Дагестана и Азербайджана.

Измученные четырехлетней беспрерывной войной турецкие аскеры, чувствовавшие на себе всю остроту народной ненависти, находившиеся под постоянным страхом внезапных нападений горцев-партизан, стали быстро уходить. Там, где не было возможности быстро собраться и составить более или менее крупные соединения и особенно где угрожало нападение партизанских отрядов, турецкие офицеры бежали, бросали своих аскеров на произвол судьбы.

«Их уход был похож на паническое бегство, — отметил один из главарей дагестанской белогвардейщины полковник Джафаров. — Они бросали большие запасы медикаментов, обмундирования, оружия. Именно бросали, а не передавали. Никто никогда не мог установить, сколько они оставили и куда это девалось.

Большая часть турецкой агентуры в Дагестане, разбросанная по аулам, осталась. Они не успели ее собрать, а может быть, и не хотели ее брать вовсе.

В общем, спешка была невероятная. По ультиматуму англичан они должны были оставить Кавказ в 24 часа, и нужно им отдать дань справедливости, турки выполнили взятые на себя обязательства» [1].

Осиротело горское правительство. Уход турок оставил его без армии. Банды Гоцинского в связи с приходом турецкой армии в Дагестан частью присоединились к туркам и частью (большая часть) были распущены.

Однако еще не успели уйти турки и немцы, как в Закавказье и в Дагестан пришли английские интервенты.

---

[1] Материалы секретариата главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», фонд VIII, папка 3, дело 1, лист 194.

Главари горского правительства, не имевшие своих вооруженных сил, в страхе перед народной местью поспешно командировали делегацию в Баку навстречу новым хозяевам. Было совершенно безразлично, кому продаваться, — важно было только сохранить свое господствующее положение.

27—29 ноября в Баку начались переговоры между командующим британскими силами в Баку генерал-майором Томсоном и представителями горского правительства. Делегация горского правительства первым вопросом выдвинула признание Англией «независимости» горского правительства; она требовала помощи от англичан вооруженными силами для освобождения Терской области от Советской власти и просила приостановить продвижение «добровольческой армии» Деникина в пределы территории, «принадлежащей» горскому правительству.

Генерал Томсон заявил, что он не уполномочен разрешить вопрос о «независимости» республики горцев и что этот вопрос он предлагает поставить на мирной конференции союзников. Но Томсон властно поставил перед горским правительством более, как он выразился, важный вопрос: бросить мелкие распри и объединиться против большевиков, восстановить железные дороги, пароходное движение, удалить всех турок и устранить турецкую и германскую пропаганду, помогать союзникам установить связь с армией генерала Деникина, помочь ему, Томсону, освободить британскую миссию [1], задержанную большевиками во Владикавказе [2].

Наступление Деникина на Терек и попытки образования коалиционного правительства «Союза горцев и казаков»

Еще продолжалась борьба против Бичерахова на Тереке, а Деникин уже захватил Кубанскую область, Ставрополье и двигался на Терек.

Большевики Северного Кавказа, руководимые С. Орджоникидзе, в короткий срок сумели собрать все находившиеся на Северном Кавказе революционные войска в количестве, доходившем до 150 тыс. человек. С. Орджоникидзе привел в относительный боевой порядок Северокавказскую Красную Армию, переименованную в этот период в XI Красную Армию. Это имело огромное значение, так как эта армия была к тому времени деморализована изменником Сорокиным, бывшим командующим Северокавказской армией, расстрелявшим в Пятигорске руководителей Северокавказского краевого комитета большевиков и Северокавказского ЦИК.

---

[1] Британская миссия, народившаяся во Владикавказе, стала штабом в руководстве восстанием против Советской власти на Тереке.

[2] Государственный архив при МВД Северо-Осетинской АССР, фонд городского головы г. Владикавказа Баева, 1918—1919 гг., папка 10, лист 1.

По поводу этой измены предателя Сорокина Серго Орджоникидзе писал потом в своем докладе Совету Народных Комиссаров от 10 июля 1919 года:

«Как раз в это время произошла та ужасная история, которая называется сорокинщиной, — расстрел наших товарищей, расстройство в наших рядах, чем пользуется противник и прорывает наш фронт у Невиномысской, выходя в тыл нашим ставропольским войскам. Герои-таманцы, выдержав упорные бои, все же должны были отступить. В то время нашей боевой базой оставалась только часть Ставропольской губернии и вся Терская область» [1].

В Терской области и Дагестане бывшие исполнители воли немецких империалистов стали приказчиками англичан — непосредственных хозяев «добровольческой армии» Деникина.

Враги и предатели народа оказывали Деникину всяческое содействие. Замаскировавшийся враг революции Шляпников, сидевший в штабе Каспийско-Кавказской армии, прекратил всякое снабжение XI Красной Армии на Тереке, и эта Армия без патронов, обмундирования и медикаментов, голодная, разутая и раздетая, вынуждена была отходить по безлюдной степи на Астрахань. Первые же зимние морозы вывели из строя многих людей. Этим воспользовались хорошо вооруженные, сытые и тепло одетые белоказачьи отряды Деникина.

«В смысле вооружения, снаряжения, обмундирования и медицинской помощи, — говорил С. Орджоникидзе, — положение было ниже всякой критики...

С начала зимы раздетые солдаты начали болеть. Тиф стал свирепствовать. К концу января мы имели уже 50 тыс. тифозных... Нет белья. Больных заедают насекомые. Нет медицинского персонала. Весь медицинский персонал, мобилизованный на местах, благодаря непосильной работе стал гибнуть. Не проходило ни одного дня, чтобы в каком-нибудь городе не хоронили по 2—3 врача. Все наши просьбы, обращенные к заведующему медицинско-санитарной частью Кавказско-каспийского совета доктору Нойс, решительно ни к чему не приводили. Требования о посылке медицинского персонала, данные в ноябре, только к началу февраля были выполнены в минимальном количестве, и это тогда, когда наша XI армия была на пути отступления к Астрахани» [2].

Серго осуждал сторонников отступления армии на Астрахань и назвал это отступление политическим дезертирством. 24 января 1919 г. он телеграфировал В. И. Ленину:

«XI армии нет. Она окончательно разложилась. Противник занимает города и станицы почти без сопротивления. Ночью вопрос стоял покинуть всю Терскую область и уйти на Астрахань. Мы считаем это политическим дезертирством. Нет снарядов и па-

---

[1] Г. К. Орджоникидзе. Избранные статьи и речи 1911—1937 гг., стр. 63.
[2] Там же, стр. 64.

тронов. Нет денег. Владикавказ, Грозный до сих пор не получали ни патрон, ни копейки денег, шесть месяцев ведем войну, покупая патроны по пяти рублей.

Владимир Ильич, сообщая Вам об этом, будьте уверены, что мы все погибнем в неравном бою, но честь своей партии не опозорим бегством. Тогда положение может быть спасено, если Вами будет переброшено сюда 15 или 20 тыс. свежих войск. Дайте патроны, снаряды, денег. Без Северного Кавказа взятие Баку и укрепление его — абсурд. Среди рабочих Грозного и Владикавказа непоколебимое решение сражаться, но не уходить. Симпатии горских народов на нашей стороне» [1].

Зная связи контрреволюционной верхушки казачества с Деникиным и чтобы избежать опасности непризнания «независимости» горского правительства восстановителем «единой неделимой России», главари горского правительства добились у своих новых хозяев — англичан — разрешения на заключение нового союза с терским казачеством.

Верхи терского казачества тоже непрочь были объединиться до прихода Деникина на Терек с горским правительством для совместной борьбы против XI Красной Армии, удерживавшей войска Деникина в предгорьях Кавказа.

Еще 10 декабря 1918 г. в городе Баку между уполномоченными горского правительства А. Чермоевым и П. Коцевым, с одной стороны, и уполномоченными «Временного Военного Правительства терских казаков», возникшего после прихода англичан на Кавказ, К. И. Сапроновым и Ф. Н. Киреевым, с другой стороны, был подписан следующий договор:

«1. Казаки и крестьяне Терского края, признавая общность интересов экономических, политических и государственных с горскими народами Кавказа, входят в качестве равноправного члена в Союз этих народов и на основании пропорциональности участвуют в органах народного представительства управления республики Союза.

2. Принимая во внимание, что большая часть территории этого Союза захвачена большевиками... договаривающиеся стороны немедленно объединяют и мобилизуют имеющиеся в их распоряжении живые силы с целью борьбы против большевиков и водворения порядка и спокойствия на территории Союза, причем все механические средства договаривающихся сторон поступают немедленно в распоряжение военного ведомства коалиционного правительства Союза, снабжающего таковыми главное командование соединенными силами.

3. Освобождающаяся из большевистской власти территория поступает под управление ныне реорганизуемого коалиционного пра-

---

[1] Г. К. Орджоникидзе. Избранные статьи и речи 1911—1937 гг., стр. 49.

вительства Союза, составленного из лиц, имеющих вотум народного доверия.

4. Главное командование всеми вооруженными силами договаривающихся сторон вверяется представителю держав согласия на все время операции против большевиков...

Настоящий договор входит в силу с момента подписания сторонами и одобрения его представителями союзников» [1].

Но планы объединения не были реализованы. Договор между верхушкой терского казачества и руководителями горского правительства был представлен на утверждение англичан. Командование английскими оккупационными войсками на Кавказе, целиком поддерживавшее генерала Деникина, не собиралось утверждать и новый союз казачества с горцами, так как это противоречило интересам «добровольческой армии» Деникина, наступавшей на Терек.

XII Армия, находившаяся в это время в районе Кизляра — на границе Дагестанской области, заслонявшая Терек от проникновения горского правительства с юга, малочисленная, лишенная поддержки Каспийско-Кавказского фронта, во главе которого стоял тогда Шляпников, не была в состоянии оказать помощь XI Армии. Предатель Шляпников не только не оказывал помощи XI Армии, но умышленно задерживал маршрутные поезда, посланные из центра на поддержку этой Армии. Реввоенсовет фронта в Астрахани задерживал оружие, боеприпасы, питание, обмундирование, которые направлялись из центра для XI Армии и борьбы с Деникиным на Тереке.

Под руководством Серго Орджоникидзе создавались боевые отряды из трудящихся Осетии, Кабарды, Дагестана, которые вели борьбу в тылу Деникина, в горах Терской области и после отступления XI Армии.

Во Владикавказе, в помещении бывшего кадетского корпуса, по инициативе С. Орджоникидзе открылись курсы красных командиров.

Когда в январе 1919 г. «добровольческая армия» Деникина занимала больше половины Терской области и XI Армии как организованной силы не стало, вопрос стоял теперь о спасении остатков армии, направленной предателем Сорокиным в голодные безлюдные астраханские пески.

От Кизляра до Астрахани вся снежная степь была усеяна тысячами замерзших и умерших от голода и от тифа бойцов XI Армии. Серго Орджоникидзе с группой командиров-коммунистов остался во Владикавказе и приступил к обороне оставшейся территории Терской советской республики.

В конце января 1919 г. деникинские ударные группы стали атаковывать Владикавказ. Оставшиеся несколько тысяч красно-

---

[1] Государственный архив при МВД Северо-Осетинской АССР, фонд городского головы г. Владикавказа Баева, 1918—1919 гг., связка № 5, папка 163, лист 1.

армейцев, руководимые Орджоникидзе, героически отражали бешеные натиски частей Деникина, которыми командовал генерал Шкуро. Сопротивление красных частей под Владикавказом было героическое. Только в одном бою на подступах к городу из 180 курсантов школы красных командиров погиб 131 человек.

Борьба, однако, была неравная. В начале февраля 1919 года отборные части деникинцев под командой генерала Шкуро заняли Владикавказ. Орджоникидзе с небольшим отрядом красноармейцев отступил в глубь гор. Он объездил почти всю горную часть Терской области, организовал отряды красных партизан, собирал оружие у отступавших через горы в Тифлис красноармейцев и вооружал партизан, направлял коммунистов в горы Дагестана для организации там краснопартизанских отрядов против горского правительства и наступавшего с севера Деникина.

В. И. Ленин, И. В. Сталин, Я. М. Свердлов поддерживали трудящихся советских республик Дагестана и Северного Кавказа. Народный комиссар по делам национальностей товарищ Сталин организовал совещание представителей горцев Северного Кавказа и Дагестана, участвовавших в работе VI Всероссийского съезда Советов в ноябре 1918 года. По инициативе товарища Сталина, из участников этого совещания был создан при Народном комиссариате национальностей специальный отдел горцев Кавказа. Задачи этого отдела заключались в:

«а) информировании Советской власти о нуждах горцев Кавказа;

б) информировании горцев Кавказа о всех шагах и мероприятиях Советской власти;

в) удовлетворении через органы Советской власти нужд трудящихся горцев;

г) широкой агитации и пропаганде идей Советской власти среди общей массы горцев и проч.;

д) разработке на началах Советской Конституции, основанной на положении административно-территориальной автономии на Северном Кавказе и Дагестане»[1].

Для организации тесной связи с трудящимися массами при отделе горцев Кавказа были также созданы подотделы: Лезгинский — для работы в Дагестане, Осетинский — для Осетии, Черкасско-Кабардинский — для Кабарды и другие.

Киров в Москве создал штаб по организации помощи Северному Кавказу и отступавшей XI Армии. В декабре 1918 г. Киров организовал специальную экспедицию помощи Северному Кавказу и лично возглавил ее.

Ленин, Сталин и Свердлов поставили перед экспедицией конкретные задачи: она должна была срочно оказать XI Армии всемерную помощь, организовать отправку жидкого топлива из Грозного.

---

[1] «Жизнь национальностей» от 24 ноября 1918 года.

16 января 1919 года экспедиция прибыла в Астрахань. Вместе с ней прибыл и Киров.

Руководитель дагестанских большевиков, бывший председатель Порт-Петровского военно-революционного комитета Буйнакский, находившийся в Москве, ездивший туда для организации помощи трудящимся Дагестана против германо-турецких интервентов, с июля 1918 г. работал в отделе горцев Народного комиссариата национальностей.

Когда Деникин, захватив Терек, двинулся на Дагестан, Уллубий Буйнакский, получив от В. И. Ленина и И. В. Сталина директивы об организации борьбы с интервентами и белогвардейцами, направился с группой дагестанских работников на Кавказ. Единственный путь на Кавказ и Дагестан лежал через Астрахань. В последних числах января 1919 г. Буйнакский прибыл в Астрахань.

Враги Советского государства, оценивая исключительно важную стратегическую роль Астрахани как пункта, связывавшего Советскую Россию с Закавказьем и Северным Кавказом, направили на нее удары с трех сторон. Со стороны Каспийского моря она блокировалась английской флотилией, с востока к ней стремился Колчак, с юга на соединение с ним шел Деникин. В самом городе готовили встречу Деникину эсеры, меньшевики — контрреволюция.

Киров был назначен председателем ревкома Астраханского края и членом Реввоенсовета XI Армии. С этого времени он вплотную занялся делом организации помощи Дагестану.

Английские интервенты в Дагестане предъявили горскому правительству ультимативное требование немедленной мобилизации горцев для помощи англичанам и белогвардейцам. Только при выполнении этого условия англичане обещали главарям горской буржуазии и помещикам ускорить вопрос о признании «независимости» горского правительства. Однако горское население Дагестана, руководимое большевиками, посланными Серго Орджоникидзе из Терской области и Бакинским комитетом РКП(б), наотрез отказалось выступать против Советской власти.

Главари горского правительства в начале февраля 1919 г. созвали в Темир-Хан-Шуре съезд алимов и «представителей дагестанских народов». Большинство съезда составляли начальники округов, участков и другие представители буржуазно-националистических элементов. На съезде был поставлен вопрос о мобилизации горцев на борьбу против Советского правительства в помощь английским интервентам.

Бессильные в борьбе против народа, многие участники высказались на съезде против мобилизации горцев в отряды англичан. Представители трудящихся горцев, попавшие на съезд, категорически выступили против этого предложения.

«Недавно на съезде представителей дагестанских народов, — сообщал отдел горцев Наркомнаца, — англичане предложили дать кадры войск для борьбы с «русскими» (читай с большевиками),

обещая за это «полную самостоятельность», снаряжение, вооруженную помощь и тому подобные блага. На съезде по этому вопросу возникли бурные разногласия, и в конце концов большинством голосов присутствующих предложение англичан съездом было отклонено. Англичане ушли ни с чем, но их сторонники—князья тарковские, гоцинские, наджмутдины и т. д. — не успокоились и решили с оружием в руках, путем посылки карательных отрядов в «крамольные аулы», проучить своих врагов. Но они встречали неожиданные сопротивления со стороны «крамольников». Разгорелась борьба, охватившая теперь всю территорию Дагестана...

Последнее решение дагестанских народов, т. е. объявленная ими борьба против своих «вождей», есть двойная помощь для терских горцев в их борьбе против контрреволюционного казачества; с одной стороны, слабеют силы противника, а с другой стороны, в лице дагестанцев терцы приобретают нового союзника. Надо, однако, быть уверенным, что и англичане, и их сторонники из числа дагестанцев и терцев примут все меры, чтобы помешать объединению трудовых горцев этих двух соседних областей. Поэтому очередной нашей задачей является именно оказание организационной помощи в деле достижения объединения между горцами Терской и Дагестанской областей для совместной борьбы против общего врага. И чем скорее, тем лучше, ибо объединение горцев Кавказа и Дагестана для совместной борьбы против врагов революции на Кавказе означает полное поражение последних и окончательное освобождение от них не только Кавказа с его богатейшими запасами хлеба, мяса, жиров и прочих съестных припасов, но и Петровска и Баку, имеющих огромное значение для Центральной России, с их колоссальными запасами нефти, керосина, бензина и прочих материалов, в которых сильно нуждаются центральные губернии» [1].

Борьба трудящихся Дагестана против горского правительства и наступления Деникина на Дагестан

С помощью С. М. Кирова Буйнакскому удалось организовать в Астрахани из дагестанцев конный полк, предназначенный для переброски в Дагестан. Киров поставил перед большевиками Дагестана задачи: поднять весь Дагестан против английских интервентов и горского правительства, установить тесную связь с терскими большевиками и совместно с ними мобилизовать горцев Северного Кавказа и Дагестана на борьбу против Деникина.

С этими директивами Буйнакский возвратился нелегально в Дагестан.

К приезду Уллубия Буйнакского турецких аскеров в Дагестане сменили английские войска. Английские империалисты превратили Порт-Петровск в базу своего господства на Каспийском море.

---

[1] «Жизнь национальностей» от 16 февраля 1919 года.

Горское правительство настаивало на признании своей «независимости». Английская дипломатическая миссия на Кавказе, не желая открыто нарушать «демократию», всячески оттягивала признание «независимости» горского правительства. Представители Антанты активно помогали русским контрреволюционным генералам, шедшим с лозунгом восстановления «единой неделимой России».

Англичане уверяли главарей горского правительства в том, что главное — подавить всякое революционное выступление со стороны горцев. Что касается вопроса о «независимости», то рано или поздно он будет решен на Парижской мирной конференции союзников.

На Северном Кавказе обосновалась деникинская армия, которая занимала Терскую область. Председатель совета министров горского правительства Пшемахо Коцев уверял, что глава английской военной миссии генерал Томсон заявил ему, что он-де «потребует от добровольческой армии, чтобы она не наступала в сторону территории горского правительства и что об этом им было сообщено генералу Эрдели [1].

Союзное командование, — продолжал Коцев, — обещало поддержку нашей республике впредь до мирной конференции, и Деникину было приказано не наступать на территорию горского правительства» [2].

Но эти заявления были только маскировкой. На деле, чтобы подавить революционное движение рабочих и крестьян-горцев Дагестана и сохранить свою власть, представители горского правительства — генералы халиловы, князья тарковские, имамы гоцинские — всячески способствовали успеху «добровольческой армии» Деникина на Тереке и подготовляли вторжение ее в Дагестан.

Деникин назначил генерала Ляхова главнокомандующим войсками Терско-Дагестанского края. Горцы подняли вопрос о том, чтобы закрыть деникинцам путь на юг и предупредить неминуемый белый террор. Горское правительство в ответ на это требование решило послать председателя совета министров для переговоров с представителями Деникина.

Это трусливое решение выносилось тогда, когда все горцы громогласно заявляли о своей готовности к борьбе против Деникина, когда рабочие Порт-Петровска, Дербента открыто выступали против горского правительства, против помощи ему со стороны Антанты.

Уллубий Буйнакский организовал и руководил стачками рабочих Порт-Петровска, железнодорожников Дербента и Петровск-Кавказского, рабочих и служащих почты и телеграфа. В этих стачках он черпал поддержку и уверенность в скорой и окончательной победе.

По указанию С. М. Кирова, Буйнакский в марте 1919 г. создал подпольный Дагестанский областной комитет РКП(б), в

---

[1] Эрдели — деникинский правитель Северного Кавказа.

[2] «Дагестан» от 13 февраля 1919 года.

состав которого вошли Уллубий Буйнакский, Абдул-Халимов, Гарун Саидов, А. Измайлов, С. Казбеков, Гоголев, Батырмурзаев и другие. Дагестанский обком РКП(б) за короткий срок сумел вовлечь в ряды партии многих активных рабочих и горцев-бедняков. Профсоюзы, стачечные комитеты быстро стали переходить в руки большевиков.

27 апреля 1919 г. в Порт-Петровске во дворе кинотеатра «Прогресс» состоялось расширенное нелегальное совещание большевиков и активистов — рабочих текстильной фабрики, бондарного завода и железнодорожников. На совещание прибыли представители дербентской, петровск-кавказской и темир-хан-шуринской групп большевиков. Большевикам удалось обмануть бдительность белой контрразведки, провести совещание до конца, переизбрать стачечные комитеты — дербентский, темир-хан-шуринский и порт-петровский, а также избрать центральный стачечный комитет. Председателем центрального стачкома был избран рабочий-большевик Л. И. Фрибус.

Оживленная партийная работа шла также и в округах. Члены обкома РКП(б) посещали округа и участки, сколачивали красно-партизанские отряды, готовили в горах вооруженную силу для свержения горского правительства. Наиболее активно шла работа в аулах и участках, близких к Темир-Хан-Шуре, Порт-Петровску и Дербенту, а также в Даргинском, Казикумухском, Кюринском и Кайтаго-Табасаранском округах.

С апреля 1919 г. связь с Астраханью укрепилась. К этому времени Киров нанес сокрушительный удар врагам, пытавшимся сорвать революционные порядки в Астрахани. В этом мещанско-купеческом и торговом центре находилось много бежавших из Советской России белых офицеров, помещиков, капиталистов и других эксплоататорских элементов, которые объединились для борьбы против Советской власти. Связанные с Колчаком и Деникиным, эти враги трудящихся 10 марта подняли в Астрахани мятеж против Советской власти. Во главе мятежа стоял царский офицер, шпион английской разведки Томилин, посланный в Астрахань со специальным заданием. Мятежники захватили почту и половину города и угрожали центру. Они рассчитывали на помощь со стороны казаков, наступающих на Астрахань, но расчеты эти провалились. Под руководством С. М. Кирова контрреволюционный мятеж был быстро ликвидирован.

Вскоре в Астрахани закипела работа по ремонту пароходов и подготовке небольшой военной флотилии. С открытием навигации эта флотилия, по плану Кирова, должна была выйти в открытое море и подойти к Порт-Петровску. Шестьсот военных инструкторов, которые предназначались для руководства рабочими дружинами, подпольными отрядами Красной Армии и красными партизанами, шли в Дагестан через астраханскую степь. В помощь дагестанским большевикам Киров послал одного из своих лучших бое-

вых соратников — старого подпольщика, закаленного в борьбе с царизмом, — Оскара Лещинского.

В конце апреля 1919 г. Лещинский нелегально прибыл в Дагестан морем, на рыбнице. С его приездом областной комитет РКП(б) создал подпольный Военный совет Дагестана, в состав которого вошли Буйнакский, Лещинский, Абдул-Халимов и другие. Ближайшими задачами Совета являлись: организация вооруженных сил, разложение воинских частей горского правительства и подготовка отпора наступавшему с севера Деникину.

Обком РКП(б) и Военный совет разоблачали в массах предательскую сущность горского правительства. «Министры» этого правительства, чувствуя свое бессилие перед революционно-наступательным духом трудящихся, решили укрепить свои воинские части новым набором. Но им это не удалось. Рабочие и горцы-крестьяне отказались дать своих сыновей в солдаты продажному буржуазному правительству.

«Правительство это, — писал Серго Орджоникидзе, — имевшее кое-что в Дагестанской области, населенной аварцами, лезгинами и кумыками, распространив свою власть с помощью турецких аскеров, в бытность их в Дагестанской области, на некоторые округа, быстро стало терять свое влияние, а большевики, возглавляемые Буйнакским, стали фактической властью» [1].

За короткий период подпольный Военный совет завербовал в Красную Армию около 8 000 человек. Многие воинские части, формально подчиненные офицерам горского правительства, на самом деле перешли на сторону Военного совета.

На заседании Бакинского комитета РКП(б) 22 мая 1919 г. отмечалось, что горское правительство «никакой опоры в народе не имеет. Власть его распространяется на города Темир-Хан-Шуру, Дербент и несколько сел и окрестностей... Горские трудящиеся массы целиком против правительства и за Советскую власть. И Дагестанский областной комитет пользуется широким влиянием, располагая даже несколькими тысячами штыков» [2].

Большевики Дагестана во главе с Уллубием Буйнакским и представителем Реввоенсовета XI Армии Оскаром Лещинским развертывали партизанское движение в горах Дагестана и среди крестьян в плоскостной его части.

Уллубий Буйнакский часто созывал совещания наиболее передовых, большевистски настроенных активистов в аулах — Н. Дженгутае, Н. Казанище, Губдене и других. Большевистские агитаторы работали почти во всех центрах округов и в крупных аулах, подготовляя силы для свержения горского правительства и для сопротивления Деникину.

---

[1] Г. К. Орджоникидзе. Избранные статьи и речи 1911—1937 гг., стр. 68.
[2] Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанской Базы Академии наук СССР, дело 300, лист 22.

В Левашах, Дешлагаре (ныне Серго-Кала), Хасав-Юрте, Костеке, Андрей-ауле, Аксае, Баба-Юрте, Дженгутае, Кумтор-Кале, Губдене, Касумкенте, в Ахтах и в других аулах большевистские группы стали организовывать партизанские отряды. Руководили этими отрядами большевики и сочувствующие им командиры. Назывались они, по предложению Буйнакского, красной сельской милицией. В Андрей-ауле, Аксае, Баба-Юрте, Кумтор-Кале, Мекеге численность отрядов «красной сельской милиции» доходила до 100—150 человек.

Большой размах в эти дни имели экономические забастовки, принявшие затем политический характер. Главе горского правительства Коцеву часто приходилось обсуждать требования рабочих и служащих Порт-Петровска и Дербента. «Правительство горской республики, обсудив требование почтово-телеграфных служащих, признало его несправедливым, абсолютно неприемлемым. Если забастовка не прекратится через 24 часа, то правительство будет считать всех служащих уволенными» [1]. Такого рода заявления министры горского правительства делали почти ежедневно.

Фактической властью во многих местах пользовались исключительно стачкомы.

Иностранные интервенты, покровительствуя горскому правительству, чувствовали угрозу со стороны большевиков и старались всячески активизировать борьбу горского правительства против них. «Если у вас будет большевизм, то наступят на вас не только деникинцы, но и наша армия» [2], — заявил Коцеву представитель Антанты полковник Роуландсон.

Горские помещики, буржуазия и реакционное духовенство, учитывая шаткость положения своего правительства, настаивали на ускорении переговоров с Деникиным. Было ясно, что правительство помещиков и буржуазии без боя впустит войска Деникина в Дагестан.

Под руководством С. М. Кирова в Дагестане шла подготовка к свержению власти горского правительства и организации сил для отпора наступавшему Деникину.

Связь Дагестана с Астраханью усилилась. Почти ежедневно в Петровск-Кавказский прибывала рыбацкая лодка, привозившая от Кирова директивы, деньги и людей.

«Недалеко от города, — писала в своих воспоминаниях Шаброва В. Е., — за бурунами, на пустынной песчаной косе, по вечерам останавливались рыбацкие лодки. Люди выгружали на берег сети и рыбу, шли в буруны, к маленьким домикам железнодорожного поселка. Здесь в одном из домиков жил машинист станции Петровск-Кавказской. С песчаной косы к нему на квартиру под видом рыбаков приходили посланцы из Астрахани, приносили свертки с деньгами, подпольную литературу, директивы.

---

[1] Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанской Базы Академии наук СССР, дело 300, стр. 23.

[2] Там же.

Иногда рыбацкая лодка, бесшумно пройдя среди ночи к берегу, так же бесшумно и незаметно уходила обратно в море, оставив в воде тяжелый груз. Утром выходили к морю из поселка женщины... с корзинами белья. Кончив полосканье, они забирали вместе с бельем и груз, оставленный ночью рыбаками. Это была тяжелая железная банка с запаянной крышкой. Ее вскрывали, очищали от содержимого и снова запаивали. А вечером женщины, прикрыв бельем, относили банку на то же место у берега» [1].

День свержения власти горской буржуазии и помещиков приближался. Краснопартизанские отряды сосредоточились в аулах, расположенных вблизи Темир-Хан-Шуры — резиденции горского правительства. Военный совет Дагестана при обкоме РКП(б) рассчитывал направить главный удар на Порт-Петровск, где были сосредоточены части Антанты, ожидавшие прихода деникинской «добровольческой армии».

К установленному Кировым дню порт-петровские рабочие подготовили все для разгрома иностранных империалистов в Порт-Петровске: подъемные краны английских гидропланов были приведены в полную негодность и лошади гарнизонной артиллерии с упряжью при помощи солдат уведены в горы. В ауле Кумтор-Кала стоял наготове отряд рабочих и красных партизан-горцев. В Порт-Петровске рабочие дружины готовы были с появлением на горизонте астраханской красной флотилии обезоружить офицерские части горского правительства и англичан.

Судебно-следственные материалы белогвардейского суда по делу дагестанских большевиков — Буйнакского, Оскара Лещинского и других — ярко показывают размах помощи С. М. Кирова Дагестану. В показании шпиона генерала Халилова — офицера Тимушева, допущенного вратом народа Коркмасовым в подпольный Военный совет, говорится:

«На военном совете 1919 года Оскар (Лещинский. — **Н. Э.**) сделал доклад, из которого я узнал, что предполагается из Астрахани десант 600 инструкторов и должен выйти в море флот, состоящий из 37 миноносцев и истребителей. Одновременно сухим путем на Кизляр должны итти XI и XII армии.

600 инструкторов предполагалось для армии, формируемой в Дагестане. Буйнакский и другие члены Совета настаивали на немедленном перевороте в Дагестане, опираясь на части горской армии, состоящей на службе у Советской власти» [2].

Уллубий Буйнакский в своем письме от 1 мая 1919 г. сообщал С. Орджоникидзе:

«Товарищи из Терского народного Совета Бутырин, Булле, Орджоникидзе и другие, кто у вас остался жив? Я в Петровске, Киров в Астрахани. От нашего общего имени и по поручению реввоенсовета XI-й армии сообщаю вам: Петровск и Шура — нака-

---

[1] «Женщина в гражданской войне», стр. 215. Госполитиздат. 1938.

[2] Газета «Молот» от 15 июля 1919 года. Баку.

нуне советской власти. Нам совершенно необходимо знать точное положение вещей в вашем крае. Где фронт казаков? Правда ли, что Владикавказ занят ингушами? Во всяком случае держитесь сколько возможно. Мы послали к вам в апреле месяце гонцов, дошли ли они до вас? С подателями пришлите точные сведения. До нас доходят сведения о взятии Владикавказа советскими частями и многие другие. Если это так, то мы несказанно рады, если слухи остаются только слухами, сообщаем вам, что как только мы выступим и займем Темир-Хан-Шуру и Петровск, то тотчас же двинем наши силы к вам на помощь. Силы у нас солидные... Помощь наша в самое ближайшее время будет реальнейшая» [1].

10 мая в Порт-Петровск прибыло еще несколько коммунистов, командированных Кировым в зафронтовую полосу. Оскар Лещинский, быстро познакомив их с подпольным партийным активом и введя в курс практических дел, поручил им возглавить работу в Порт-Петровске и быть готовыми к его наступлению со стороны Кумтор-Калы с красными партизанами.

«10 мая, — говорится в материалах военно-шариатского суда по делу дагестанских большевиков, — было заседание военного совета с участием представителей армии горской республики с целью координирования действий на случай переворота... На этом совете было выяснено, что половина армии на стороне совета, четверть сочувствует, а остальные в случае выступления не окажут сопротивления. 10 мая получено известие, что в Порт-Петровск прибыли два делегата из Астрахани с письмом. Оскар выехал в Петровск, а затем, вернувшись 12 мая, доложил, что большевистский флот имеет некоторый успех, и что из Астрахани выслано 5 миллионов рублей» [2].

В первых числах мая, с открытием навигации, С. М. Киров направил отремонтированные в Астрахани красные корабли в Порт-Петровск. Предварительно нужно было обезопасить тыл. Большевистские корабли направились в Форт-Александровск и ночью захватили его. Здесь, по перехваченной радиограмме, астраханские товарищи узнали, что из Порт-Петровска вышла в сопровождении крейсера английская канонерская лодка «Лейла», на которой находилась военная делегация деникинского штаба во главе с генералом Гришиным-Алмазовым, направлявшаяся в Гурьев для встречи с колчаковцами. Английское командование из Порт-Петровска строго предупредило Форт-Александровск о необходимости принятия соответствующих мер к встрече «Лейлы» в море и сопровождения ее в Гурьев. Колчаковский генерал Толстов с нетерпением ждал деникинскую делегацию.

Пользуясь перехваченной радиограммой, астраханская красная флотилия захватила «Лейлу». Генерал Гришин-Алмазов застре-

---

[1] Н. Эмиров. Уллубий Буйнакский, стр. 39—40. Даггиз. 1940.
[2] «Молот» от 15 июля 1919 года.

лился. В его портфеле было найдено личное письмо Деникина к Колчаку с планом совместных действий. Деникин писал, что он надеется соединиться с войсками Колчака в районе Саратова.

Весть о захвате делегации деникинского штаба сильно встревожила белых в Порт-Петровске и Гурьеве. Против небольшой красной флотилии выступили большие белогвардейские силы. После отчаянного сопротивления красная флотилия, героическими усилиями вырвавшись из окружения, вынуждена была уйти в Астрахань. О захвате генерала Гришина-Алмазова и готовящемся приходе в Порт-Петровск красной флотилии белогвардейцев предупредили из Астрахани предатели.

Для обсуждения создавшегося положения 13 мая в Темир-Хан-Шуре было созвано экстренное заседание обкома РКП(б), на которое явились Уллубий Буйнакский, Оскар Лещинский, Гоголев, Абдул-Халимов, Измаилов и другие. Об этом заседании стало известно военному министру горского правительства генералу Халилову.

Вскоре по открытии заседания один из членов обкома, Коркмасов, разоблаченный в 1937 г. как враг народа, покинул заседание якобы по вызову. Вслед за его уходом дом Абдул-Вагаба Гаджи-Магома-оглы (на Апшеронской ул.), в котором происходило заседание, был оцеплен, и все участники заседания были схвачены и арестованы. Вслед за этим генерал Халилов по указанию Деникина и с помощью офицерства произвел «правительственный переворот» и пропустил деникинскую армию на территорию Дагестана. За эту помощь генерал Халилов был объявлен Деникиным правителем Дагестана.

По поводу этих событий Серго Орджоникидзе в своем докладе указывал:

«20 мая 1919 г. областной комитет нашей партии собирался созвать съезд в Темир-Хан-Шуре. Большевики должны были бы захватить власть в свои руки, но группа офицеров предупредила это и произвела военный переворот, поставив во главе горского правительства генерала Халилова, который поддерживал Деникина и без одного выстрела впустил его в Петровск, Дербент и Темир-Хан-Шуру, заявив Союзному Совету (парламент), что у Деникина много сил и им не справиться с ними. Правительство распустило себя. Союзный Совет тоже распустил себя. Халилова Деникин назначил правителем Дагестана. Так кончило это правительство свое позорное существование. Имена Чермоева, Коцева и Джабагиева навсегда останутся именами предателей горских народов»[1].

22 мая авангардные части Деникина под командованием генерала Дроценко прибыли в Порт-Петровск и предложили Халилову немедленно очистить территорию Дагестана от членов горского правительства.

---

[1] Г. К. Орджоникидзе. Избранные статьи и речи 1911—1937 гг., стр. 68—69.

23 мая состоялось совещание так называемых членов парламента. На этом совещании помощник Гоцинского Абдул-Басир Гаджи по директиве своего руководителя, резко возражая сторонникам войны с Деникиным, запретил правительству оказывать сопротивление «добровольческой армии». Воевать с деникинцами нельзя, говорил он, ибо шариат запрещает главарям народа тянуть его на неравную борьбу.

25 мая Халилов выполнил распоряжение Деникина, предоставив членам правительства «отпуск». В его специальном приказе от 24 мая говорилось: «Ввиду изменения в политике, в связи с приходом добровольческой армии... парламенту республики объявить отпуск».

В тот же день из Темир-Хан-Шуры Халилов отправил генералу Дроценко телеграмму, в которой говорилось, что «правительство горской республики», во главе с генералом Халиловым, «осведомившись о целях прибытия в Шамиль-Калу «добровольческой армии», не желая, чтобы на этой почве между населением Дагестана и «добровольческой армией» происходили вооруженные столкновения, 24 мая в 10 часов вечера сложило свои полномочия. Дагестанская фракция парламента, совместно с исполняющим должность шейх-уль-ислама и группой дагестанской интеллигенции, постановила предложить парламенту: отставку принять, а союзный совет горской республики закрыть[1]. Халилов сообщил также, что дагестанская фракция парламента и духовенство утвердили Дагестанское временное правительство в лице генерала Халилова, предоставив ему самому избрать временный состав из двух или трех лиц.

В состав деникинского Дагестанского «временного правительства» вошли ярые дагестанские контрреволюционеры — князь Тарковский, полковник Мусалаев и Арацханов. Выступавшие недавно против русских «борцы» за «независимое имамство», Гоцинский и Мустафаев остались при прежних ролях — муфтия и его заместителя при деникинской власти.

«Это было тогда, — писал С. М. Киров, — когда... горское правительство, не имея ни турецких аскеров, ни горского населения за собой, продало горцев палачам Деникина ценой жизни горских коммунистов с тов. Буйнакским во главе...

Это было в Дагестане, где всякие ханы Аварские, Тарковские, генералы Халиловы и Хаджи-Мураты (Арацханов. — **Н. Э.**) приглашали палачей черной стаи Деникина, чтобы задушить «дерзость рабов» Дагестана к свободе и потопить их в крови»[2].

Узнав об аресте тт. Буйнакского, Лещинского и других, красные партизаны аулов Дженгутай, Дургели, Казанище, Кадар совершили вооруженное нападение на Темир-Хан-Шуру. Генерал Халилов вынужден был послать к красным партизанам делегацию,

---

[1] «Дагестан» от 28 мая 1919 года.

[2] «Пролетарская революция» № 2 за 1940 год, стр. 206.

которая от имени правительства и шейха Али-Гаджи повела переговоры и клятвенно обещала партизанам в ближайшие дни освободить арестованных большевиков. Партизаны поверили и разъехались по своим аулам.

Своих обещаний палачи, конечно, не выполнили. Всех арестованных решено было перебросить из слабо охраняемой темир-хан-шуринской тюрьмы в порт-петровскую, где охрана была в руках деникинских казаков.

Узнав о намечавшемся переводе арестованных большевиков в Порт-Петровск, рабочие дружины, под руководством присланного из Астрахани рабочего Иванченко, командированного С. М. Кировым в Дагестан, установив связь с партизанской кавалерией, стоявшей недалеко от Кумтор-Калы, решили напасть на поезд, в котором везли арестованных, и освободить их.

Все приготовления были закончены. Но в решающий момент, когда уже началось нападение на поезд, руководивший конным отрядом предатель Коркмасов демонстративно воспрепятствовал нападению. Он снял кавалерию — основное ядро засады — и отошел от Кумтор-Калы. Этим воспользовался конвой поезда, состоявший из 250 солдат с пулеметами, и отбил нападение рабочих дружин и красных партизан. Иванченко при перестрелке был убит.

«Причина нашей неудачи, — говорится в отчете политработников, командированных Реввоенсоветом XI Армии в зафронтовую полосу, — оказывается та, что какой-то бек пустил провокационный слух о наступлении деникинских войск из Хасав-Юрта на Кумтор-Кала. Красноармейцы, находившиеся в распоряжении Джелала (т. е. Коркмасова. — **Н. Э.**), не выступили. Поэтому же и не было установлено связи и не прибыла кавалерия»[1].

Астраханские делегаты, присланные Кировым, уезжая в последних числах мая из Дагестана, доложили Реввоенсовету XI Армии о положении в Дагестане следующее:

«Не редки восстания и забастовки горцев и рабочих, требующих освобождения арестованных товарищей. Горцами в качестве заложников задержано около ста офицеров. Уезжая из Петровска (21 мая), имели сведения, что все наши товарищи еще живы. У горцев большой недостаток в людях, политработниках... Поэтому главной задачей настоящего момента является посылка таковых туда»[2].

Приход деникинских банд в Дагестан ознаменовался жестоким белогвардейским террором, расстрелами, массовым избиением мирных жителей городов. Рабочих городов и горцев обвиняли в большевизме и каждого подозрительного расстреливали без суда и разбирательства.

«Петровск и Дербент, занятые деникинской бандой, — писали тогда бакинские большевики, — представляют кромешный ад.

[1] Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанской Базы Академии наук СССР. Материалы XI Армии, дело 22, стр. 30.

[2] Там же, стр. 31.

Временные господа положения, участники карательных экспедиций при Николае-кровавом, расправляются с рабочими. Расстрелы, виселицы, «тесные галстуки» выводят в «расход» рабочих, обвиняемых в большевизме. Массовый расстрел, бесшабашный пьяный разгул и грабеж офицерской банды возбуждают население, которое ждет момента для расправы с разбойниками» [1].

Арестованные большевики предстали перед судом деникинских палачей. Уллубия Буйнакского, Оскара Лещинского, Саида Абдул-Халимова, Абдурахмана Измайлова, Меджида Али-оглы и всех других обвиняли в следующем:

«Начиная с 1918 года на территории Дагестана, по уговору между собой и другими лицами, способствовали войскам Советской республики в ее военных действиях против добровольческой армии и союзных с нею войск, для чего вели агитацию в пользу Советской республики, организовали Красную армию, в которой Абдурашид, Меджидов и Владимир Тимушев были главнокомандующими, Буйнакский был председателем военного совета, а Саид Абдул-Халимов — членом того же совета. Через именуемого себя Николаем Савинковым, по кличке «Оскар», снабжавшего их в качестве делегата от астраханских большевиков деньгами и др. лиц принимали меры к переходу на их сторону военных частей петровского отряда добровольческой армии и к лишению гор. Петровска возможности защиты от неприятеля тем, что испортили подъемные краны гидропланов и пытались вынуть замки с орудий батарей и увести упряжку артиллерийских лошадей. В конце апреля и в начале мая организовали отряд красных для нападения на гор. Петровск» [2].

Кавказский краевой и Бакинский комитеты РКП(б) и лично С. М. Киров из Астрахани предпринимали все меры для спасения руководителей дагестанских большевиков. С. М. Киров отправлял коммунистов в горы Дагестана и организовывал выступления горцев против деникинских банд.

Бакинские большевики писали в своей газете:

«Арестованные еще 13 мая, т. н. горским правительством народные борцы за свободу Дагестана и победу трудящихся классов были проданы изменниками горских народов генералу Деникину вместе со всем Дагестаном. Суд и следствие, назначенные для виду над горскими коммунистами, являются сплошной издевательской комедией. Участь их предрешена в кабинетах черных генералов.

Как видно из обвинительного акта, русские выделены из общего списка большевиков. Они переданы в непосредственное распоряжение добровольческих опричников. Какая участь ждет их — не приходится гадать. Но и дагестанцы-коммунисты, судимые «главным высшим военным шариатским судом» (т. е. дагестански-

[1] Газета «Набат» от 28 мая 1919 года. Баку.

[2] Государственный архив МВД Дагестанской АССР, фонд 19, дело 16, лист 18.

ми предателями — лакеями Деникина), не избегнут той же участи революционеров, попавших в лапы реакции. Никого не может обмануть гнусная комедия холопско-«шариатского» суда. В подавляющем большинстве арестованные товарищи держатся с героическим достоинством истинных революционных борцов. Сердца всего дагестанского народа бьются в один такт с сердцами тех, кто не сегодня, завтра должен пасть жертвой за его освобождение. Но если реакция успеет до напора революционной волны расправиться с ними, то завтра беспощадна будет месть за мучеников революции» [1].

Палачи приговорили пятерых большевиков-дагестанцев во главе с Уллубием Буйнакским к смерти. Их расстреляли около станции Темиргое, по дороге в Хасав-Юрт. Оскара Лещинского зарубили после долгих мучений. Остальных назначили к ссылке в Туркестанский край, некоторые из них были расстреляны, другие погибли в песках и только немногим удалось вырваться из лап палачей.

Деникинские палачи и их ставленник генерал Халилов приступили к «очистке» городов и плоскостных и предгорных аулов от большевистских агитаторов. Около 40 человек большевистских активных агитаторов были арестованы в Порт-Петровске и Дербенте в течение только одного лишь июня. Немалую помощь деникинским палачам оказали эсеры.

В первых числах июня в Порт-Петровске происходило собрание «левых» эсеров. На собрании стоял один вопрос — о связи эсеров с деникинской «добровольческой армией». «Левые» эсеры абсолютным большинством решили поддержать «добровольческую армию» в ее вооруженной борьбе с большевиками [2].

В начале 1919 г. в Азербайджане, в районе Мугани и Ленкорани, трудящиеся азербайджанцы под руководством Бакинского комитета РКП(б) во главе с А. Микояном свергли власть муссаватистов и их покровителей — иностранных империалистов — и утвердили рабоче-крестьянскую Советскую власть. Муганские товарищи арестовали десятки деникинских офицеров, находившихся на шпионско-подрывной работе в Мугани. Большевики Баку и Азербайджана предупредили командование «добровольческой армии» Деникина и деникинского правителя Дагестана генерала Халилова, что за каждого расстрелянного дагестанского большевика они будут расстреливать пять деникинских офицеров, задержанных в Мугани.

Гибель Уллубия Буйнакского и его товарищей не поколебала революционного духа горцев, воспитанных большевиками, их стремления свергнуть господство Деникина и восстановить власть Советов.

Вступление деникинцев в Дагестан еще больше раздуло пламя борьбы горцев за Советскую власть. Участились вооруженные на-

[1] «Молот» от 15 июля 1919 года.
[2] «Набат» от 7 июня 1919 года.

падения на города и крепости, где засели деникинские казаки и отряды «правителя» Халилова.

Для руководства подготовкой массового восстания горцев Дагестана на помощь дагестанским большевикам все чаще и чаще стали приезжать из Астрахани посланцы С. М. Кирова. Заросшие камышом плавни Терека и Кумы, Баба-Юрт, Аксай, Андрей-аул, Леваши стали пунктами связи с Астраханью. Кавказский краевой и Бакинский комитеты установили тесные связи с Левашами, Ахтами, Касумкентом, Маджалисом, Кумухом.

Большевики Дагестана, руководимые из Астрахани С. М. Кировым и из Баку А. И. Микояном, готовили массовое восстание горцев Дагестана, начавшееся в августе 1919 года.

Горские партизанские отряды, под руководством большевиков, превратили каждый аул, каждую саклю в горах в крепости против деникинцев. Утвердиться Деникину удалось только в плоскостной части и в некоторых предгорных районах Дагестана.

Борьба трудящихся Дагестана против Деникина по своему размаху и ожесточению превосходит все бои, которые пришлось выдержать деникинской армии на Кавказе. Ни одной национальной республике, ни одной народности на Кавказе не довелось испытать такого напряжения в боях с Деникиным, какое выпало на долю горцев Дагестана.

Своей бесстрашной борьбой против Деникина трудящиеся Дагестана активно помогали борьбе, которую вел великий русский народ против Деникина.

«Революция в России не победила бы, — писал товарищ Сталин, — и Колчак с Деникиным не были бы разбиты, если бы русский пролетариат не имел сочувствия и поддержки со стороны угнетенных народов бывшей Российской империи»[1].

В августе и сентябре 1919 г. горские красные партизаны и трудящиеся Дагестана разгромили деникинские отряды и гарнизоны в горах и предгорьях. Началось всенародное восстание горцев Дагестана против Деникина — главного врага Советской власти. Этой борьбой руководили Кавказский краевой и Бакинский комитеты РКП(б) во главе с А. И. Микояном и астраханские большевики, руководимые С. М. Кировым. По указанию С. М. Кирова, под руководством А. И. Микояна был создан в Баку и затем переброшен в горы Дагестанский обком РКП(б).

Большевики Дагестана во главе с С. С. Казбековым[2] шаг за шагом отвоевывали посты в Совете Обороны. Большевики добились избрания Казбекова председателем Совета Обороны. Дагестанскому обкому РКП(б) во главе с С. С. Казбековым удалось очистить состав Совета Обороны от членов парламента бывшего

---

[1] «Красный архив» № 4—5 за 1938 год, стр. 5.

[2] Султан-Саид Казбеков бандитски растерзан отрядом Нури-паши в марте 1920 г.

горского правительства и вместе с тем отстранить от командования турецких офицеров [1], приведенных главарями буржуазных националистов, имевших целью восстановить власть горского правительства после изгнания Деникина из Дагестана.

По зову партии большевиков Дербентский полк, ядро которого состояло из красноармейцев и командиров XI Красной Армии, переброшенных Кавказским краевым комитетом РКП(б), 25 марта 1920 г. после упорных боев разбил деникинцев и занял город Дербент. Дагестанские большевики решили не дать уйти в горы деникинцам и 28 марта 1920 г. неожиданным натиском заняли Темир-Хан-Шуру. Части XI Красной Армии и краснопартизанские отряды совместным ударом разгромили врага и сбросили остатки деникинских банд в Каспийское море.

День 30 марта 1920 г. части XI Красной Армии и красные партизаны Дагестана отметили как день победы над врагом и восстановления Советской власти в Дагестане.

О величайшей стойкости и самоотверженности горцев, о чудесах героизма, проявленных ими в годы гражданской войны, А. И. Микоян писал в своем приветствии народам Дагестана в день 5-летия Советской автономии Дагестана:

«В тяжелые дни, когда белые полчища Деникина занимали один за другим подступы к пролетарской столице — Красной Москве, дагестанские народы, эти славные горные орлы, оказали величайшую помощь загнанным в контрреволюционные тиски русским рабочим и крестьянам. Народы Дагестана подняли знамя всенародного восстания в тылу Деникина. Они открыли ему новый фронт, отвлекли его силы, помешали продвижению его банд на Советскую Россию» [2].

* * *

Трудящиеся Дагестана не стояли в стороне и от последующих исторических битв великого русского народа. Весть о выступлении белополяков против Советской России и Врангеля быстро облетела глубокие горные ущелья Дагестана. 29 сентября 1920 г. в городе Темир-Хан-Шуре состоялись торжественные проводы большого отряда добровольцев-горцев, отправлявшихся на врангелевский фронт.

«Вся горская беднота, — писалось в газете «Коммунист», — с большим порывом откликнулась на призыв советской власти выступить против Врангеля. С первых же дней начался призыв добровольцев. В большинстве селений ком. ячейки постановили поголовно явиться со своими знаменами в распоряжение Комитета

---

[1] Генерал Нури-паша с отрядом турецких офицеров остался в Елизаветполе. Англичане не препятствовали ему оставаться на Кавказе. В 1919 г. он был переброшен в Дагестан против Деникина с целью восстановления власти горского правительства.

[2] «Красный Дагестан» от 1 апреля 1925 года.

Коммунистической партии с тем, чтобы все были немедленно отправлены против царского генерала Врангеля. Многие являются с конями и вооружением. Подъем общий. Картина напоминает дни восстания против Деникина: то же стихийное движение, тот же широкий размах» [1].

Вскоре над горцами Дагестана нависла новая опасность: враги Советской власти — Гоцинский и белые офицеры с помощью грузинских меньшевиков и Врангеля — подняли в горах Дагестана антисоветский мятеж. Выступление Гоцинского было частью общего плана нового контрреволюционного наступления на юге России. Борьбой дагестанцев в этот период руководили И. В. Сталин и Серго Орджоникидзе.

По призыву Орджоникидзе, непосредственно руководившего разгромом контрреволюционного мятежа в горах Дагестана и в Чечне, сотни и тысячи трудящихся героев снова собрались в партизанские отряды.

«Вся молодежь округа, — говорилось в корреспонденции из Кази-Кумуха,—становилась под ружье. Настроение всего казикумухского народа столь бодрое и решительное, что многие, перевалившие за восемьдесят лет, передают, что такого приподнятого настроения они не помнят никогда. Разве только в момент изгнания персидских полчищ Надир-шаха из Дагестана в середине XVIII века. Тогда на тех же Турчидагских высотах и у Кегера, как и сейчас, казикумухскому народу, при помощи удальцов Андалала, удалось спасти свободу Дагестана от персидских завоевателей. И на этот раз они докажут Советской России и всему миру, что Дагестан был и останется только красным» [2].

13 ноября И. В. Сталин, выступая на съезде народов Дагестана в городе Темир-Хан-Шуре, объявил Дагестан Автономной Советской Республикой.

Вместе с тем товарищ Сталин поставил перед трудящимися Дагестана задачу разбить Гоцинского и укрепить Советскую власть в горных округах и аулах Дагестана.

«Последние события на юге Дагестана, — говорил товарищ Сталин, — где предатель Гоцинский выступил против свободы Дагестана, являясь выполнителем воли генерала Врангеля, того самого Врангеля, который при Деникине, борясь с повстанцами, разрушал аулы горцев Северного Кавказа, — эти события говорят о многом.

Я должен отметить, что дагестанский народ в лице своих красных партизан в боях с Гоцинским, защищая свою Советскую власть, доказал тем самым свою преданность красному знамени.

Если вы прогоните Гоцинского, врага трудящихся Дагестана, то тем самым оправдаете доверие, которое оказывает высшая Советская власть, давая Дагестану автономию.

---

[1] «Коммунист» от 21 октября 1920 года. Владикавказ.
[2] «Советский Дагестан» от 25 октября 1920 года. Темир-Хан-Шура.

Советское правительство — первое правительство, которое добровольно дает Дагестану автономию.

Мы надеемся, что народы Дагестана оправдают доверие Советского правительства»[1].

Горцы Дагестана с честью оправдали доверие великого вождя. Руководимые Серго Орджоникидзе, большевики Дагестана и горские красные партизаны с помощью своих старших братьев — русских рабочих и крестьян — в марте 1921 г. разгромили банды Гоцинского и навсегда освободили трудящихся Дагестана от всех эксплоататоров и укрепили узы братской дружбы горцев с великим русским народом.

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 397.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 3

Глава I

Дагестан в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции

Дагестан в период Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года 5

Борьба трудящихся Дагестана в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции 16

Победа Октябрьской социалистической революции в центре и борьба за установление Советской власти в Дагестане 25

Глава II

Установление Советской власти в Дагестане

Порт-Петровский военно-революционный комитет 34

Установление Советской власти в Дагестане 58

Дагестанские большевики в борьбе за укрепление Советской власти в Дагестане 67

Глава III

Сговор буржуазно-националистических элементов Дагестана и Северного Кавказа с германо-турецкими интервентами в 1918 году

Вероломное нарушение Брестского мирного договора германо-турецкими империалистическими хищниками 81

Образование правительства республики горцев Кавказа в Тифлисе — «горского правительства» 92

Подготовка к наступлению германо-турецких интервентов на Дагестан и Северный Кавказ 99

Глава IV

Германо-турецкие интервенты в Дагестане и борьба трудящихся против них

Начало наступления германо-турецких войск на Дагестан и Северный Кавказ 105

Борьба трудящихся Дагестана и Красной Армии против дагестанской белогвардейщины и турецких интервентов в горах 111

Борьба за укрепление и упрочение Советской власти в Дагестане 120

Глава V

Борьба трудящихся Дагестана против бичераховщины

Бичераховский антисоветский мятеж на Тереке и его угроза Дагестану 128

Падение Советской власти в Баку и действия Л. Бичерахова — наймита английских интервентов 134

Борьба трудящихся Дагестана против Бичерахова и турецких интервентов 142

Глава VI

Новый этап борьбы трудящихся Дагестана против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции 1918—1919 годов

Господство горского правительства в Дагестане и его попытки проникновения на Северный Кавказ 156

Наступление Деникина на Терек и попытки образования коалиционного правительства «Союза горцев и казаков» 166

Борьба трудящихся Дагестана против горского правительства и наступления Деникина на Дагестан 172

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК ВКП(б)

Цена 8 руб.